

ISSN 2219-6838

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ**

Основано в 2010 году

6/2017

electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – к. ю. н., доц. **И. В. Федоров**

д. ю. н., проф. **А. С. Барабаш**; к. ю. н., доц. **Ю. С. Безбородов** (зам. гл. редактора); д. ю. н., проф. **В. С. Бельх**; д. ю. н., проф. **Л. Ю. Василевская**; д. ю. н., проф. **Д. В. Винницкий**; к. ю. н. **О. Г. Геймур**; д. ю. н., проф. **С. Ю. Головина**; к. ю. н., доц. **Д. В. Жернаков**; д. ю. н., проф. **С. К. Загайнова**; д. ю. н., проф. **Т. В. Заметина**; д. ю. н., проф. **С. В. Кодан**; к. ю. н. **Я. Койстинен** (Финляндия); д. ю. н., проф. **А. Н. Кокотов**; к. ю. н., проф. **Т. В. Кондрашова**; д. ю. н. проф. **П. И. Кононов**; к. ю. н., доц. **Т. Е. Логинова**; д. ф. н., проф. **И. П. Малинова**; д. и. н., проф. **В. П. Мотревич**; д. ю. н., проф. **В. В. Невинский**; д. ю. н., проф. **В. В. Никишин**; проф. **П. Поликастро** (Польша); д. ю. н., доц. **С. Б. Поляков**; д. ю. н., проф. **В. Ф. Попондопуло**; к. ю. н., доц. **О. Н. Родионова**; к. ю. н., проф. **Р. К. Русинов**; д. ю. н., проф. **П. И. Савицкий**; д. ю. н. проф. **Е. В. Смахтин**; д. ю. н., проф. **Ю. Н. Стариков**; д. ю. н., проф. **И. А. Тарханов**; д. ю. н., доц. **В. Л. Толстых**; д. ю. н., проф. **А. Трунк** (ФРГ); д. ю. н., проф. **М. Ю. Федорова**; проф. **Хуан Даосю** (Китай); проф. **П. Шокинс** (Бельгия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **I. V. Fedorov** (candidate of law, assoc. prof.)

A. S. Barabash (doctor of law, prof.); **Yu. S. Bezborodov** (candidate of law, assoc. prof.); **V. S. Belykh** (doctor of law, prof.); **L. Yu. Vasilevskaya** (doctor of law, prof.); **D. V. Vinnitskiy** (doctor of law, prof.); **O. G. Geymur** (candidate of law, assoc. prof.); **S. Yu. Golovina** (doctor of law, prof.); **D. V. Zhernakov** (candidate of law, assoc. prof.); **S. K. Zagaynova** (doctor of law, prof.); **T. V. Zametina** (doctor of law, prof.); **S. V. Kodan** (doctor of law, prof.); **Ja. Koistinen** (candidate of law) (Finland); **A. N. Kokotov** (doctor of law, prof.); **T. V. Kondrashova** (candidate of law, prof.); **P. I. Kononov** (doctor of law, prof.); **T. E. Loginova** (candidate of law, assoc. prof.); **I. P. Malinova** (doctor of philosophy, prof.); **V. P. Motrevitch** (doctor of history, prof.); **V. V. Nevinskiy** (doctor of law, prof.); **V. V. Nikishin** (doctor of law, prof.); **P. Policastro** (prof.) (Poland); **S. B. Polyakov** (doctor of law, assoc. prof.); **V. F. Popondopulo** (doctor of law, prof.); **O. N. Rodionova** (candidate of law, assoc. prof.); **R. K. Rusinov** (candidate of law, prof.); **P. I. Savitskiy** (doctor of law, prof.); **E. V. Smakhtin** (doctor of law, prof.); **Yu. N. Starilov** (doctor of law, prof.); **I. A. Tarkhanov** (doctor of law, prof.); **V. L. Tolstykh** (doctor of law, assoc. prof.); **A. Trunk** (doctor of law, prof.) (Germany); **M. Yu. Fedorova** (doctor of law, prof.); **Huang Daoxiu** (prof.) (China); **P. Schoukens** (prof.) (Belgium)

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207

Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮУ,

редакция «Российского юридического журнала».

Тел./факс (343) 375-54-20. electronic.ruzh.org.

E-mail: ruzh@usla.ru.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции. Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к „Российскому юридическому журналу“», допускается только с разрешения редакции

© Уральский государственный юридический университет, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

- Пучков О. А. (Екатеринбург)* К вопросу о развитии методов познания права и государства 6
- Тарасов Н. Н. (Екатеринбург)* Основания исследования права как традиции: методология постановки вопроса 11
- Пономарева Е. В. (Екатеринбург)* Нации и народы как субъекты права: теоретико-правовой анализ 16

ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЕ И ПОЛИТОЛОГИЯ

- Макаркин С. В., Ложкарев А. И. (Екатеринбург)* О национальных интересах Российской Федерации в контексте укрепления национальной безопасности, социально-политического и экономического суверенитета страны (по материалам посланий Президента РФ В. В. Путина: 2000–2007 гг.) 24
- Кузнецов П. У. (Екатеринбург)* Информация как объект правоотношений в области обеспечения информационной безопасности 39

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

- Савицкий П. И., Мочалов А. Н. (Екатеринбург)* Два подхода к территориальной организации полиэтнического государства 44
- Загайнова С. К., Чудиновская Н. А., Шереметова Г. С. (Екатеринбург)* Обязательная медиация в Италии: проблемы реализации 56
- Смирнов К. Ю. (Пекин, Китайская Народная Республика)* О Законе Китайской Народной Республики «О борьбе с наркотиками» 63

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Лазутин Л. А. (Екатеринбург)* Правовая помощь по уголовным делам: некоторые дискуссионные вопросы 78

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Шарапов Р. Д., Дидрих М. П. (Тюмень)* Вопросы квалификации преступлений против жизни несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет 81
- Меньшикова А. Г. (Екатеринбург)* Страдания как результат проявления особой жестокости при совершении преступления 91
- Балакшин В. С., Григорьев А. И. (Екатеринбург)* Неотложные следственные действия: понятие и перспективы правового регулирования 98
- Прошляков А. Д., Александрова Л. А. (Екатеринбург)* О недопустимости повторного участия судьи в производстве по уголовному делу 105
- Смахтин Е. В., Везденев К. Е. (Тюмень)* Некоторые вопросы повторной оценки фактических обстоятельств дела в суде апелляционной инстанции 114

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Семякин М. Н. (Екатеринбург)* Идеи частного права в неокантианских философских течениях (А. Шопенгауэр, Р. Штаммлер) 122

ТРУДОВОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВО

- Жильцов М. А. (Екатеринбург)* Правовая природа индивидуальных актов работодателя 134

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

Винницкий Д. В. (Екатеринбург) Развитие судебной практики по делам о недостаточной капитализации в Российской Федерации в 2011–2016 гг.	141
Майфат А. В. (Екатеринбург) Освобождение от долгов в результате проведения процедуры банкротства как условие освобождения от отбывания наказания: постановка проблемы	154

CONTENTS

THEORY OF LAW AND STATE

- Puchkov O. A. (Yekaterinburg)* On the development of methods of cognition of law and state 6
- Tarasov N. N. (Yekaterinburg)* The grounds for investigating law as a tradition:
methodology of issue statement 11
- Ponomareva E. V. (Yekaterinburg)* Nations and peoples as subjects of law:
the theoretical and legal analysis 16

PUBLIC ISSUES AND POLITICAL SCIENCE

- Makarkin S. V., Lozhkarev A. I. (Yekaterinburg)* On the Russian national interests
in the context of strengthening national security, socio-political and economic sovereignty
of the state (according to the messages of the RF President V. V. Putin of 2000–2007) 24
- Kuznetsov P. U. (Yekaterinburg)* Information as an object of legal relations
in the field of information security 39

COMPARATIVE JURISPRUDENCE

- Savitskiy P. I., Mochalov A. N. (Yekaterinburg)* Two approaches to territorial structure
of a multi-ethnic state 44
- Zagaynova S. K., Chudinovskaya N. A., Sheremetova G. S. (Yekaterinburg)* Mandatory
mediation in Italy: the problems of implementation 56
- Smirnov K. Yu. (Beijing, China)* On the Anti-drug law of the People's Republic of China 63

INTERNATIONAL LAW

- Lazutin L. A. (Yekaterinburg)* Legal assistance in criminal cases: some controversial issues 78

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

- Sharapov R. D., Didrikh M. P. (Tyumen)* The issues of qualification of crimes
against minors' life committed with the use of the Internet 81
- Menshikova A. G. (Yekaterinburg)* Suffering as a result of the manifestation
of special cruelty in the commission of a crime 91
- Balakshin V. S., Grigoryev A. I. (Yekaterinburg)* Urgent investigative actions:
the concept and prospects of legal regulation 98
- Proshlyakov A. D., Aleksandrova L. A. (Yekaterinburg)* On the inadmissibility
of repeated participation of a judge in criminal proceedings 105
- Smakhtin E. V., Vezdenev K. E. (Tyumen)* Some questions of re-assessment
of actual circumstances of the case in the court of appeal 114

CIVIL LAW AND PROCEDURE

- Semyakin M. N. (Yekaterinburg)* The concepts of private law
in Neo-Kantian philosophy (A. Schopenhauer, R. Stammler) 122

LABOUR AND SOCIAL LAW

- Zhiltsov M. A. (Yekaterinburg)* The legal nature of individual acts of the employer 134

ECONOMICS AND LAW

- Vinnitsky D. V. (Yekaterinburg)* The development of court practice in cases
of inadequate capitalization in the Russian Federation in 2011–2016 141
- Mayfat A. V. (Yekaterinburg)* Debt relief resulted from the bankruptcy proceedings
as a condition for release from punishment: to define the problem 154

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ МЕТОДОВ ПОЗНАНИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Пучков Олег Александрович

Доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), e-mail: tgp@usla.ru

Предпринята попытка провести анализ методов, применяемых в теории права и государства. Одним из первых приемов познания власти и государства стала примененная Платоном оригинальная методика диалога, дискурсивного анализа. Автор считает, что с XIII в. начала формироваться система юридических методов. Сперва это был метод схоластики, юридической спекуляции, далее сформировались приемы толкования права. В XX в. стал широко использоваться формально-юридический метод. В настоящее время спектр применяемых в юриспруденции методов достаточно широк и включает порой оригинальные методы, такие как метод синергии, герменевтический метод и др.

Ключевые слова: теория права и государства, метод юридической науки, метод дискурсивного анализа, метод толкования права, формально-юридический метод, метод синергии, герменевтический метод

ON THE DEVELOPMENT OF METHODS OF COGNITION OF LAW AND STATE

Puchkov Oleg

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: tgp@usla.ru

The article attempts to analyze the methods used in theory of law and state. An original method of dialogue, discursive analysis applied by Plato was one of the first original methods of learning power and state. The author believes that a system of legal methods began to develop in 13th century. The first of them was a method of scholasticism, legal speculation, later methods of interpretation of law were formed. In 20th century a formal legal method became one of the most widely used tools. Currently, the range of methods used in jurisprudence is quite broad and sometimes includes such original methods, as a method of synergy, a hermeneutic method and others.

Key words: theory of law and state, method of legal science, method of discursive analysis, method of interpretation of law, formal legal method, method of synergy, hermeneutic method

Теория государства и права как наука развивается более двух тысяч лет. Примерно столько же существует христианство. Один из первых научных трудов, посвященных исследованию государства, – произведение древнегреческого философа Платона «Государство». В нем автор впервые в мировой практике применил метод, как мы считаем, *дискурсивного диалектического анализа*. Суть этого метода в том, что в форме диалога (спора о предмете) раскрываются противоречия, разные стороны и аспекты идеального государства. Вот фрагмент из книги, который даст представление о методе Платона:

«– ...если хотите, мы сперва исследуем, что такое справедливость в государствах, а затем точно так же рассмотрим ее и в отдельном человеке, то есть подметим в идее меньшего подобие большего.

– По-моему, это хорошее предложение.

– Если мы мысленно представим себе возникающее государство, мы, не правда ли, увидим там зачатки справедливости и несправедливости?

– Пожалуй, что так.

– Есть надежда, что в этих условиях легче будет заметить то, что мы ищем.

– Конечно.

– Так надо, по-моему, попытаться этого достичь. Думаю, что дела у нас тут будет более чем достаточно»¹.

Метод дискурсивного анализа позволяет Платону раскрыть проблему места справедливости в государстве.

Древние греки, введя в научный оборот понятие метода («методос»), хотели подчеркнуть важность способа исследования космоса, т. е. явлений природы, человеческого общества, Вселенной. Они видели в методе подход к изучаемым объектам, планомерный путь научного познания и установления истины. Элементы диалектики как метода познания явлений окружающего мира были известны древним грекам. О них, например, вел речь древнегреческий философ Гераклит, крылатая фраза которого «в одну реку нельзя вступить дважды» как раз и выражала идею постоянного движения материи.

С научной точки зрения система методов юриспруденции появилась в XIII в.

Развитие методов юриспруденции активизировалось с возрождением изучения римского права в Болонском и других университетах. В течение пяти веков в системе господствовала доктрина как метод юридического познания².

Ф. Бэкон сравнивал метод с фонарем, освещающим путь ученому, утверждая, что даже хромой, идущий с фонарем по дороге, опередит того, кто бежит впотьмах без дороги.

Преподавание римского права в университетах претерпело определенную эволюцию; ряд школ, каждая со своими задачами и собственными методами, сменяли друг друга. Первая из них – школа глоссаторов – стремилась установить первоначальный смысл римских законов. Итогом работы представителей этой школы явился в XIII в. обобщающий труд Аккурсия, в который вошло около 96 тысяч глосс (примечаний и разъясняющих статей на полях текстов законов Древнего Рима).

Со школой постглоссаторов в XIV в. связана новая тенденция. Эта школа довела до совершенства метод схоластики: римское право было очищено и подвергнуто переработке. Таким образом, оно было подготовлено для совершенно нового развития (торговое право, международное частное право) и в то же время систематизировано и приведено в состояние, резко контрастирующее с хаосом Дигест Юстиниана. Отныне юристы стремились практически использовать римское право, приспособить его решения к новым условиям. В XIV и XV вв. под названием «*usus modernus Pandectarum*» в университетах преподавалось римское право, сильно видоизмененное под влиянием канонического права. В соответствии со схоластическим методом при решении различных проблем делались ссылки на мнения Бартола, Бальда, Азо и других постглоссаторов; существенное место занимали также попытки опереться на «общее мнение сведущих» (*communis opinio doctorum*).

Эпоха Нового времени характеризуется развитием юридико-позитивистского метода, или метода толкования права. Суть его в том, что происходит нейтрализация специальных норм путем ссылок на общие формулы, содержащиеся в законе. Ис-

¹ Платон. Собр. соч.: в 3 т. Т. 1: Государство. Книга вторая. М., 1971. С. 369.

² Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988. С. 19–20.

пользуя этот метод, говорят, что норма закона потеряла смысл. Сама процедура толкования имеет характер чисто логический: при наличии двух норм, предлагающих разное решение дела, предпочтение отдают той, которая ведет к наилучшему в сегодняшних условиях решению.

Культом закона господствовал в доктрине XIX в. Поэтому считали, что толкование – это больше чем научная деятельность, это проявление мудрости. Задача юристов заключалась в том, чтобы право сводилось более к мудрости, чем к науке. В результате во многих странах Европы в XIX в. законодательные тексты часто рассматривались преимущественно как своего рода путеводители в поисках справедливого решения, а не как строгие приказы толковать и решать определенным образом. В этих странах, безусловно, предпочиталось грамматическое и логическое толкование.

Во всех странах Европы (кроме Англии, естественно) отправной точкой всякого юридического рассуждения являются акты «писаного права». К ним относятся тексты кодексов, законов и декретов, тогда как в прошлом к ним причислялись тексты римского права и иные официальные или частные компиляции. Но повсюду эти тексты выступают лишь основой. В отличие от некоторых философских течений мы видим в них не систему норм, а, скорее, более или менее точные рамки юридических конструкций, которые следует дополнять путем толкования.

В XX в. в советском правоведении господствовал формально-юридический метод. Достаточно обратиться к работам одного из классиков советского и российского правоведения – С. С. Алексеева.

Например, рассмотрим одно из первых фундаментальных исследований по теории права – подготовленный С. С. Алексеевым в начале 60-х гг. прошлого века четырехтомник «Общая теория социалистического права»¹. Именно Алексеев первым осознал необходимость в одном издании обозреть, проанализировать самые важные структурные части права. То, что это намерение было осуществлено, стало не только огромным успехом автора, но и важным теоретическим подспорьем и «научным стандартом» для многих поколений юристов.

Для метода, примененного С. С. Алексеевым в этих книгах, характерно то, что автор делает акцент не на социальной стороне права, а на сугубо юридических, позитивистских его вопросах. И это обстоятельство нельзя поставить в упрек ученому, скорее наоборот, его заслуга в том, что он не примкнул к отряду записных идеологов, оставаясь в пределах строгого юридического анализа правовых феноменов.

Конечно, исходя из нынешних стандартов научного изложения бросается в глаза отсутствие упоминаний о других направлениях правовой мысли, альтернативных официальной правовой доктрине. С позиций современного читателя, велика степень идеологизации текста первого тома. Однако актуально и ценно для сегодняшнего читателя, что во втором и третьем томах практически идет применение сугубо позитивистского метода юридического анализа, без ссылок на документы КПСС и речи Хрущева. Неоспоримым достоинством серии книг С. С. Алексеева по теории права, «плюсом» его сочинений является то, что автор в комплексе попытался осмыслить все актуальные правовые феномены, оставаясь при этом объективным.

С нашей точки зрения, известным теоретическим «прорывом» стал второй том серии, который называется «Правовые акты». Он вышел в середине 1965 г. Пожалуй, это самая насыщенная идеями и глубокая книга из всей серии. В ней автор излагает

¹ Алексеев С. С. Общая теория социалистического права: в 4 т. Свердловск, 1963–1966.

взгляды на законы, подзаконные акты, действие нормативных актов и ряд других вопросов.

Отметим четкость, выверенность юридической терминологии, сухой, лишенный эмоций научный язык. Стиль Алексеева совершенно неповторим. Автор применяет в качестве аргументов юридическую догматику, использует ссылки на статьи законов и т. д. Все это усиливает аргументацию автора и работает на формирование незыблемости фундаментальных положений теории права.

Таким образом, С. С. Алексеева можно признать ярким представителем советских (российских) ученых, широко и эффективно применяющих метод формально-юридического анализа правовой действительности.

В современную эпоху – в начале XXI в. – еще более строгие требования предъявляются к методу. Он должен быть подлинно научным, истинным, т. е. вытекать из достижений практики, отражать объективные законы бытия, учитывать особенность предмета изучения, адекватно отражаться в сознании субъекта¹. Тем самым достигается требование: «Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным».

В этом отношении весьма примечательна книга профессора В. В. Ершова «Судебное правоприменение (теоретические и практические проблемы)»². Автор применил весь возможный спектр методов научного юридического познания судебной деятельности. При этом он смог также обрисовать перспективность применения новых методов, таких как синергетический метод. Ученый замечает: «Синергетика методологически нацеливает и на процессы самоорганизации, происходящие в правовой системе, в частности в ходе судебного правоприменения; дает возможность использовать общенаучные закономерности саморазвития при изучении частных вопросов, в том числе функций судебной практики»³. Однако сегодня еще очень мало исследований, кроме работы В. В. Ершова, демонстрирующих синергетический метод познания юридической действительности. В. В. Ершов делает вывод, что творческий характер судебного правоприменения состоит также в том, что оно неизбежно включает в себя элементы правотворчества.

Законодательство не может находиться в полном соответствии с реальным состоянием регулируемых отношений, что делает необходимым, с одной стороны, активное участие судебных органов в правотворческой деятельности государства, а с другой – выработку судебных обыкновений с целью приведения норм права в соответствие с регулируемыми ими общественными отношениями до того, как правотворческий орган внесет соответствующие коррективы в законодательство. Такой смелый вывод является плодом применения В. В. Ершовым всей совокупности методов познания к государственно-правовой действительности.

В последние полтора десятилетия в отечественной науке правоведения активно разрабатывается теория герменевтического метода. Импульс этому дало опубликование в России в 1988 г. книги Х.-Г. Гадамера «Истина и метод»⁴. Гадамер в философском дискурсе высказывает мысль, что для установления истины необходимы три фактора: понимание (*Verstehen*), наличие предпочтений и мнение субъекта о кон-

¹ Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. М., 1996. С. 20; Теория права и государства: курс лекций / под ред. Н. А. Катаева, В. В. Лазарева. Уфа, 1995. С. 8–9.

² Ершов В. В. Судебное правоприменение (теоретические и практические проблемы). М., 1991.

³ Там же. С. 87–89.

⁴ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988.

кретных объектах («вкус»¹), а также здравый смысл. Идеи философской герменевтики в юриспруденции активно развивает И. П. Малинова². Оценивая сущность метода философской герменевтики и возможности его применения в юриспруденции, следует отметить его терминологическую сложность, смысловую многозначность, практическую ограниченность при анализе правовых текстов. Немаловажно и то, что очевидно отсутствие готовности юридического сообщества использовать новые методы познания, которые пока не доказали свою состоятельность. Сказанное серьезно ограничивает перспективы дальнейшего включения указанного метода в научный познавательный арсенал ученых-правоведов и практикующих юристов.

Практика убеждает, что в современном правовом дискурсе востребованным был и остается формально-юридический метод толкования (интерпретации) правовых текстов. Как показывает наш анализ 120 правоприменительных актов, принятых судами общей юрисдикции, арбитражными судами разных регионов страны, 95,3 % из них содержат решения, в которых обнаруживались очевидные результаты применения судьями формально-юридического метода. Таким образом, все иные методы (кроме формально-юридического) пока выглядят в арсенале практикующего юриста экзотикой. Однако сказанное не позволяет ученым-юристам в дальнейшем отказываться от доктринальной разработки новых методов познания правовых явлений. Поскольку метод детерминируется предметом познания, то в силу объективной тенденции появления новых объектов (связанных прежде всего с техническим прогрессом) разработка новых методов познания будет востребованной и актуальной.

Библиография

- Алексеев С. С. Общая теория социалистического права: в 4 т. Свердловск, 1963–1966.
Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988.
Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988.
Ершов В. В. Судебное правоприменение (теоретические и практические проблемы). М., 1991.
Кант И. Суждение вкуса есть эстетическое суждение // Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1966. Т. 5.
Малинова И. П. Философия права и юридическая герменевтика: моногр. 2-е изд., доп. Екатеринбург, 2016.
Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. М., 1996.
Платон. Собр. соч.: в 3 т. Т. 1: Государство. Книга вторая. М., 1971.
Теория права и государства: курс лекций / под ред. Н. А. Катаева, В. В. Лазарева. Уфа, 1995.

Bibliography

- Alekseev S. S. Obshchaya teoriya socialisticheskogo prava: v 4 t. Sverdlovsk, 1963–1966.
David R. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti. M., 1988.
Ershov V. V. Sudebnoe pravoprimerenie (teoreticheskie i prakticheskie problemy). M., 1991.
Gadamer X.-G. Istina i metod. M., 1988.
Kant I. Suzhdenie vkusa est' ehsteticheskoe suzhdenie // Kant I. Soch.: v 6 t. M., 1966. T. 5.
Malinova I. P. Filosofiya prava i yuridicheskaya germeneytika: monogr. 2-e izd., dop. Ekaterinburg, 2016.
Obshchaya teoriya prava i gosudarstva / pod red. V. V. Lazareva. M., 1996.
Platon. Sobr. soch.: v 3 t. T. 1: Gosudarstvo. Kniga vtoraya. M., 1971.
Teoriya prava i gosudarstva: kurs lekciy / pod red. N. A. Kataeva, V. V. Lazareva. Ufa, 1995.

¹ Например, у Канта это эстетический вкус (Кант И. Суждение вкуса есть эстетическое суждение // Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1966. Т. 5. С. 161–529).

² Малинова И. П. Философия права и юридическая герменевтика: моногр. 2-е изд., доп. Екатеринбург, 2016.

**ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВА КАК ТРАДИЦИИ:
МЕТОДОЛОГИЯ ПОСТАНОВКИ ВОПРОСА****Тарасов Николай Николаевич**

Доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), e-mail: tarasov@usla.ru

Статья посвящена вопросу соотношения традиции как нерелективных, естественных процессов исторической трансляции и права. Обсуждается возможность возрождения в современной правовой системе ценностей национальной правовой традиции и заимствования элементов правовой культуры других стран.

Ключевые слова: право, теория, методология, правовая традиция, трансляция и реализация правовой культуры

**THE GROUNDS FOR INVESTIGATING LAW AS A TRADITION:
METHODOLOGY OF ISSUE STATEMENT****Tarasov Nikolay**

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: tarasov@usla.ru

The article is devoted to the relationship between tradition as a non-reflective natural process of historical translation and law. The author discusses whether it is possible to renew national law tradition values in the current law system and to borrow some legal culture elements from other countries.

Key words: law, theory, methodology, tradition of law, translation and realization of legal culture

Основной смысловой акцент в понимании традиций обычно приходится на единицы культуры и социального опыта: ценности, идеи, нормы поведения, образцы деятельности и т. д., передающиеся в обществе от поколения к поколению и устойчиво сохраняющиеся в течение длительного (исторического) времени. Считается, что на определенных этапах эволюции общества традиции выступали основной формой упорядочения общественных отношений¹. Для понимания роли и значения традиции как фактора формирования существующего общественного порядка и исследования правовой традиции современного общества методологически оправданно различать *содержание традиции и форму ее передачи*. Такой подход позволяет представить традицию как два взаимообусловленных процесса: *трансляции* – передачи ее содержания в историческом времени – и *реализации* – воспроизводства этого содержания в тех или иных структурах общества².

Считается, что особенность воспроизводства передающихся в традициях установок, ценностей, идей, норм поведения и т. д. определяется их непосредственной содержательной достоверностью в сознании и непосредственной мотивировкой актов действия, поведения. Это означает, что традиции живут в обществе «нерелексив-

¹ Петров М. К. Пентеконтера. В первом классе европейской школы мысли // Вопр. истории естествознания и техники. 1987. № 3; Его же. Пираты Эгейского моря и личность. М., 1995.

² Предлагаемый подход основывается на идеях О. И. Генисаретского (Генисаретский О. И. Методологическая организация системной деятельности // Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология). М., 1975).

но», а следовательно, историческая трансляция их содержания не охватывается некой специальной целевой деятельностью, т. е. процесс трансляции здесь может быть принят как естественный. Таким образом, имеются все основания квалифицировать составляющие традицию процессы исторической трансляции и социальной реализации как естественные, а составляющие ее содержание идеи, ценности и нормы отнести к элементам культуры.

В зависимости от характера содержания различные традиции могут функционировать в рамках отдельной социальной группы, социального слоя, всего общества. В философских и теоретических работах, правда, без специального обоснования, обсуждается и правовая традиция общества. Такое понимание выглядит обоснованным уже в силу того, что сегодня право воспринимается как одна из структур общества и в этом смысле отражается в общественном сознании наряду с государством, семьей, образованием и т. д., как его естественное состояние, т. е. неререфлективно. Это не означает, конечно, что наше сознание не обращается к социокультурным основаниям права, содержанию юридических норм, конструкциям правовых институтов, формам организации юридической практики и т. д. Все это не просто имеет место, но и оформлено, правда, в профессиональном правосознании как философия права, теоретическая юриспруденция, юридическая догма, системы правоохранных институтов и т. д. Однако право как социальный феномен не рефлексивируется, как и само общество.

При таком подходе к праву необходимо принимать во внимание, что мы сталкиваемся с традицией, историческая жизнь которой значительно продолжительнее, нежели историческое существование современных обществ. Обычно принято говорить о европейской традиции права, истоки которой находятся в античности, а формирование связывается со становлением римского частного права¹. Считается, что в рамках данной традиции существуют все современные правовые системы европейских стран. К ней относят и российское право. В этом плане вполне справедливо говорить о традиционном содержании современного российского права, охватываемого главным образом его конструктивными, догматическими структурами. Впрочем, в предлагаемом подходе это утверждение равно справедливо и для современного права любой европейской страны, сформировавшегося в процессе трансляции и восприятия конструкций римского права. Однако полагание единой европейской правовой традиции не исключает существенных отличий в правовых системах различных европейских стран, сложившихся под влиянием национальных культурных традиций и конкретных исторических обстоятельств. Это создает заметные методологические трудности для современного сравнительного правоведения как в синхроническом, так и в диахроническом подходе².

В теоретическом правосознании право категоризируется прежде всего как социальный регулятор. В методологическом отношении такая категориальная рамка, пожалуй, наиболее продуктивна для постановки вопроса о соотношении права и традиций. При выборе аналитической модели для соотношения права как регулятора общественных отношений и традиций в предлагаемом понимании важно иметь в виду, что в отличие от других систем социальной регламентации право является институциональным регулятором, т. е. *правовые нормы работают в рамках тех*

¹ См., например: Берман Дж. Г. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998.

² См., например: Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т. 1. М., 1998.

или иных социальных институтов. В заданном контексте под социальным институтом следует понимать исторически и устойчиво воспроизводящиеся общезначимые социальные подсистемы, характеризующиеся массовостью и нормативностью. В качестве элементов социального института обычно принято называть отношения и их нормы. При различении в социальной действительности «естественного» и «искусственного» социальные институты принимаются как естественная среда жизни, а их конкретно-историческая структура – как связь прав и обязанностей субъектов, формирующаяся юридическими нормами, – считается искусственной, т. е. задаваемой в процессе специальной целевой деятельности. Таким образом, существующие в конкретной правовой системе юридические конструкции, способы организации юридических институтов, модели правосудия и т. п. являются искусственными, но не «произвольными», как это иногда трактуется, поскольку в конечном счете детерминированы культурными традициями и социальными условиями. Кстати говоря, такая интерпретация – хорошее методологическое обоснование принципиальной важности теоретического исследования формирования и функционирования права в социокультурных контекстах.

С учетом всего изложенного возникает ряд методологических трудностей и теоретических неопределенностей при постанове вопроса о возможности восприятия современной правовой системой России нашего исторического правового опыта, особенно в форме конкретных организационных схем и моделей юридических институтов. Прежде всего не следует забывать, что собственно национальный правовой опыт России существовал главным образом в пространстве обычного права. Однако наша национальная правовая традиция была фактически прервана реформами 60-х гг. XIX в., ориентированными на создание правовой системы европейского типа. Тем более сложно говорить о сохранении элементов национальной правовой традиции после 1917 г., когда социальная революция привела, по сути дела, к фундаментальному культурному перелому, сменив не только всю систему социальных ценностей и культурные ориентиры населения, но и сам образ жизни. Поэтому говорить о действительности в советском праве каких-либо дореволюционных правовых идей, ценностей, норм в естественных процессах трансляции и реализации просто не приходится. Современная российская правовая доктрина также строится с опорой на западное мировоззрение и традицию, основные нормативные акты в Российской Федерации (Конституция, Гражданский кодекс и др.) ориентированы на культурные установки и ценности западной цивилизации либерального типа. Поэтому сама постановка вопроса об отечественных традициях в современном российском праве, а тем более отчетливое выявление их влияния на наше правосознание, содержание позитивного права, организацию и осуществление юридических практик достаточно проблематично. Это не означает, разумеется, что такой вопрос не может быть поставлен. Однако его проработка требует особых теоретических исследований и методологического обеспечения.

Не менее проблемной представляется и возможность прямого восприятия нашей правовой системой регулятивных конструкций и моделей юридической деятельности западных стран. Более того, некоторые не очень позитивные результаты в этом плане мы уже имели. Сложность буквального заимствования зарубежных правовых моделей и юридических конструкций обусловлена существенным различием социокультурных контекстов права в России и Западной Европе. Данные различия от-

четливо фиксировались нашими дореволюционными философами и теоретиками права¹. Затрагиваются они и в современной юридической литературе. Если попытаться построить перечень оппозиций культурных оснований западноевропейской цивилизации и России, то в качестве наиболее существенных, которые должны приниматься во внимание при всяком исследовании сравнительно-правового характера, можно указать следующие:

западноевропейское сознание склонно к рациональному обоснованию идей, российское – к их ценностному восприятию;

конституирующей структурой западноевропейского сознания является мышление, российского – вера;

западноевропейское мышление организовано формально, российское – содержательно;

западноевропейская цивилизация построена на идее личности, в российском обществе доминирует общинное начало;

западноевропейское государство – это система функций и процессов, структурно связанных идеей права и юридическими механизмами, в России государство – это прежде всего определенная группа людей, объединенная общей идеологией и политическими интересами;

поведенческим основанием в западноевропейских обществах выступает норма, в российском обществе – ситуация.

Перечисленные культурные оппозиции определяют не только общие контексты различий правовых культур России и Запада, но и достаточно отчетливо детерминируют правовые доктрины и юридические практики. Таким образом, за рамками юридино-догматического пространства пока приходится больше говорить о параллелизме правовых культур России и Запада, нежели об их совместности. Значит, можно утверждать, что для российской юриспруденции сложившаяся сегодня ситуация определяется не только необходимостью культурной самоидентификации и самоопределения в государственном и правовом пространстве современного мира. В контексте формирования нового мирового правопорядка, складывающегося в условиях интенсивной конкуренции цивилизационных стратегий, конфликтности глобализации и дефицита коммуникативных констант, обращение к основаниям и особенностям нашей правовой традиции становится не просто целью углубления доктринального осмысления юридической действительности, но одним из оснований нашего культурно-правового самоопределения.

Библиография

Берман Дж. Г. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998.

Генисаретский О. И. Методологическая организация системной деятельности // Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология). М., 1975.

Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт древней России // Наш умственный строй. М., 1989.

Петров М. К. Пентеконтера. В первом классе европейской школы мысли // Вопр. истории естествознания и техники. 1987. № 3.

Петров М. К. Пираты Эгейского моря и личность. М., 1995.

Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т. 1. М., 1998.

Bibliography

Berman Dzh. G. Zapadnaya tradiciya prava: epokha formirovaniya. M., 1998.

¹ См., например: Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт древней России // Наш умственный строй. М., 1989.

- Cvajgert K., Ketc X.* Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava. T. 1. M., 1998.
- Genisaretskij O. I.* Metodologicheskaya organizaciya sistemnoj deyatel'nosti // Razrabotka i vnedrenie avtomatizirovannyx sistem v proektirovanii (teoriya i metodologiya). M., 1975.
- Kavelin K. D.* Vzglyad na yuridicheskij byt drevnej Rossii // Nash umstvennyj stroj. M., 1989.
- Petrov M. K.* Pentekontera. V pervom klasse evropejskoj shkoly mysli // Vopr. istorii estestvoznaniya i texniki. 1987. № 3.
- Petrov M. K.* Piraty Ehgejskogo morya i lichnost'. M., 1995.

**НАЦИИ И НАРОДЫ КАК СУБЪЕКТЫ ПРАВА:
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ****Пономарева Елена Владимировна**

Аспирант кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), e-mail: helenmonev@gmail.com

Исследуется идея наций и народов как субъектов права в советской и современной юридической доктрине. Автор касается центральных вопросов данной идеи: причин вновь возникшего в XX столетии интереса к ней, процесса закрепления прав наций и народов в международных правовых актах, проблемы правосубъектности наций и народов, признаков субъекта права. Подробно анализируются положения юридической доктрины, посвященной названной теме, вопросы соответствия правосубъектности наций и народов общетеоретической конструкции правосубъектности.

Ключевые слова: теория права, нации, народы, субъект права, правосубъектность

**NATIONS AND PEOPLES AS SUBJECTS OF LAW:
THE THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS****Ponomareva Elena**

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: helenmonev@gmail.com

The author examines the concept of nations and peoples as subjects of law in the Soviet and current legal doctrines. She focuses on core issues of this concept, including the reasons for revival of scientific interest in this concept in 20th century, the process of ensuring nations' and peoples' rights in the international legal acts, problems of nations' and peoples' legal personality and features of a subject of law. The author scrutinizes the legal doctrine, concerning this issue, and the correspondence between the nations' and peoples' legal personality and the general construction of legal personality.

Key words: theory of law, nations, peoples, subject of law, legal personality

После свершения Великой французской революции и развития идеи нации и народного суверенитета новый виток интереса к вопросу о независимости и правосубъектности наций возник в XX в. вследствие колониальной борьбы и преодоления мандатной системы Лиги Наций, установленной согласно Версальскому договору в отношении колониальных и зависимых народов. В действительности же мандатная система прикрывала старый колониальный режим, о чем могут свидетельствовать постоянные восстания на бывших колониальных территориях.

В 30-е гг. XX в. началась активная борьба СССР за признание права колониальных и зависимых народов на самоопределение. Наконец, в 1945 г. в Устав ООН была включена ст. 1, гласившая, что одной из целей ООН является развитие дружественных отношений между нациями на основе принципа равноправия и самоопределения народов¹. Только в 1960 г. была принята Декларация ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Статья 2 Декларации гласит: «Все народы имеют право на самоопределение; в силу этого принципа они свободно уста-

¹ Устав Организации Объединенных Наций // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. С. 14–47.

навливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие». Эта формулировка была перенесена в международные пакты о правах человека 1966 г. и в Декларацию о принципах международного права 1970 г.

В XX в. признание за нациями и народами статуса субъекта права, признание права на независимость и суверенное равенство помогло решить важнейшую задачу того исторического периода: уничтожить колониальный режим, полную зависимость колониальных территорий от абсолютной власти метрополий, которая не была совместима с развитием принципов международного права.

Представляется важной формулировка положения Декларации о принципах международного права 1970 г. о том, что «создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним или установление любого другого политического статуса, свободно определяемого народом, являются способами осуществления этим народом права на самоопределение».

Итак, право на самоопределение народа осуществляется непосредственно через установление политического статуса (создание государства, присоединение к государству, объединение с государством). Мы видим, что важнейшее право нации – право на самоопределение – по существу возможно реализовать только в государственной форме.

Действительно, отношения, в которых нация представлена непосредственно, определить достаточно сложно. Отдельные авторы указывают, что таковыми могут быть исключительно акт по созданию государства либо акт присоединения к другому государству. В сфере внутригосударственного права нация в правоотношении непосредственно не представлена. С этой точки зрения интересен анализ советской юридической доктрины.

Мнения советских ученых по поводу правосубъектности наций и народов разделились. Так, не относили к числу субъектов права нации и народы В. Т. Кабышев, О. О. Миронов, А. В. Мицкевич, М. Г. Кириченко, С. С. Кравчук, А. И. Лепешкин, В. С. Основин, Я. В. Уманский, И. Е. Фарбер.

О. О. Миронов справедливо отмечал, что народ и нации являются участниками общественных отношений, но не правовых. Нации и народы не обладают правосубъектностью и не могут быть участниками государственно-правовых отношений¹.

А. В. Мицкевич придерживался оригинального взгляда, признавая народ в качестве субъекта международного права, но в то же время исключая его в качестве субъекта права из области внутригосударственного права. Понятие «народ», по А. В. Мицкевичу, относится к сфере политики. Ученый подчеркивал, что «в области волевых отношений, регулируемых внутренним правом, воля народа должна получить свое выражение через определенные организации»². Очевидно, что участие народа на выборах юридически оформляется в правах каждого гражданина. Справедливо мнение А. В. Мицкевича о том, что избирательный корпус не является особым субъектом права, но только совокупностью избирателей, каждый из которых есть самостоятельный носитель прав³.

И. Е. Фарбер также выступал против признания правосубъектности народа. По его мнению, народ приобретает и реализует свои права только через соответствующие

¹ Миронов О. О. Субъекты советского государственного права / под ред. И. Е. Фарбера. Саратов, 1975. С. 12.

² Мицкевич А. В. Субъекты советского права. М., 1962. С. 42.

³ Там же. С. 43.

организации, через граждан, «народ является коллективным понятием граждан»¹. Кроме того, нации, по его словам, реализуют права только через соответствующие организации, но сами непосредственно в правовые отношения не вступают².

Разделяла освещенную позицию и Р. О. Халфина, подчеркивая, что «нет необходимости искусственно конструировать правосубъектность народа наряду с правосубъектностью государства»³, которое представляет собой не что иное, как организованный народ. В работе «Общее учение о правоотношении» Р. О. Халфина справедливо затрагивала проблему определения степени организации, степени единства общественного образования для признания его субъектом права.

Действительно, можно ли говорить о народном образовании, обозначить организационную форму этого образования, персонифицировать народ? В теории права обозначение организационной формы народа независимой в свою очередь от государства и конструирование народной правосубъектности представляется задачей крайне сложной.

Р. О. Халфина, выступая против конструирования правосубъектности народа, указывала, что государство выступает формой, в которой народ существует как субъект прав, и даже проведение референдума не является основанием признания правосубъектности народа, поскольку «решение о том, какие вопросы будут вынесены на референдум, как он будет проводиться и каковы будут правовые последствия, выносятся государством»⁴. Из этого следует, что государство выступает как организация, представляющая все общество, весь многонациональный народ.

С. Ф. Кечекьян занимал промежуточную позицию, полагая, что нации в области публично-правовых отношений выступают как субъекты права на самоопределение⁵.

С. С. Алексеев также признавал нации в качестве субъектов права на самоопределение, что имеет существенное значение для формирования государственных образований⁶, но в конкретных правоотношениях, по мнению С. С. Алексеева, нации могут выступать только через государственные и общественные организации. Из этого следует, что нации могут быть участниками правоотношений только в связи с образованием национальных государств и национально-государственных образований. В государстве нации уже представлены опосредованно.

Другие авторы, напротив, предпринимали попытки отнести народы и нации к числу субъектов права. Так, Б. В. Щетинин полагал, что советские нации могут быть субъектами государственно-правовых отношений не только при первоначальном самоопределении, но и при последующем переходе от ранее избранной формы национальной государственности к другой ее форме. Автор выделял несколько случаев непосредственного выступления народа в качестве субъекта государственных правоотношений: референдум, всенародное обсуждение законопроектов и иных актов, выборы в Советы и другие государственные органы, проведение народных собраний⁷.

¹ Фарбер И. Е., Ржевский В. А. Вопросы теории советского конституционного права. Саратов, 1967. С. 59.

² Там же. С. 59.

³ Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 143.

⁴ Там же. С. 144.

⁵ Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958.

⁶ Алексеев С. С. Проблемы теории права: Основные вопросы общей теории социалистического права: курс лекций: в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 84.

⁷ Щетинин Б. В. Теоретические проблемы национального суверенитета в государствах мировой социалистической системы (опыт сравнительного государственного исследования): дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1967. С. 95–106.

Ю. Г. Судницын также признавал нации и народы в качестве субъектов права. Он предпринял попытку показать связь правосубъектности наций и народностей с принципом национального суверенитета, указывая на то, что правосубъектность представлена в их суверенных правах¹. Нация, по мнению Ю. Г. Судницына, после момента самоопределения не исчезает, поскольку обладает всей полнотой суверенных прав.

В. Я. Бойцов, разделяя приведенную точку зрения по поводу правосубъектности наций, признавал их субъектами права и указывал на то, что «государственная правосубъектность социалистических наций реализуется в двух формах: опосредованной и непосредственной»². В первом случае от имени нации правосубъектность реализуют соответствующие национальные государства, национально-государственные образования, а также государственные органы. Вторая форма используется значительно реже. Что же касается народа, то Бойцов утверждал, что народ является первичным источником правосубъектности всех граждан и других субъектов советского права.

В. Я. Бойцов представлял абсолютно противоположное понимание определения первичных и производных субъектов, эманации прав и обязанностей. Здесь первичен народ, первичны его права и обязанности, его правосубъектность. Именно из этой правосубъектности как из единого источника возникают права и обязанности индивидов, физических и юридических лиц. Однако механизм подобного возникновения ученым не показан. Каким образом народная правосубъектность создает правосубъектность индивидуальную, остается неясным, равно как и то, в чем, собственно, заключаются народные обязанности и народная ответственность, коль скоро мы говорим о правосубъектности.

Не оставил без внимания В. Я. Бойцов и правоотношения, складывающиеся между народом и государством. По мнению ученого, народ реализует посредством этих правоотношений субъективное право выражать свою волю в связи с необходимостью формирования нового состава высших представительных учреждений государственной власти или в связи с необходимостью принятия определенного законопроекта путем непосредственного народного голосования.

Но имеем ли мы в действительности возможность проследить момент выражения общей народной воли, так называемой *volonté générale*, идея которой вновь появилась в советской литературе. Очевидно, что нет. Как не смогла французская доктрина показать процесс формирования общей воли и возможность ее непосредственного выражения, за что была подвергнута последовательной критике Леоном Мишу³, так не смогла сделать это и советская доктрина. Вполне очевидно, что голосует не народ, голосует гражданин. Интересы граждан расходятся, сталкиваются, противостоят друг другу. Представить их как единую общую волю достаточно сложно. К тому же В. Я. Бойцов рассматривал отношения между народом и государством как правовые. Общественные отношения опосредуются правом в случае объективной на то необходимости в целях согласования зачастую противоположных прав и законных интересов сторон. Так, в правоотношении, возникающем из договора купли-продажи, интерес покупателя заключается в удовлетворении потребностей в определенном благе, а интерес продавца – в получении денежной суммы. Нельзя тем более говорить

¹ Национальный суверенитет в СССР / Ю. Г. Судницын. М., 1958. С. 104.

² Бойцов В. Я. Система субъектов советского государственного права. Уфа, 1972. С. 130.

³ Michoud L. La Théorie de la personnalité morale et son application au droit français. P., 1906. P. 70–85.

о тождестве интересов в публичных правоотношениях, где зачастую интересы субъектов права прямо противопоставлены. Особенно отчетливо это видно в налоговых правоотношениях¹.

Можно ли с этой точки зрения говорить о существовании правоотношения между государством и народом, о противопоставлении или даже возможности разделения их интересов? Представляется, что нет. Народ государству не противостоит и противостоять не должен. Это ложное разделение должно быть преодолено. Государственно-правовая форма есть выражение и оформление союза свободных и равноправных индивидов, проживающих в границах определенной территории. Признание народа субъектом права и противопоставление его государству есть отзвук буржуазных революций и периода колониальной борьбы, когда государство воспринималось исключительно как механизм подавления свободы личности, абсолютный суверен, власть которого необходимо было ограничить. Теория народного суверенитета есть политическая попытка заменить одну неограниченную власть другой.

Более предпочтительными представляются позиции В. Т. Кабышева, О. О. Мирнова, И. Е. Фарбера, С. С. Алексеева, с точки зрения которых реализация государствами, негосударственными объединениями, гражданами интересов наций и народов является деятельностью исключительно первичной, не содержащей элементов правового представительства наций и народов.

Противопоставление народа и государства в лице его органов власти не может носить абсолютный характер. Их отношение целесообразней выразить через категории содержания и формы. Морис Ориу, отождествлявший понятия «нация» и «народ», в частности, писал о том, что нации и правительство – один и тот же организм. «Центральное правительство, как орган и представитель нации, является не чем иным, как известной организацией этой нации»².

Как мы видим, большинство ученых, отстаивающих признание наций и народов в качестве субъектов права, основывают свои позиции исключительно на праве наций на самоопределение. Но для того, чтобы быть субъектом права, мало иметь права. Очевидно, что должна идти речь не только о правах, но и об обязанностях субъекта для того, чтобы не рушить конструкцию правосубъектности. Помимо этого субъект должен быть персонифицирован, иметь единую организационную структуру (если речь идет о производном коллективном субъекте права), выражать и осуществлять единую волю. Данные признаки народу не присущи.

Тем не менее, несмотря на признание явного несоответствия признакам субъекта права наций и народов, в литературе продолжает существовать позиция, согласно которой нации и народы признаются субъектами права исключительно на основании имеющихся у них прав, а если быть более точным – на основании права на самоопределение и народного суверенитета. Ни один из советских правоведов так и не смог обосновать организационное единство народа и нации, их дееспособность, деликтоспособность и общую волю.

С этим соглашается и А. Н. Кокотов, но все же отмечает, что этносы, под которыми он понимает и нации, и народы, все же обладают свойствами правовых субъек-

¹ С этой точки зрения представляет интерес постановление Конституционного Суда РФ, в котором подчеркнуто, что налоговому органу, действующему от имени государства, принадлежит властное полномочие, а налогоплательщику – обязанность повиновения (п. 3 постановления КС РФ от 17 декабря 1996 г. № 20-П // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 197).

² Ориу М. Основы публичного права. М., 1929. С. 231.

тов. Профессор А. Н. Кокотов указывает на то, что этносы являются объединениями персонифицированными по той причине, что они отчленяют себя от внешней среды, а «...их персонифицированность задается совокупностью объективных потребностей и интересов, служащих как бы матрицей для этновыведения»¹. Не вызывает возражений то, что нации обладают определенной совокупностью объективных и субъективных признаков, рассмотренных выше, позволяющей отделить одну нацию от другой.

Такие признаки субъекта права, как способность вырабатывать общую волю, персонифицированность, дееспособность, способность нести ответственность, А. Н. Кокотовым рассматриваются в качестве факультативных. А. Н. Кокотов полагает, что «общими условиями правосубъектности являются: 1) персонифицированность, понимаемая предельно широко как любая степень социальной субъектности; 2) закрепленные в правовых нормах за социальными субъектами юридические права (не обязанности)»². Что касается правосубъектности этносов, А. Н. Кокотов отмечает, что сами по себе этносы являются абсолютно недееспособными. Как и ранее у В. Я. Бойцова, у А. Н. Кокотова прослеживается мысль о том, что реализуются права наций и народов посредством представительства, и, как у В. Я. Бойцова, права и обязанности наций и народов являются первичными по отношению к правам и обязанностям индивидов. В чем заключаются обязанности наций и народов, ученый не пишет.

Говоря о проблеме определения понятий, нельзя не указать на вклад И. А. Ильина в разработку методологии исследования правовых понятий. Одно и то же понятие, по теории И. А. Ильина, может быть рассмотрено в разных методологических рядах, каждый из которых по способу исследования может не иметь ничего общего с другим методологическим рядом, а зачастую и полностью исключать его. Такие методологические ряды являются индифферентными, т. е. безразличными друг к другу, часто взаимоисключающими. Ученый выделял два таких индифферентных ряда: юридический (ирреальный) и реальный, имеющий не связь с отвлеченными понятиями и конструкциями, но всегда онтологическое значение. Так, понятие народа может быть рассмотрено в двух этих рядах, но нужно понимать, что определение, данное этому понятию в реальном ряду, будет соответствовать не правовой теории, а, скорее, взглядам политиков, социологов, психологов и т. д.³

Воспользовавшись теорией методологически индифферентных рядов И. А. Ильина, мы можем говорить и о процессе образования нации, и о субъективных и объективных характеристиках, и о проблемах этновыведения. Но возникает закономерный вопрос, является ли это предметной областью правовой теории. Очевидно, что нацию как общественное образование рассматривает и этнология, и культурология, и социология, и, конечно, право. Только угол этого рассмотрения в каждой науке будет совершенно разным. Потребности, объективные интересы, процессы этновыведения, вопросы национального самосознания будут скорее предметной областью этнологии, но не права. Необходимо отметить, что если вопросы из одной предметной плоскости переносятся в плоскость права, то вполне вероятно, что право на эти вопросы ответить не способно.

Для того чтобы признать нации и народы субъектами права, необходимо ответить на вопрос, обладает ли нация или народ признаками персонифицированности, спо-

¹ Кокотов А. Н. Русская нация и российская государственность. Екатеринбург, 1994. С. 45.

² Там же. С. 46.

³ Ильин И. А. Понятие права и силы (Опыт методологического анализа) // Теория права и государства. 2-е изд., доп. М., 2008. С. 37–39.

способностью выражать общую волю, имеют ли они иную организационную форму помимо государственной, а также дееспособность и способность нести ответственность подобно всякому субъекту права? Представляется, что нет.

Во-первых, что касается реализации прав и обязанностей, а также персонификации нации, то, как было показано, при изучении отношений с участием наций сложно увидеть их непосредственное и самостоятельное участие в правоотношении. Мы можем привести единственный пример – борьба наций и народов за самоопределение. Иные отношения, будь то выборы, референдум либо представительство на международной арене, опосредованы другими субъектами права. В первом случае это непосредственно граждане государства, во втором – само государство. Очевидно, что нации и народы в подавляющем большинстве случаев не вступают в правоотношения непосредственно. Государство – естественная и необходимая форма выражения национальных интересов. Государство и нация представляют собой, на наш взгляд, явления взаимосвязанные. Как сама идея нации способствовала светской легитимации государственной власти и интеграции свободных индивидов в рамках единого правопорядка, так и государство способствует реализации национальных интересов.

Во-вторых, проблема поиска и понимания общей воли нации и народа трудно разрешима. Одни идеологи Великой французской революции указывали, что национальная воля существует непосредственно, понять ее не составляет большого труда, а институт народного представительства противоречит самой идее общей воли, поскольку последняя неотчуждаема; другие, напротив, заменяли ее волей народных представителей, не связанных строгими наказами избирателей. Но в действительности такая воля не может являться единой, неделимой, определенной. Она состоит из совокупности разнородных и часто противоречивых волеизъявлений. Отношение народа к такой «общей» воле не есть отношение всеобщего согласия, а только отношение признания, нередко пассивного.

В-третьих, вопрос определения нации как правового деятеля также достаточно сложен, поскольку нации и народы все-таки права имеют, но правовыми деятелями не выступают в силу освещенных ранее причин, а именно в связи с отсутствием способности реализации юридических обязанностей, несения юридической ответственности, способности вырабатывать общую волю, а также в связи со сложностью персонификации нации. Тем более в настоящее время – время формирования так называемой постклассической теории правопонимания, коммуникативной теории права, где всякий субъект рассматривается в деятельностином залоге, как лицо, способное вступить в коммуникацию, – конструирование правосубъектности наций и народов представляет немалую сложность.

Значит, для того чтобы признать правосубъектность нации, необходимо установить соответствие нации основным признакам субъекта права, таким как возможность быть центром правовой системы, иметь не только права, но и обязанности, а также возможность реализовывать эти права и обязанности, нести юридическую ответственность. Помимо этого нация как субъект права должна быть персонифицирована, иметь единую организационную структуру, выражать и осуществлять единую волю.

Обосновать правосубъектность нации, категорию исключительно юридическую, признать нацию субъектом права невозможно только на основании изучения процесса этновыведения, появления общности языка, религии, культуры и националь-

ного самосознания. Субъект права, будучи понятием юридическим, обладает совершенно иными признаками, которым нация, как было показано, не соответствует.

Библиография

Michoud L. La Théorie de la personnalité morale et son application au droit français. P., 1906.

Алексеев С. С. Проблемы теории права: Основные вопросы общей теории социалистического права: курс лекций: в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1.

Бойцов В. Я. Система субъектов советского государственного права. Уфа, 1972.

Ильин И. А. Понятие права и силы (Опыт методологического анализа) // Теория права и государства. 2-е изд., доп. М., 2008.

Кеचेжян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958.

Кокотов А. Н. Русская нация и российская государственность. Екатеринбург, 1994.

Миронов О. О. Субъекты советского государственного права / под ред. И. Е. Фарбера. Саратов, 1975.

Мицкевич А. В. Субъекты советского права. М., 1962.

Национальный суверенитет в СССР / Ю. Г. Судницын. М., 1958.

Ориу М. Основы публичного права. М., 1929.

Постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 1996 г. № 20-П // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 197.

Устав Организации Объединенных Наций // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956.

Фарбер И. Е., Ржевский В. А. Вопросы теории советского конституционного права. Саратов, 1967.

Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М., 1974.

Щетинин Б. В. Теоретические проблемы национального суверенитета в государствах мировой социалистической системы (опыт сравнительного государственного исследования): дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1967.

Bibliography

Alekseev S. S. Problemy teorii prava: Osnovnye voprosy obshhej teorii socialisticheskogo prava: kurs lekcij: v 2 t. Sverdlovsk, 1972. T. 1.

Bojcov V. Ya. Sistema sub"ektov sovetskogo gosudarstvennogo prava. Ufa, 1972.

Farber I. E., Rzhetskij V. A. Voprosy teorii sovetskogo konstitucionnogo prava. Saratov, 1967.

Il'in I. A. Ponyatie prava i sily (Opyt metodologicheskogo analiza) // Teoriya prava i gosudarstva. 2-e izd., dop. M., 2008.

Kechek'yan S. F. Pravootnosheniya v socialisticheskom obshhestve. M., 1958.

Kokotov A. N. Russkaya naciya i rossijskaya gosudarstvennost'. Ekaterinburg, 1994.

Michoud L. La Théorie de la personnalité morale et son application au droit français. P., 1906.

Mickevich A. V. Sub"ekty sovetskogo prava. M., 1962.

Mironov O. O. Sub"ekty sovetskogo gosudarstvennogo prava / pod red. I. E. Farbera. Saratov, 1975.

Nacional'nyj suverenitet v SSSR / Yu. G. Sudnicyn. M., 1958.

Oriu M. Osnovy publichnogo prava. M., 1929.

Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 17 dekabrya 1996 g. № 20-P // SZ RF. 1997. № 1. St. 197.

Shhetinin B. V. Teoreticheskie problemy nacional'nogo suvereniteta v gosudarstvax mirovoj socialisticheskoy sistemy (opyt sravnitel'nogo gosudarstvennogo issledovaniya): dis. ... d-ra yurid. nauk. Sverdlovsk, 1967.

Ustav Organizacii Ob"edinennyx Nacij // Sbornik dejstvuyushix dogovorov, soglashenij i konvencij, zaklyuchennyx SSSR s inostrannymi gosudarstvami. Vyp. XII. M., 1956.

Xalfina R. O. Obshhee uchenie o pravootnoshenii. M., 1974.

**О НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В КОНТЕКСТЕ УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ,
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО
СУВЕРЕНИТЕТА СТРАНЫ****(по материалам посланий Президента РФ В. В. Путина: 2000–2007 гг.)****Макаркин Сергей Викторович**

Кандидат юридических наук, доцент, начальник факультета заочного обучения, переподготовки и повышения квалификации Уральского института государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (Екатеринбург), e-mail: mak_s@e1.ru

Ложкарев Александр Игоревич

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и гуманитарных наук Уральского института государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (Екатеринбург), e-mail: tatiana195331@gmail.com

Проанализировано содержание посланий Президента РФ В. В. Путина за 2000–2007 гг., выделены наиболее значимые национальные интересы Российской Федерации в контексте укрепления национальной безопасности, социально-политического и экономического суверенитета страны.

Ключевые слова: национальные интересы, национальная безопасность, суверенитет, Послание Президента РФ, глава государства

**ON THE RUSSIAN NATIONAL INTERESTS
IN THE CONTEXT OF STRENGTHENING NATIONAL SECURITY,
SOCIO-POLITICAL AND ECONOMIC SOVEREIGNTY OF THE STATE
(according to the messages of the RF President V. V. Putin of 2000–2007)****Makarkin Sergey**

Ural Institute of State Firefighting Service of Ministry of Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters (Yekaterinburg), e-mail: mak_s@e1.ru

Lozhkarev Alexandr

Ural Institute of State Firefighting Service of Ministry of Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters (Yekaterinburg), e-mail: tatiana195331@gmail.com

The article analyzes the contents/content of the Addresses/messages of the RF President of the Russian Federation V. V. Putin for/of 2000–2007, highlighted and highlights the most significant national interests of the Russian Federation in the context of strengthening national security, socio-political and economic sovereignty of the country.

Key words: national interests, national security, sovereignty, messages/messages of the President of the Russian Federation, head of state

Традиционно национальные интересы рассматриваются в качестве краеугольного камня политики любого государства, выступают производными от насущных потребностей граждан, их ценностных ориентаций и приоритетов, обеспечиваются воз-

можностями экономической, политической, социальной, военной организации государства, духовно-нравственным и интеллектуальным потенциалом общества¹.

В частности, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации характеризует национальные интересы РФ как «объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития»².

Не менее часто национальные интересы определяются как осознанные жизненные потребности народа, выступающие в качестве побудительных причин внешне-политической и внутриполитической деятельности национального государства³. Несомненно, что подобное определение также не является идеальным, поскольку такие категории, как «народ» и «национальное государство», зачастую могут не восприниматься различными социальными группами и индивидами как нечто единое и однозначное. Интересы политической элиты страны, например, могут значительно отличаться от интересов большинства населения, тогда как у первой есть значительно больше возможностей выдавать свои интересы за «общенародные», по сути, «навязывая» их обществу, оказывая влияние на общественное мнение с помощью различных социальных институтов, прежде всего средств массовой информации (СМИ).

Оптимальной, на наш взгляд, является ситуация, когда интересы власти и большинства общества, наиболее приоритетные ценности, цели и задачи совпадают хотя бы в главном, основном. На наш взгляд, необходимым условием подобного единства является как наличие общенациональной идеологии, так и ряд других не менее важных факторов, в частности необходимость обеспечения безопасности при наличии внешних и внутренних угроз и вызовов, в том числе источников террористической агрессии на территории страны.

При этом определение национальных интересов, по мнению А. А. Кокошина⁴, не должно носить слишком общий характер, иначе оно не будет иметь операционного значения.

С точным, объективным и взвешенным определением и формулировкой национальных интересов напрямую связаны как конкретные шаги, предпринимаемые обществом и властью для решения наиболее актуальных стоящих перед ними задач в социально-политической, экономической, культурной и иных областях общественной жизни, так и успех, эффективность их решения.

Исторический опыт показывает, что национальные интересы являются основой системы национальной безопасности государства, в том числе сегодня. Именно национальные интересы современной России обуславливают систему мер по обеспечению защищенности государства от существующих вызовов и угроз. Уровень угроз национальной безопасности применительно к России, по мнению ряда авторов, на период до 2030 г. существенно повысится⁵. Традиционно считается, что страна, не имеющая четко обозначенных национальных интересов, не стремящаяся их отстаи-

¹ Антошин В. А. Безопасность России: вопросы теории и проблемы государственного регулирования. Екатеринбург, 2012.

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // СЗ РФ. 2016. № 1 (Ч. II). Ст. 212.

³ Ложкарев А. И. Политология: учеб. пособие / А. И. Ложкарев, Ю. М. Ярков. Екатеринбург, 2013.

⁴ Кокошин А. А. Национальные интересы, реальный суверенитет и национальная безопасность // Вopr. философии. 2015. № 10. С. 5–19.

⁵ Павлов Д. А., Бельский А. Н., Клименко О. В. Актуальные вопросы обеспечения военной безопасности Российской Федерации // Военная мысль. 2015. № 1. С. 3–10.

вать и защищать, не способна сформировать реальную систему своей безопасности, проводить разумную и адекватную политику в области обороны.

Национальные интересы, как правило, различаются по сферам проявления, значимости и влиянию, стабильности, времени существования (долгосрочности) и т. д.

При этом национальные интересы, являясь сложным и многоаспектным образованием, в зависимости от состояния внутренних и международных условий существования государства, его конкретных задач в области национальной безопасности нуждаются в постоянном уточнении, актуализации и институционализации в целом¹.

В этом контексте весьма интересно мнение Н. А. Янковой², согласно которому «национальные интересы выступают в качестве объективного объединяющего начала для образующих нацию социальных общностей через механизмы взаимной расположенности, солидарности и единения всех членов общества, определяют их институционально оформленную скоординированную деятельность, которая активизирована личностным началом». Другими словами, личностный фактор при определении национальных интересов также чрезвычайно важен и оказывает значимое воздействие на всестороннюю деятельность по их обеспечению.

Одно из важнейших слагаемых *национальных интересов* страны, их изначальная сверхзадача – обеспечение суверенитета и территориальной целостности страны. Причем суверенитет сегодня – это не только политико-правовое понятие; он имеет, безусловно, и военное, и экономическое, и социально-психологическое, и культурное измерения³.

Авторы статьи в своей предыдущей публикации⁴ достаточно подробно охарактеризовали ситуацию в сфере национальной безопасности Российской Федерации в период правления Б. Н. Ельцина. К большому сожалению, результаты его деятельности по укреплению национальной безопасности и российской государственности в целом оставляют желать лучшего.

Как известно, В. В. Путин вступил в должность исполняющего обязанности Президента в канун 2000 г. Наследство ему досталось весьма непростое: ослабленная экономика и социальная сфера, духовный и идеологический кризис в обществе, незавершенная война на Северном Кавказе, уносящая человеческие жизни и требующая огромных материальных затрат. Эти проблемы Президентом В. В. Путиным стали последовательно решаться.

Учитывая результаты этой деятельности, по мнению политологов Д. Ф. и С. Ф. Гребениченко⁵, «роль В. В. Путина как лидера национального развития была – и остается... первостепенной. Ибо „парадигма Путина“ – это стремление обеспечить России самодостаточность в современном мире, по возможности с учетом ошибок, совершавшихся Российской Империей и Советским Союзом».

Избранный всенародным голосованием Президентом России в 2000 г., В. В. Путин проработал им в течение восьми лет (2000–2007). На протяжении этого времени согласно

¹ Основы теории и актуальные проблемы национальной безопасности России: учеб. пособие / В. А. Антошин и др.; под ред. В. Ф. Ницевича. Екатеринбург, 2003.

² Янкова Н. А. Национальные интересы России в аспекте лингвосоциокультурных ценностей // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 1. С. 108–116.

³ Антошин В. А. Указ. соч.

⁴ Макаркин С. В., Ложкарев А. И. Вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации в 90-х гг. XX в. (по материалам посланий Президента РФ Б. Н. Ельцина) // Электрон. прил. к «Рос. юрид. журн.». 2016. № 5. С. 14–24.

⁵ Гребениченко Д. Ф., Гребениченко С. Ф. Эволюция России и Путин // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 6. С. 38–58.

ст. 84 Конституции РФ он как глава государства восемь раз обращался к Федеральному Собранию РФ с ежегодными посланиями¹ «о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства», определяя и характеризуя в том числе важнейшие национальные интересы страны, пути и методы их обеспечения.

Как и ранее, мы сочли возможным при определении и анализе национальных интересов Российской Федерации (характеризуемых в посланиях Президента) условно классифицировать их в зависимости от сфер существования и проявления на интересы преимущественно внешнеполитического и внутриполитического характера.

В своем первом на посту Президента РФ Послании Федеральному Собранию РФ от 8 июля 2000 г. «Какую Россию мы строим» В. В. Путин именно так выделил и обозначил национальные интересы. В частности, к числу приоритетных внешнеполитических национальных интересов им были отнесены сохранение суверенитета страны и ее территориальной целостности, преодоление негативных последствий «холодной войны», борьба с международным терроризмом. И хотя «холодная война», по мнению Президента, «осталась в прошлом, но и по сей день приходится преодолевать ее тяжелые последствия. Это – и попытки ущемления суверенных прав государств под видом „гуманитарных“ операций или, как модно сейчас говорить, „гуманитарных“ интервенций. И трудности нахождения общего языка в вопросах, представляющих региональную или международную угрозу».

Не менее важной проблемой, требующей постоянного внимания государства и общества, являлся и, к сожалению, является международный терроризм. При этом Россия, по словам В. В. Путина, «оказалась в условиях нового для нас типа внешней агрессии – международного терроризма и прямой попытки перенести эту угрозу внутрь страны».

Вместе с тем, говоря об обновленной концепции внешней политики, В. В. Путин подчеркнул, что «в ней признано верховенство внутренних целей над внешними».

В связи с этим в Послании весьма подробно формулируются и важнейшие национальные интересы внутриполитического характера, требующие первостепенного внимания и реализации. К числу приоритетных Президент тогда отнес укрепление государства, справедливо отметив, что «без этого нельзя решить ни одну общенациональную задачу». «Наша важнейшая задача, – заявлял В. В. Путин, – научиться использовать инструменты государства для обеспечения свободы: свободы личности, свободы предпринимательства, свободы развития институтов гражданского общества». Исходя из этого к числу важнейших национальных интересов как раз и следует отнести формирование дееспособного гражданского общества, подлинных, а не «чиновничьих», политических партий, демократических профсоюзов, свободных средств массовой информации.

По мнению Президента, «очень многое зависит и от самих российских граждан. Развитие страны во многом определяется степенью их ответственности, зрелостью

¹ Какую Россию мы строим: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 8 июля 2000 г. // Рос. газ. 2000. 11 июля; Не будет ни революций, ни контрреволюций: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 3 апреля 2001 г. // Там же. 2001. 4 апр.; России надо быть сильной и конкурентоспособной: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 18 апреля 2002 г. // Там же. 2002. 19 апр.; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 16 мая 2003 г. // Там же. 2003. 17 мая; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26 мая 2004 г. // Там же. 2004. 27 мая; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 25 апреля 2005 г. // Там же. 2005. 26 апр.; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 10 мая 2006 г. // Там же. 2006. 11 мая; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26 апреля 2007 г. // Там же. 2007. 27 апр.

политических партий, общественных объединений, гражданской позицией средств массовой информации».

Важнейшей темой Послания Президента В. В. Путина стала проблема согласованной работы федеральной власти с региональными и местными властями, совершенствования федерального государства, поскольку «речь идет о собирании всех ресурсов государства с целью реализации единой стратегии развития страны».

Как известно, именно в этот период произошло создание федеральных округов и назначение в них представителей Президента России. Суть этих масштабных преобразований, отметил В. В. Путин, «не в перестройке административно-территориальных границ, а в повышении эффективности власти. Не в ослаблении региональной власти, а в создании условий для упрочения федерализма». Укрепление вертикали власти обеспечивает и «возможность федерального вмешательства в ситуации, когда органами власти на местах попираются Конституция России и федеральные законы, нарушаются единые права и свободы граждан России».

К числу иных, не менее важных национальных интересов Президент отнес создание в России экономической системы, «которая конкурентоспособна, эффективна, социально справедлива, которая обеспечивает стабильное политическое развитие», подчеркнув, что «устойчивая экономика – это главная гарантия и демократического общества, и основа основ сильного и уважаемого в мире государства». Такая система, по его мнению, должна была обеспечить защиту прав собственности, равенство условий конкуренции, освобождение предпринимателей от административного гнета, снижение налогового бремени, развитие финансовой инфраструктуры, проведение реальной социальной политики.

В целом на основании содержания Послания можно выделить три группы национальных интересов во внутривнутриполитической области:

- 1) совершенствование политической системы и строительство эффективного государства как гаранта стабильного общественного развития, гаранта соблюдения прав личности;
- 2) фактическое выравнивание возможностей субъектов федерации в целях обеспечения граждан страны всей полнотой политических и социально-экономических прав;
- 3) создание правовых гарантий развития российской экономики как экономики свободного предпринимательства и деловой инициативы граждан, обеспечение точного и эффективного проведения экономической стратегии на всей территории России.

По нашему мнению, следует согласиться с прозвучавшим в Послании выводом о том, что «единственным... для России реальным выбором (своеобразным совокупным национальным интересом. – С. М., А. Л.) может быть выбор сильной страны. Сильной и уверенной в себе. Сильной – не вопреки мировому сообществу, не против других сильных государств, а вместе с ними».

Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию от 3 апреля 2001 г. с говорящим названием «Не будет ни революций, ни контрреволюций» вновь акцентирует внимание власти и общества на приоритетных внутривнутриполитических национальных интересах. Президент, в частности, выделил в качестве важнейшей национальной задачи, условия успеха стратегических преобразований в стране «наведение порядка в отношениях между федеральными и региональными органами власти», отметив, что «отсутствие четкого разграничения полномочий, а также работоспособ-

ного механизма взаимодействия между уровнями власти приводит нас к большим экономическим и социальным потерям».

В контексте преодоления этой проблемы Президентом предлагалось решение нескольких масштабных задач, в числе которых: «определение конкретных, четких полномочий центра и субъектов федерации в рамках их совместной компетенции... разграничение федеральными законами предметов ведения и полномочий между федеральным центром и региональным уровнем управления»; наведение порядка как «в системе территориальных структур федеральных органов исполнительной власти», так и «в межбюджетных отношениях» между федеральным центром и регионами, обратив особое внимание на «высокодотационные субъекты Российской Федерации».

К числу важнейших внутривластных задач, требующих особенно пристального внимания, глава государства отнес стабилизацию ситуации в Чечне, где «задачи сегодня видоизменяются» и где «наряду с необходимостью довести работу по ликвидации очагов терроризма до конца акцент сейчас должен смещаться в сторону создания и укрепления в республике органов власти, обеспечения прав граждан, социальной реабилитации населения, решения экономических проблем...».

Как известно, в ходе ведения активных боевых действий (1999–2000) контртеррористической операции на Северном Кавказе федеральные войска нанесли поражение крупным бандформированиям сепаратистов. Тем не менее ситуация в регионе оставалась сложной на фоне множества нерешенных проблем в социально-политической и экономической сферах.

В целом правовая ситуация в обществе, по мнению Президента, настоятельно требовала усиления доверия населения к органам государственной власти, повышения их авторитета, поскольку сам вопрос такого доверия все более приобретал политический характер.

В данном контексте насущной необходимостью становились судебная реформа, совершенствование арбитражной практики, процессуального законодательства, законодательной базы в целом, ее организационного и материального обеспечения, недопущение злоупотреблений в сфере обеспечения прав и свобод граждан, борьба с коррупцией среди государственных служащих, совершенствование работы правоохранительных органов.

В Послании Президент вновь вернулся к важнейшей национальной проблеме – обеспечению роста экономики, осуществлению структурных экономических реформ, требуя принимать незамедлительные меры «по дебюрократизации и минимизации административного вмешательства государства в дела предприятий», устранять «избыточное государственное вмешательство» в деятельность предпринимателей.

Неменьшее значение, с точки зрения главы государства, имеет и качественно новая политика формирования государственного бюджета, предполагающая создание «резерва для обеспечения стабильного развития в менее благоприятные годы, а также для решения масштабных стратегических задач», подготовка и проведение кардинальной налоговой реформы.

По мнению Президента, нашим стратегическим приоритетом сегодня является не пересмотр итогов приватизации, а «рациональное, справедливое обложение природных ресурсов (основного богатства России), недвижимости, а также последовательное снижение налогообложения нерентных доходов, окончательная ликвидация налогов с оборота».

К числу актуальных задач экономического развития были отнесены также проведение таможенной реформы, подготовка вступления России в ВТО, совершенствование делового климата в стране на основе безусловной защиты прав добросовестных собственников, государственное регулирование деятельности оборонно-промышленного комплекса, регулирование оборота земельных угодий, экспорта капитала.

В то же время в Послании подчеркнуто, что «развитие страны определяется не одними лишь экономическими успехами, но не в последнюю очередь духовным и физическим здоровьем нации», а сама охрана здоровья определяется как «проблема государственного масштаба».

В связи с этим предлагалось «создать законодательную базу... в рамках единой системы медико-социального страхования, полностью обеспеченной источниками финансирования. И на этой базе преодолеть хронический дефицит финансовых ресурсов, обеспечить государственные гарантии предоставления населению базовых медицинских услуг в полном объеме, повысить реальную доступность и качество бесплатной медицины для широких слоев населения, а для платного здравоохранения нужно создать четкую правовую и экономическую базу».

К проблемам подлинно государственного масштаба Президент также отнес переход к эффективной пенсионной системе, совершенствование трудового права, изменения источников финансирования образования и науки.

В число национальных интересов внешнеполитического характера в Послании были включены защита интересов российских граждан и российской экономики на мировой арене, всесторонняя интеграция с Европой, поддержание отношений с НАТО на основе основополагающих принципов и норм международного права, в первую очередь в вопросах неприменения силы и угрозы силой.

Общий тон Послания свидетельствует, по нашему мнению, о желании Президента добиться спокойствия и стабильности в обществе, снять накал внутривнутриполитических страстей, ориентируя граждан страны прежде всего на согласованную и эффективную работу по возрождению России. В. В. Путин высказал твердое убеждение, что «прочная и экономически обоснованная государственная стабильность является благом для России и для ее людей, и давно пора учиться жить в этой нормальной человеческой логике, пора осознать, что предстоит длительная и трудная работа».

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 18 апреля 2002 г. «России надо быть сильной и конкурентоспособной» В. В. Путин вновь сделал акцент на «демократическое развитие России, становление цивилизованного рынка и правового государства... повышение уровня жизни... народа», связывая эти приоритеты прежде всего с быстрыми темпами развития национальной экономики.

В свою очередь, успешное развитие экономики, по мнению главы государства, напрямую зависит от системы работы государственных институтов, а сам «государственный аппарат должен стать работающим инструментом реализации экономической политики, задавать стратегические ориентиры, предоставлять населению качественные публичные услуги и эффективно управлять государственной собственностью». Именно несовершенство работы государственного аппарата, по словам В. В. Путина, приводит к коррупции, которая является прямым следствием ограничения экономических свобод.

Важнейшей общенациональной задачей остается продолжение реформы судебной правовой системы и в этом контексте гуманизация уголовного законодательства и системы наказаний, что, однако, не отменяет необходимости продолжения борьбы

с преступностью, поскольку именно она выступает «одним из факторов, который делает нашу страну некомфортной... для граждан и негостеприимной для иностранцев...».

Вопрос укрепления и развития федеративного государства Президент обоснованно увязывал в Послании с работой по четкому разграничению сфер ведения между федеральным, региональным и местным уровнями власти, всестороннему совершенствованию деятельности органов местного самоуправления, созданию для них собственных источников формирования бюджета.

Одновременно в Послании большое внимание уделяется важным, прежде всего социально-экономическим, проблемам: поддержке малого бизнеса, снижению административного и налогового давления на этот вид деятельности, эффективному управлению государственной собственностью, улучшению ситуации в сфере ЖКХ, реформированию монопольного сектора экономики. В частности, весьма современно звучит тезис о том, что «реформы монополий призваны привести к понижению издержек, избавлению от непроизводительных расходов, к появлению продуманных инвестиционных программ».

Успешное развитие экономики России, отмечается в Послании от 18 апреля 2002 г., непосредственно зависит от достижений научно-технического прогресса, внедрения достижений науки, в связи с чем «...следует определиться с формами государственной поддержки новых технологий. Найти подходы, соответствующие нашим ресурсам, современной географии рынков, типам хозяйственных связей».

К важнейшим общенациональным приоритетам Президент отнес перспективы вступления России во Всемирную торговую организацию, «членство в которой должно стать инструментом защиты национальных интересов России на мировых рынках. И мощным внешним стимулом для решения тех задач, которые нам... нужно решать».

К важнейшим национальным интересам России, определяемым прежде всего факторами внешнеполитического характера, В. В. Путин справедливо отнес продолжающуюся борьбу с международным терроризмом, создание совместно со странами Содружества Независимых Государств (СНГ) антитеррористической коалиции, обеспечение стратегической стабильности в мире на базе создания новой системы международной безопасности.

При этом важнейшим фактором и условием обеспечения такой стабильности «является продолжение военной реформы и переход к профессиональной армии при сокращении срока службы по призыву. Реформа нужна обществу...».

Сама же российская внешняя политика, подчеркивается в Послании, «и в дальнейшем будет строиться сугубо прагматично, исходя из наших возможностей и национальных интересов – военно-стратегических, экономических, политических».

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 16 мая 2003 г. В. В. Путин весьма конкретно сформулировал основные национальные интересы Российской Федерации, среди которых на первое место поставил возможность для России «уже в обозримом будущем» прочно занять «место среди действительно сильных, экономически передовых и влиятельных государств мира».

Подчеркивалось при этом, что «Россия должна быть и будет страной с развитым гражданским обществом и устойчивой демократией. В ней в полной мере будут обеспечены права человека, гражданские и политические свободы».

Россия должна быть и будет страной с конкурентоспособной рыночной экономикой. Страной, где права собственности надежно защищены, а экономические свободы позволяют людям честно работать, зарабатывать. Зарабатывать без страха и ограничений.

Россия будет сильной страной – с современными, хорошо оснащенными и мобильными Вооруженными Силами, с армией, готовой защитить Россию и ее союзников, национальные интересы страны и ее граждан.

Все это должно создать достойные условия для жизни людей, позволит России на равных находиться в сообществе самых развитых государств.

И такой страной люди смогут не просто гордиться. Они будут приумножать ее богатство, будут помнить и уважать нашу великую историю. В этом – наша с вами стратегическая цель».

Однако подобного рода цели, по глубокому убеждению Президента, могут быть достигнуты только при условии «консолидации вокруг базовых общенациональных ценностей и задач». На основе обеспечения подобного рода консолидации Президент предложил решить несколько конкретных масштабных среднесрочных задач, среди которых – удвоение за текущее десятилетие валового внутреннего продукта страны, достижение полной конвертируемости рубля, формирование эффективной и долговременной налоговой и не менее эффективной миграционной политики.

Также Президент в Послании отметил, что «в России уже есть все условия для постановки и реализации подобных задач, есть возможности реально заняться масштабным строительством современной и сильной экономики, а в конечном итоге формированием государства, конкурентоспособного во всех смыслах этого слова».

Касаясь национальных интересов России во внешнеполитической области, В. В. Путин отметил, что в их обеспечении «одинаково необходимы и эффективная дипломатия, и надежный оборонный потенциал России».

И сами внешнеполитические национальные интересы, и сферы их реализации достаточно подробно охарактеризованы в Послании. Это повышение эффективности работы международных организаций, укрепление сотрудничества со сформировавшимся антитеррористическим сообществом и странами СНГ, широкое сближение и реальная интеграция в Европу.

Значительная часть Послания посвящена вопросам модернизации военной организации страны, которая должна оставаться важнейшим условием конкурентоспособности Российской Федерации в мире. «Сильная, профессиональная и хорошо вооруженная армия нужна нам для благополучного и мирного развития страны. Эта армия должна быть способна защитить Россию и ее союзников, а также эффективно взаимодействовать с вооруженными силами других стран в рамках борьбы с общими угрозами», – подчеркнул Президент.

Лейтмотивом Послания, его главной идеей, по нашему мнению, является идея необходимости сплоченности, солидарности, консолидации всех общественных сил для решения важнейших общенациональных задач, реализации общенациональных интересов.

В Послании Федеральному Собранию РФ от 26 мая 2004 г. В. В. Путин вновь возвращается к национальным интересам, обозначенным им в предыдущем аналогичном документе, ряде выступлений в СМИ, отмечая, что «наши цели абсолютно ясны. Это – высокий уровень жизни в стране, жизни – безопасной, свободной и комфорт-

ной. Это – зрелая демократия и развитое гражданское общество. Это – укрепление позиций России в мире. А главное... значимый рост благосостояния граждан».

Причем достичь этих целей возможно лишь на путях сохранения и ускорения высоких темпов развития России, что «не позволит отбросить нас на „задворки“ мировой экономики».

Сама идея «ускорения», как известно, не нова и активно разрабатывалась во времена М. С. Горбачева, но в Послании Президента В. В. Путина это не просто благое пожелание, высказанное «для красного словца», но «вопрос нашего экономического выживания. Вопрос достойного места России в изменившихся международных условиях».

Акцент в Послании сделан на решении вопросов социально-экономического характера, непосредственно касающихся повышения уровня жизни россиян, причем сами граждане названы главным конкурентным капиталом, главным источником развития страны.

К числу требующих решения проблем Президент в Послании относил создание безопасных условий жизни, снижение уровня преступности, улучшение состояния здоровья российской нации, прекращение роста наркомании, борьбу с детской беспризорностью, преодоление демографического спада.

В этом же контексте Президент определял и подробно анализировал пути решения наиболее важных социальных проблем российского общества, таких как «качество и доступность жилья, образования, медицинского обслуживания».

В числе важнейших внутриполитических национальных интересов Президент называл проблему борьбы с бедностью, отмечая, вместе с тем, что действительно надежную основу для долговременного решения социальных проблем, в частности борьбы с бедностью, «может дать только экономический рост».

Говоря об обеспечении внешнеполитических национальных интересов, В. В. Путин вновь возвращался к проблеме модернизации Вооруженных Сил. «К задачам общенационального масштаба, – подчеркивал Президент, – безусловно, относится и модернизация армии. Боеспособные, технически оснащенные и современные Вооруженные Силы нужны нам для надежной защиты государства. Для того, чтобы мы могли спокойно решать внутренние социально-экономические задачи».

Что касается содержания самих внешнеполитических национальных интересов и средств их обеспечения, то с учетом изменения масштаба задач, стоящих перед страной, необходимо «сделать внешнюю политику адекватной целям и возможностям нового этапа развития. Иначе говоря, использовать инструменты внешней политики для более ощутимой практической отдачи в экономике, в реализации важнейших общенациональных задач».

Национальные интересы России во внешнеполитической сфере, по мнению главы государства, по-прежнему связаны с углублением сотрудничества на пространстве СНГ, развитием диалога со странами ЕС, «с США и такими крупнейшими партнерами, как Китай, Индия, Япония».

Очевидно, что необходимыми условиями решения названных задач являются надежная безопасность России, нерушимость ее границ и «адекватный ответ на наиболее острые угрозы XXI века – международный терроризм, распространение оружия массового уничтожения, региональные конфликты».

В Послании присутствует чрезвычайно важный вывод о том, что «радикальный пересмотр экономической политики, какое бы то ни было ограничение прав и свобод

граждан, кардинальное изменение внешнеполитических ориентиров – любые отклонения от выбранного... выстраданного Россией исторического пути – могут привести к необратимым последствиям. И они должны быть абсолютно исключены».

Послание Федеральному Собранию РФ от 25 апреля 2005 г. В. В. Путин в большей степени посвятил проблемам формирования российской демократической государственности, особо подчеркнув, что «для современной России ценности демократии не менее важны, чем стремление к экономическому успеху или социальному благополучию людей», а развитие страны «как свободного, демократического государства» является главной «политико-идеологической задачей».

В контексте укрепления Российского государства, по мнению Президента, важнейшими национальными интересами становятся повышение эффективности государственного управления, строгое соблюдение чиновниками законности, предоставление ими качественных публичных услуг населению; укрепление федерации, построение эффективного государства в существующих границах с учетом интересов всех входящих в него субъектов; проведение активной политики либерализации предпринимательского пространства; повышение эффективности работы налоговых и таможенных органов».

Чрезвычайно важным вопросом на фоне экономических процессов, проходящих в стране, выступает привлечение «частных, в том числе иностранных, инвестиций» в российскую экономику, укрепление доверия бизнеса к власти.

В числе не менее важных национальных интересов в Послании 2005 г. названы создание эффективной правовой и политической системы, укрепление правопорядка, устранение источников террористической агрессии на территории России.

Особый интерес вызывает также постановка задачи развития гражданского общества в стране, связанные с ним гарантии деятельности политических партий в парламенте, проблема доступа парламентских фракций к СМИ, правового оформления парламентских расследований и т. п.

Представляет интерес и предложение Президента об уточнении «нового порядка наделения полномочиями глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации» с учетом положения победившей на выборах в регионе политической партии.

Что касается внешнеполитических интересов Российской Федерации, то к ним традиционно в Послании были отнесены «безопасность границ и создание благоприятных внешних условий для решения внутренних российских проблем», «международная поддержка в обеспечении прав российских соотечественников за рубежом», эффективное партнерство «со всеми странами в решении глобальных проблем – от поиска действенного ответа на ухудшение окружающей среды до освоения космоса, от предотвращения глобальных техногенных катастроф до устранения угрозы распространения СПИДа» и, конечно, единение усилий «в борьбе с такими вызовами современному миропорядку, как международный терроризм, трансграничная преступность и наркоторговля».

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 10 мая 2006 г. вновь подтверждается стратегический курс на развитие демократической государственности в России, констатируется, что «ни одну из актуальных задач, стоящих перед нашей страной, мы не сможем решить без обеспечения прав и свобод граждан, без эффективной организации самого государства, без развития демократии и гражданского общества».

Национальными приоритетами вновь названы и необходимость обеспечения «высоких темпов экономического роста», борьба с коррупцией, повышение доверия граждан к отдельным институтам государства и крупному бизнесу. При этом предполагалось «сделать серьезный шаг к стимулированию роста инвестиций в производственную инфраструктуру и в развитие инноваций. Россия должна в полной мере реализовать себя в таких высокотехнологичных сферах, как современная энергетика, коммуникации, космос, авиастроение, должна стать крупным экспортером интеллектуальных услуг».

К числу главных национальных интересов в Послании 2006 г. отнесена «самая острая проблема современной России» – демографическая проблема, решение которой предполагает снижение смертности, осуществление эффективной миграционной политики, формирование комплексной программы поддержки материнства и детства, пенсионного обеспечения.

В Послании уделено особое внимание вопросам национальной безопасности, дан исключительно подробный анализ международной военно-политической ситуации, угроз и опасностей, с которыми реально сталкивается сегодня Российская Федерация, программе всесторонней модернизации Вооруженных Сил России. В частности отмечено, что «военные и внешнеполитические доктрины России... должны дать ответ на самые актуальные вопросы, а именно: как уже в нынешних условиях и совместно с партнерами эффективно бороться не только с террором, но и с распространением ядерного, химического, бактериологического оружия, как гасить современные локальные конфликты, как преодолевать другие новые вызовы? ...Вот почему вопрос модернизации Российской Армии является сейчас крайне важным, и он реально волнует российское общество».

«Современной России, – подчеркивается в Послании, – нужна армия, имеющая все возможности адекватно реагировать на современные же угрозы. У нас с вами должны быть Вооруженные Силы, способные одновременно вести борьбу в глобальном, региональном, а если потребуется – и в нескольких локальных конфликтах... при любых сценариях гарантировать безопасность и территориальную целостность России».

К приоритетным внешнеполитическим интересам России в Послании вновь отнесены отношения со странами СНГ, которые «были и остаются важнейшим направлением внешней политики Российской Федерации», постоянный диалог со странами ЕС, который «создает благоприятные условия для взаимовыгодных экономических связей и расширения научных, гуманитарных и иных обменов», а также «отношения России с Соединенными Штатами Америки, с Китайской Народной Республикой, с Индией... с быстро набирающими силу странами Азиатско-Тихоокеанского региона, Латинской Америки и Африки».

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 26 апреля 2007 г. В. В. Путин вновь четко определил основные направления развития российского общества, сформулировал главные национальные интересы: формирование дееспособного гражданского общества; строительство эффективного государства, обеспечивающего безопасность и достойную жизнь людей; становление свободного и социально ответственного предпринимательства; борьба с коррупцией и терроризмом, модернизация Вооруженных Сил и правоохранительных органов; значимое укрепление роли России в международных делах.

К числу наиболее значимых социально-экономических ориентиров Президент отнес в Послании корректировку «функций и структуры Стабилизационного фонда (создан в 2002 г.) при сохранении... консервативной финансовой политики», предложения по новому порядку использования финансовых ресурсов, полученных от нефтегазовых доходов.

В экономической сфере Президент делал акцент на создании принципиально новой «конкурентоспособной, основанной на интеллекте и знаниях, экономики. Такой экономики, где основным двигателем являются не темпы освоения природных ресурсов, а именно идеи, изобретения и умение быстрее других внедрять их в повседневную жизнь».

Также к числу важных задач в экономике в Послании относятся «устранение инфраструктурных ограничений роста... повышение эффективности использования природных ресурсов... модернизация и развитие высокотехнологичных промышленных производств, содействие бизнесу в создании новых, по-настоящему современных производств и в появлении как можно большего количества национальных публичных компаний».

Укрепление Вооруженных Сил, по мнению Президента, остается важнейшим общенациональным приоритетом, а основными векторами его реализации следует считать переход к комплектованию соединений и частей на контрактной основе, переоснащение армии и флота новыми и модернизированными образцами вооружения и военной техники, совершенствование системы социальных гарантий для военнослужащих и членов их семей. Значимым условием деятельности государства по обеспечению национальной безопасности выступает соизмерение наших задач «с возможностями национальной экономики, а также с характером потенциальных угроз и динамикой международной обстановки».

Внешнеполитические интересы России обозначены лаконично, но весьма четко и весомо. «Современная Россия, восстанавливая свой экономический потенциал и осознавая свои возможности, стремится к равноправным отношениям со всеми странами и не ведет себя высокомерно. Мы лишь отстаиваем свои экономические интересы и используем свои конкурентные преимущества, как это делают все без исключения страны мира», – подчеркнул В. В. Путин.

Общий настрой восьмого Послания Президента В. В. Путина Федеральному Собранию РФ, по нашему глубокому убеждению, оптимистичен и ориентирует общество на созидательную, плодотворную работу.

Сам Президент отмечал, что «фактически в каждом из моих восьми Посланий Федеральному Собранию давалась не только оценка ситуации в стране и ее положения в мире, но и определялись приоритеты, в том числе и долгосрочные приоритеты в социальной сфере, в экономике, во внешней и внутренней политике, в области безопасности и обороны. По сути – это и есть, может быть не полный, но все-таки достаточно конкретный и основательный, концептуальный план развития России. Его выполнение потребует созидательной работы всего общества, потребует огромных усилий и огромных финансовых ресурсов».

Как известно, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации к числу национальных интересов России на долгосрочную перспективу отнесены:

укрепление обороны страны, обеспечение незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации;

укрепление национального согласия, политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов, совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества;

повышение качества жизни, укрепление здоровья населения, обеспечение стабильного демографического развития страны;

сохранение и развитие культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей;

повышение конкурентоспособности национальной экономики;

закрепление за Российской Федерацией статуса одной из лидирующих мировых держав, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях полицентричного мира.

Именно эти национальные интересы не только сформулированы в посланиях Федеральному Собранию и многократно доведены Президентом России В. В. Путиным до своих сограждан, но и являются постоянной сферой его повседневной политической деятельности, направленной на укрепление российской государственности, повышение авторитета и влияния России в мире. Как справедливо отмечает профессор Г. Д. Чесноков¹, «главное отличие сегодняшнего российского Президента от его предшественников в том, что он служит интересам России. Такого Президента надо поддерживать».

По нашему мнению, анализ содержания посланий президентов Российской Федерации, в том числе В. В. Путина, в контексте обеспечения национальной безопасности, социально-политического и экономического суверенитета страны – перспективное направление научных исследований, результаты которых крайне необходимы для укрепления современной российской государственности.

Библиография

Антошин В. А. Безопасность России: вопросы теории и проблемы государственного регулирования. Екатеринбург, 2012.

Гребениченко Д. Ф., Гребениченко С. Ф. Эволюция России и Путин // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 6.

Какую Россию мы строим: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 8 июля 2000 г. // Рос. газ. 2000. 11 июля.

Кокошин А. А. Национальные интересы, реальный суверенитет и национальная безопасность // Вопр. философии. 2015. № 10.

Ложкарев А. И. Политология: учеб. пособие / А. И. Ложкарев, Ю. М. Ярков. Екатеринбург, 2013.

Макашкин С. В., Ложкарев А. И. Вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации в 90-х гг. XX в. (по материалам посланий Президента РФ Б. Н. Ельцина) // Электрон. прил. к «Рос. юрид. журн.». 2016. № 5.

Не будет ни революций, ни контрреволюций: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 3 апреля 2001 г. // Рос. газ. 2001. 4 апр.

Основы теории и актуальные проблемы национальной безопасности России: учеб. пособие / В. А. Антошин и др.; под ред. В. Ф. Ницевича. Екатеринбург, 2003.

Павлов Д. А., Бельский А. Н., Клименко О. В. Актуальные вопросы обеспечения военной безопасности Российской Федерации // Военная мысль. 2015. № 1.

Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 10 мая 2006 г. // Рос. газ. 2006. 11 мая.

Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 16 мая 2003 г. // Рос. газ. 2003. 17 мая.

Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 25 апреля 2005 г. // Рос. газ. 2005. 26 апр.

¹ Чесноков Г. Д. Владимир Путин и геополитические интересы России // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 1. С. 5–30.

- Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26 апреля 2007 г. // Рос. газ. 2007. 27 апр.
Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26 мая 2004 г. // Рос. газ. 2004. 27 мая.
России надо быть сильной и конкурентоспособной: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 18 апреля 2002 г. // Рос. газ. 2002. 19 апр.
Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // СЗ РФ. 2016. № 1 (Ч. II). Ст. 212.
Чесноков Г. Д. Владимир Путин и геополитические интересы России // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 1.
Янкова Н. А. Национальные интересы России в аспекте лингвосоциокультурных ценностей // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 1.

Bibliography

- Antoshin V. A. Bezopasnost' Rossii: voprosy teorii i problemy gosudarstvennogo regulirovaniya. Ekaterinburg, 2012.
Chesnokov G. D. Vladimir Putin i geopoliticheskie interesy Rossii // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2015. № 1.
Grebenichenko D. F., Grebenichenko S. F. Ehvol'yuciya Rossii i Putin // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2015. № 6.
Kakuyu Rossiyu my stroim: Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 8 iyulya 2000 g. // Ros. gaz. 2000. 11 iyulya.
Kokoshin A. A. Nacional'nye interesy, real'nyj suverenitet i nacional'naya bezopasnost' // Vopr. filosofii. 2015. № 10.
Lozhkarev A. I. Politologiya: ucheb. posobie / A. I. Lozhkarev, Yu. M. Yarkov. Ekaterinburg, 2013.
Makarkin S. V., Lozhkarev A. I. Vyzovy i ugrozy nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii v 90-x gg. XX v. (po materialam poslanij Prezidenta RF B. N. El'cina) // Ehlektron. pril. k «Ros. yurid. zhurn.». 2016. № 5.
Ne budet ni revolyucij, ni kontrrevolyucij: Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 3 aprelya 2001 g. // Ros. gaz. 2001. 4 apr.
Osnovy teorii i aktual'nye problemy nacional'noj bezopasnosti Rossii: ucheb. posobie / V. A. Antoshin i dr.; pod red. V. F. Nicevicha. Ekaterinburg, 2003.
Pavlov D. A., Bel'skij A. N., Klimenko O. V. Aktual'nye voprosy obespecheniya voennoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Voennaya mysl'. 2015. № 1.
Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 10 maya 2006 g. // Ros. gaz. 2006. 11 maya.
Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 16 maya 2003 g. // Ros. gaz. 2003. 17 maya.
Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 25 aprelya 2005 g. // Ros. gaz. 2005. 26 apr.
Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 26 aprelya 2007 g. // Ros. gaz. 2007. 27 apr.
Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 26 maya 2004 g. // Ros. gaz. 2004. 27 maya.
Rossii nado byt' sil'noj i konkurentosposobnoj: Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 18 aprelya 2002 g. // Ros. gaz. 2002. 19 apr.
Strategiya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: utv. Ukazom Prezidenta RF ot 31 dekabrya 2015 g. № 683 // SZ RF. 2016. № 1 (Ch. II). St. 212.
Yankova N. A. Nacional'nye interesy Rossii v aspekte lingvosociokul'turnyx cennostej // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2017. № 1.

ИНФОРМАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Кузнецов Петр Уварович

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), e-mail: petr_kuznecov@mail.ru

Анализируются предмет правового обеспечения информационной безопасности и влияние на его формирование информации как объекта правоотношения. Рассматриваются понятия «информационная безопасность», «защита информации», «безопасность информации», «опасная информация», «запрещенная информация». Описываются объекты информационных правоотношений, отмечается их значение для установления правовых режимов.

Ключевые слова: информационная безопасность, защита информации, информация как категория, модель информации, объект информационного права, безопасность информации, распространение информации

INFORMATION AS AN OBJECT OF LEGAL RELATIONS IN THE FIELD OF INFORMATION SECURITY

Kuznetsov Petr

Ural State Law University (Yekaterinburg). E-mail: petr_kuznecov@mail.ru

The author explores the subject of legal information security and wants to know how information as an object of these relations influences its development. He compares the concepts of information security, protection of information, safety of information, dangerous information, and prohibited information. The objects of information legal relations and their importance for establishing legal regimes are revealed.

Key words: information security, protection of information, information as a category, information model, object of information law, safety of information, dissemination of information

В Российской Федерации правовое обеспечение информационной безопасности как самостоятельная часть системы права стало формироваться в 90-х гг. XX в., т. е. с момента принятия первых законодательных актов в информационной сфере: законов РФ «О безопасности»¹, «О государственной тайне»², Федерального закона «О Федеральной службе безопасности»³, – в которых закреплялись общие положения правового регулирования общественных отношений по поводу защиты интересов личности, общества и государства в информационной сфере.

Однако достаточно стройная система норм права в этой области стала складываться после утверждения Президентом РФ Доктрины информационной безопасности РФ⁴ (далее – Доктрина), где впервые на официальном уровне были сформулированы базовые положения государственной политики в области информационной безопасности, в том числе названы опасные воздействия на информационную сферу и их

¹ О безопасности: Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 // Рос. газ. 1992. 6 мая.

² О государственной тайне: Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 // Там же. 1993. 21 сент.

³ О Федеральной службе безопасности: Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 15. Ст. 1269.

⁴ Рос. газ. 2000. 28 сент.

основания, а также объекты и направления обеспечения информационной безопасности. В Доктрине нашли отражение факторы, обуславливающие формирование системы правового воздействия на упорядоченность общественных отношений в сфере защищенности информационных интересов личности, общества и государства. Как подчеркивает И. Л. Бачило, Доктрина определила вектор идеологии правового регулирования в данной сфере¹.

В системе правового обеспечения информационной безопасности основным элементом является объект воздействия – комплекс информационных благ в области информационной безопасности. В числе объектов в Доктрине названы:

доступ к информации;

сфера духовной жизни;

информационные ресурсы, содержащие сведения, отнесенные к государственной тайне, и другую конфиденциальную информацию;

информационная инфраструктура – информационные и телекоммуникационные системы, средства и системы информатизации, программные средства, информационно-телекоммуникационные сети, системы связи и передачи данных, осуществляющие прием, обработку, хранение и передачу информации ограниченного доступа, их информативные физические поля и др.;

программно-технические средства автоматизированных и автоматических систем управления;

права граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, защиту персональных данных и др.

Не менее важными явились выводы Доктрины о негативных последствиях отсутствия эффективного правового обеспечения информационной безопасности:

необеспеченность прав граждан на доступ к информации и манипулирование информацией, что в ряде случаев ведет к дестабилизации социально-политической обстановки в обществе;

компьютерные преступления, связанные с проникновением криминальных элементов в компьютерные системы и сети банков и иных кредитных организаций;

недостаточность нормативно-правовой базы, определяющей ответственность хозяйствующих субъектов за недостоверность или сокрытие сведений о результатах их хозяйственной деятельности, что препятствует нормальному функционированию хозяйствующих субъектов.

В научных источниках понятие «информационная безопасность» толкуется по-разному. Например, предлагается понимать под ним в широком смысле «состояние защищенности национальных интересов в информационной сфере», а в узком – «состояние защиты информации и поддерживающей инфраструктуры от случайных или преднамеренных воздействий естественного или искусственного характера»². Большинство авторов считают, что понятия «информационная безопасность» и «защита информации» соотносятся как общее и частное.

Понятие «информационная безопасность» получило официальную трактовку в Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г.³ и прежней редакции Доктри-

¹ Информационные ресурсы развития Российской Федерации: правовые проблемы / отв. ред. И. Л. Бачило. М., 2003. С. 292.

² Галатенко В. А. Основы информационной безопасности: курс лекций / под ред. В. Б. Бетелина. М., 2003. С. 15–16.

³ СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

ны. Анализ этих документов позволяет определить информационную безопасность как состояние защищенности жизненно важных национальных интересов от угроз (опасных воздействий) в информационной сфере, обусловленных совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства.

Новая редакция текста Доктрины¹ приводит более развернутое определение понятия «информационная безопасность»: состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, обороны и безопасность государства.

Понятие «защита информации» как более узкое в сравнении с понятием «информационная безопасность» в соответствии со ст. 16 Закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»² означает деятельность по принятию правовых, организационных и технических мер, направленных на обеспечение защиты информации от неправомерного доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления, распространения, а также от иных неправомерных действий в отношении такой информации; соблюдение конфиденциальности информации ограниченного доступа; реализацию права на доступ к информации.

Для определения предметной основы правового регулирования информационной безопасности важным является исследование таких понятий, как «безопасность информации» и «защита от информации».

А. А. Фатьянов в состав существенных признаков понятия «безопасность информации», например, включает «безопасность содержательной части (смысла) информации – отсутствие в ней побуждения человека к негативным действиям, умышленно заложенных механизмов негативного воздействия на человеческую психику или на иной блок информации»³.

С. П. Расторгуев называет два направления построения основ информационной безопасности: безопасность информации (защита информации) и безопасность от информации (защита от «опасной», неадекватной картине мира информации)⁴.

Названные авторы, рассматривая понятия «безопасность информации» и «безопасность от информации», по существу, имеют в виду один и тот же смысл: защищенность личности от информации, несущей в себе социально вредные элементы.

Именно это значение закреплено в Федеральном законе «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»⁵ при определении понятия «информационная безопасность детей»: состояние защищенности детей, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию. Закон

¹ СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 31 (Ч. II). Ст. 3448.

³ Фатьянов А. А. Правовое обеспечение безопасности информации в Российской Федерации: учеб. пособие. М., 2001. С. 31.

⁴ Расторгуев С. П. Основы информационной безопасности: учеб. пособие для студентов высших учеб. заведений. 2-е изд., стереотип. М., 2009. С. 19.

⁵ О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 48.

определяет информацию, причиняющую вред здоровью и (или) развитию детей, как информацию, в том числе содержащуюся в информационной продукции для детей, распространение которой среди детей запрещено или ограничено в соответствии с настоящим Федеральным законом.

Следовательно, безопасной информацией является такая информация, которая не причиняет вред здоровью и (или) развитию детей и распространение которой среди детей не подлежит запрещению или ограничению в соответствии с названным Законом.

Отдельные авторы под термином «безопасность информации» понимают «защиту информации и информационных ресурсов от несанкционированного доступа, искажения, уничтожения, установление режима информации в зависимости от ее содержания, обеспечение защиты сведений, составляющих государственную тайну, иной информации ограниченного доступа»¹.

Как бы то ни было, безопасность информации и безопасная информация также должны быть включены в состав основных объектов воздействия в области информационной безопасности. Поэтому в тексте официальных и нормативных документов безопасная информация должна быть выделена в качестве объекта правового обеспечения наряду с информационными ресурсами и сведениями, отнесенными к конфиденциальной информации.

Безопасная информация и деятельность по обеспечению безопасности от социально вредной информации или информации, которая не соответствует действительности, искажает происходящие события, также формируют предметное пространство правового обеспечения информационной безопасности как новой суботрасли российской системы права.

Как правильно подчеркивает И. Л. Бачило, уяснение предметной области обеспечения информационной безопасности возможно путем моделирования структуры зон правового регулирования². От особенностей наполнения таких зон информационного пространства объектами информационной безопасности зависит специфика методов и режимов правового регулирования. Это правильно, поскольку существуют и постоянно развиваются разные по своей природе объекты информационного характера: одни из них требуют более жестких режимов правового регулирования, другие – более мягких. Например, в зависимости от характера существующего или вводимого в правовую сферу объекта информационных правоотношений законодатель может определить, какое правовое средство более эффективно использовать с целью укрепления информационной безопасности.

В состав таких специальных режимов, как известно, включены не только базовые принципы и особенности правового статуса субъектов, но и юридические запреты и ограничения³.

Заметим, что предмет правового обеспечения информационной безопасности динамично развивается, на его структуру и содержание влияют многие условия, но, разумеется, одним из наиболее важных факторов является информация как интегрирующий все другие объекты информационных правоотношений.

¹ Терещенко Л. К., Тиунов О. И. Информационная безопасность органов исполнительной власти на современном этапе // Журн. рос. права. 2015. № 8. С. 105–106.

² Информационные ресурсы развития Российской Федерации: правовые проблемы. С. 293–294.

³ Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 250–251.

Библиография

Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999.

Галатенко В. А. Основы информационной безопасности: курс лекций / под ред. В. Б. Бетелина. М., 2003.

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: утв. Президентом РФ 9 сентября 2000 г. № ПР-1895 (утратила силу) // Рос. газ. 2000. 28 сент.

Информационные ресурсы развития Российской Федерации: правовые проблемы / отв. ред. И. Л. Бачило. М., 2003.

О безопасности: Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 // Рос. газ. 1992. 6 мая.

О государственной тайне: Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 // Рос. газ. 1993. 21 сент.

О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 48.

О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 (ред. от 1 июля 2014 г.) // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

О Федеральной службе безопасности: Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 15. Ст. 1269.

Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 31 (Ч. II). Ст. 3448.

Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

Расторгуев С. П. Основы информационной безопасности: учеб. пособие для студентов высших учеб. заведений. 2-е изд., стереотип. М., 2009.

Терещенко Л. К., Тиунов О. И. Информационная безопасность органов исполнительной власти на современном этапе // Журн. рос. права. 2015. № 8.

Фатьянов А. А. Правовое обеспечение безопасности информации в Российской Федерации: учеб. пособие. М., 2001.

Bibliography

Alekseev S. S. Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya: Opyt kompleksnogo issledovaniya. M., 1999.

Doktrina informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: utv. Prezidentom RF 9 sentyabrya 2000 g. № PR-1895 (utratala silu) // Ros. gaz. 2000. 28 sent.

Fat'yanov A. A. Pravovoe obespechenie bezopasnosti informacii v Rossijskoj Federacii: ucheb. posobie. M., 2001.

Galatenko V. A. Osnovy informacionnoj bezopasnosti: kurs lekcij / pod red. V. B. Betelina. M., 2003.

Informacionnye resursy razvitiya Rossijskoj Federacii: pravovye problemy / отв. ред. И. Л. Бачило. М., 2003.

O bezopasnosti: Zakon RF ot 5 marta 1992 g. № 2446-1 // Ros. gaz. 1992. 6 maya.

O Federal'noj sluzhbe bezopasnosti: Federal'nyj zakon ot 3 aprelya 1995 g. № 40-FZ // SZ RF. 1995. № 15. St. 1269.

O gosudarstvennoj tajne: Zakon RF ot 21 iyulya 1993 g. № 5485-1 // Ros. gaz. 1993. 21 sent.

O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii do 2020 goda: Ukaz Prezidenta RF ot 12 maya 2009 g. № 537 (red. ot 1 iyulya 2014 g.) // SZ RF. 2009. № 20. St. 2444.

O zashhite detej ot informacii, prichinyayushhej vred ix zdorov'yu i razvitiyu: Federal'nyj zakon ot 29 dekabrya 2010 g. № 436-FZ // SZ RF. 2011. № 1. St. 48.

Ob informacii, informacionnyx texnologiyax i o zashhite informacii: Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2006 g. № 149-FZ // SZ RF. 2006. № 31 (Ch. II). St. 3448.

Ob utverzhdenii Doktriny informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 5 dekabrya 2016 g. № 646 // SZ RF. 2016. № 50. St. 7074.

Rastorguev S. P. Osnovy informacionnoj bezopasnosti: ucheb. posobie dlya studentov vysshix ucheb. zavedenij. 2-e izd., stereotip. M., 2009.

Tereshhenko L. K., Tiunov O. I. Informacionnaya bezopasnost' organov ispolnitel'noj vlasti na sovremennom ehtape // Zhurn. ros. prava. 2015. № 8.

ДВА ПОДХОДА К ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА

Савицкий Петр Иванович

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), e-mail: art-m2006@yandex.ru

Мочалов Артур Николаевич

Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), e-mail: art-m2006@yandex.ru

Рассматриваются вопросы отражения этнического фактора в территориальном устройстве государства. Авторы приводят характеристику двух основных подходов к решению данных вопросов, сложившихся в западной и отечественной доктрине и практике конституционного регулирования. Отмечается, что использование инструментов территориальной автономии и федерализма для управления этническим многообразием является в современном мире общей тенденцией. При этом вопреки высказываемым опасениям риску сецессии автономных «этнических» территорий в большей степени подвержены «слабые» государства с неразвитыми демократическими институтами и механизмами защиты индивидуальных и коллективных прав, в то время как развитые демократии обладают достаточным арсеналом средств для урегулирования возникающих противоречий.

Ключевые слова: этническое многообразие, государственная территория, государственное устройство, полиэтничное государство, фрагментация, федерализм, территориальная автономия, самоуправление, национальные меньшинства

TWO APPROACHES TO TERRITORIAL STRUCTURE OF A MULTI-ETHNIC STATE

Savitskiy Petr

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: art-m2006@yandex.ru

Mochalov Artur

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: art-m2006@yandex.ru

The problematic issues concerning reflection of the ethnic factor in organization of territorial structure of a state are discussed. The authors briefly describe basic approaches in the Russian and Western doctrines and practices of governance to resolving the problems. It is highlighted that implementation of different instruments of federalism and territorial autonomy for managing ethnic diversity is a general trend in the modern world. Contrary to concerns being expressed in the literature the risk of secession of «ethnic» autonomous regions is more real mainly for «weak» states with undeveloped democratic institutions and mechanisms of protection of individual and collective rights while developed democracies have a sufficient set of means for conflicts resolution.

Key words: ethnic diversity, state territory, multi-ethnic state, territorial structure of state, ethnic-territorial fractionalization, federalism, territorial autonomy, self-government, national minorities

Этнический состав населения любой страны оказывает влияние на выбор конкретных конституционно-правовых форм управления культурным многообразием. Страны, население которых отличается сложной этнической (и шире – этнолингвистической

и этноконфессиональной) структурой, можно условно разделить на две категории. К первой отнесем те, где все этнические группы проживают дисперсно, не будучи связанными с тем или иным регионом. Обычно одна из таких групп составляет большинство населения, в то время как остальные находятся в положении национальных меньшинств, «разбросанных» по территории страны. Во вторую категорию входят государства, в которых какая-либо этническая, языковая или этноконфессиональная группа (не вдаваясь в терминологические уточнения, для краткости в данной статье будем использовать термин «этническая группа») проживает концентрированно в определенной местности, образуя значительную часть или даже большинство ее населения.

Во втором случае речь идет об *этнотерриториальной фрагментации*, выступающей одним из проявлений полиэтничности. Этническое многообразие приобретает в такой ситуации территориальное измерение, а территориальное устройство государства служит одним из инструментов управления этническим и культурным многообразием. В качестве примеров стран, имеющих признаки этнотерриториальной фрагментации, обычно называют Бельгию, Индию, Испанию, Канаду, Швейцарию, хотя этот список при более детальном анализе оказывается довольно большим. Концентрированно проживающие этнические общности встречаются за редкими исключениями практически во всех странах. Методы и конституционно-правовые формы управления этническим многообразием в условиях этнотерриториальной фрагментации представляют исследовательский интерес уже только потому, что обозначенное явление встречается и в России.

Главная особенность рассматриваемого типа государств состоит в том, что совпадение их внутренних географических границ с линиями этнокультурных различий может способствовать формированию глубоких этнополитических расколов и, приобретая политизированный характер, провоцировать сепаратизм и межэтнические конфликты. Такие расколы обуславливают возникновение феномена, обозначаемого в западной политической науке термином «разделенное общество» (*divided society*). Основным признаком разделенного общества является то, что различия между группами, образующими данное общество, приобретают политическую окраску и служат маркерами политической идентичности и основой для политической мобилизации¹.

Названные особенности связаны с проявлениями свойств идентичности. Каждый человек соотносит себя с социальными группами, образующими культурный контекст его бытия и во многом определяющими его мировосприятие и поведение. Идентичность – это ощущение человеком своей принадлежности к конкретной общности, разделение ее ценностей и культурных традиций. Принадлежность к этнической группе, лежащая в основе этнической (или национальной) идентичности, – одна из наиболее устойчивых и редко изменяется в течение жизни.

Когда этническая группа концентрированно проживает в определенном географическом районе, являющемся частью территории государства, этническая идентичность срастается с территориальной (региональной) идентичностью: «малая родина» обычно рассматривается представителями данной группы в терминах принадлежности, т. е. как территория, которой «владеет» эта группа (безотносительно того, поддерживается ли такой подход конституцией и законодательством государства).

¹ Choudhry S. Bridging Comparative Politics and Comparative Constitutional Law: Constitutional Design in Divided Societies // Constitutional Design for Divided Societies: Integration or Accommodation? / ed. by S. Choudhry. N. Y., 2008. P. 5.

Остальные же народы на этой территории считаются «чужаками», а иногда даже «врагами» и «оккупантами». Территория, таким образом, выступает не просто географическим пространством проживания этнической общности, она наполняется символическим смыслом и становится атрибутом национальной и культурной самоидентификации наряду с языком и религией¹. Придание данной территории еще и политического значения, ее восприятие как пространства социальной организации именно данного (и никакого другого) этноса приводит к политизации этничности, выражающейся в переоценке любых проблем социального, экономического, культурного характера в терминах «мы» против «них»², появлении регионального этнонационализма и росте сепаратистских настроений.

Конечно, этнополитические расколы и межэтнические конфликты возможны и при дисперсном проживании этнических групп, а «разделенные» общества могут быть фрагментированы не только по этническому признаку. В свою очередь, полиэтничность и многокультурность не всегда свидетельствуют о «разделении» общества (например, США или Бразилия – мультирасовые и полиэтнические государства, но культурные различия между этническими группами здесь не имеют выраженного политического содержания). Вместе с тем, как справедливо отмечает О. Б. Подвинцев, совпадение этнической и территориальной идентичностей – одна из предпосылок, которые «в наибольшей степени благоприятствуют возникновению межобщинных конфликтов и росту сепаратистских тенденций»³.

Саму по себе этнотерриториальную фрагментацию все же не следует рассматривать как непосредственную причину межэтнических конфликтов и источник сепаратизма (а такие интерпретации периодически встречаются в русскоязычной научной литературе). Скорее, она служит одним из условий, которое (в сочетании с определенными факторами) может способствовать возникновению негативных последствий. Поэтому одной из главных задач, стоящих перед фрагментированными в этническом отношении государствами является выбор таких конституционно-правовых форм территориального устройства, которые способствовали бы снижению конфликтного потенциала общества и нивелированию центробежных тенденций.

В мировой конституционной практике сложилось два основных подхода к организации территориального устройства государства в условиях этнотерриториальной фрагментации. Во-первых, государственная территория может быть организована так, чтобы каждая этническая группа была распределена по нескольким территориальным единицам, ни в одной из них не образуя устойчивого большинства. Считается, что тем самым этнические общности лишаются оснований предъявлять политические притязания в отношении «своих» территорий, что позволяет эффективно противодействовать этническому сепаратизму. Во-вторых, внутренние границы, напротив, могут проводиться таким образом, чтобы они в целом совпадали с границами территорий расселения этнических или языковых общностей. При этом «этническим» регионам могут предоставляться права самоуправления (автономии).

Международные документы, принятые в последние десятилетия, демонстрируют весьма благосклонное отношение ко второму подходу. Например, в подготовленном

¹ Murphy A. B. Territorial Policies in Multiethnic States // *Geographical Review*. 1989. Vol. 79. № 4. P. 412.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2006. С. 429.

³ Подвинцев О. Б. Региональная идентичность в де-факто двунациональных субъектах РФ: конкурентный потенциал и попытки стимулирования // Идентичность как предмет политического анализа: сб. ст. по итогам науч.-практ. конф. / отв. ред. И. С. Семенов, Л. А. Фадеева. М., 2011. С. 224–225.

Рабочей группой ООН по меньшинствам в 2005 г. Комментарии к Декларации ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (E/CN.4/Sub.2/AC.5/2005/2), отмечается, что «лица, компактно проживающие на какой-либо части территории соответствующего государства, в отличие от лиц, проживающих некомпактно, могут рассчитывать на осуществление прав, касающихся использования языка и наименования улиц и мест, а также в некоторых случаях – на автономию в определенных масштабах»¹. В Документе Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ 1990 г. подчеркивается необходимость действий государств по созданию «надлежащих местных или автономных органов управления, отвечающих конкретным историческим и территориальным условиям... меньшинств»². Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия) в одном из докладов (CDL-MIN(1994)001rev2) пришла к выводу, что «федерализм, или подлинный регионализм, без сомнения, является системой, позволяющей меньшинствам приобретать определенную степень автономии внутри существующей структуры государства».

Первый подход к территориальной организации характерен для старых иммигрантских государств, таких как США, Австралия, Мексика или Бразилия. Например, территориальная и языковая политика США построена на непринятии возможности существования штатов, где население по большей части говорило бы на каком-либо другом языке помимо английского³ (хотя статус данного языка в качестве официального не закреплен ни в Конституции США, ни в законодательстве). У. Кимлика описывает это следующим образом: «Когда Соединенные Штаты покорили Юго-Запад в ходе войны с Мексикой в 1848 г., они... лишили коренных поселенцев их языковых прав и институтов, установили экзамены на грамотность, чтобы затруднить им голосование, и поощряли массовую миграцию в эту местность, чтобы испаноязычное население оказалось в меньшинстве»⁴.

Напротив, во многих европейских странах, а также государствах, конституционное развитие которых началось во второй половине XX в., используется второй подход. К примеру, ст. 2 Конституции Испании гарантирует *национальностям и районам их проживания* право на автономию.

На Западе интерес к территориальным инструментам управления этническим многообразием усилился в 1960–1970-х гг. с появлением работ американских политологов А. Лейпхарта (Lijphart) и Д. Горовица (Horowitz), посвященных проблемам демократии в «разделенных» (в терминологии А. Лейпхарта «многосоставных» – *plural*) обществах. Основной вопрос, которым задавались данные авторы, состоял в том, как примирить интересы различных групп (сегментов), составляющих разделенное общество, и обеспечить их *аккомодацию* (*accommodation*), или встраивание, в политическую систему.

А. Лейпхарт предложил оригинальную концепцию «консоциальной» (*consociational*) (в российских переводах также «сообщественной») демократии в качестве

¹ Комментарий Рабочей группы по меньшинствам к Декларации ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным, этническим, религиозным и языковым меньшинствам от 22 марта 2005 г. E/CN.4/Sub.2/AC.5/2005/2 // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G05/133/83/PDF/G0513383.pdf> (дата обращения: 04.09.2017).

² Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ. Копенгаген, 1990 // URL: <http://www.osce.org/ru/odihr/elections/14304?download=true> (дата обращения: 04.09.2017).

³ Этничность. Культура. Государственность. Проблемы этнического федерализма в XXI веке / под ред. М. С. Саликова. Екатеринбург, 2014. С. 65–66.

⁴ Кимлика У. Федерализм и сецессия: восток и запад // Ab Imperio. 2000. № 3–4. С. 251.

альтернативы классической демократии как «власти большинства». Последняя, по его мнению, неприемлема для обществ, разделенных на сегменты. В основе данной концепции лежит принцип распределения власти (*power-sharing*), согласно которому власть в многосоставном обществе должна осуществляться «большой коалицией» (*grand coalition*), состоящей из представителей входящих в его состав сегментов (групп) и формируемой на основе их пропорционального представительства (*proportional representation*). При этом каждый сегмент в «разделенном» обществе должен обладать автономией в решении внутренних вопросов и правом вето на решения, принимаемые «большой коалицией»¹. Соответственно, если образующие общество сегменты (в частности, этнические группы) территориально обособлены, то оптимальным способом «встроить» их в политическую систему страны является федерализм, в основе которого лежит, с одной стороны, автономия территориальных единиц (сегментов) в решении внутренних вопросов, а с другой – их участие в осуществлении общегосударственных функций (в частности, посредством представительства их интересов в верхней палате федерального парламента)². В более поздней литературе по теории федерализма отмечается, что демократический консенсус, достигаемый путем использования различных инструментов консociальной демократии, – одно из важнейших условий существования «мультинациональных» федераций, таких как Канада, Бельгия или Индия³.

Примером государства, в Конституции которого можно обнаружить черты консociальной демократии, выступает Бельгия. Статьи 2 и 3 Конституции в качестве субъектов Бельгийской федерации называют три образованных по лингвистическому признаку сообщества (Французское сообщество, Фламандское сообщество и Германоязычное сообщество) и три региона (Фламандский, Валлонский и Брюссельский).

Переход Бельгии, неоднородной по этнолингвистическому составу населения, от унитарной формы государственного устройства к федеративному, был вызван давно назревшей острой проблемой урегулирования отношений между нидерландоязычной Фландрией и франкоязычной Валлонией прежде всего в языковой сфере и в области культуры. Фламандцы требовали установления равенства использования языков (по Закону от 19 сентября 1831 г., действовавшему вплоть до принятия 18 апреля 1998 г. нового закона, французский язык по сути оставался единственным государственным языком в Бельгии, двуязычие в ряде сфер было введено несколькими законами, принятыми в 70–80-х гг. XIX в.), а также активно выступали за развитие национальной фламандской культуры.

Большое значение в решении этнолингвистической проблемы имел «компромисс бельгийцев» (валлонов и фламандцев), на котором между представителями обеих сторон было достигнуто согласие о том, что обучение, делопроизводство, судопроизводство должны вестись в Валлонии на французском языке, а во Фландрии – на нидерландском, в связи с чем в 1930-х гг. был принят ряд законов, регулировавших использование языков в соответствующих сферах.

Впоследствии в составе территории Бельгии были созданы культурно-лингвистические структуры (лингвистические районы): район французского языка, район

¹ Lijphart A. Consociational Democracy // World Politics. 1969. Vol. 21. № 2. P. 207–225.

² Lijphart A. Consociation and Federation: Conceptual and Empirical Links // Canadian Journal of Political Science. 1979. № 3. P. 499–515.

³ Pinder J. Multinational Federations. Introduction // Multinational Federations / ed. by M. Burgess, J. Pinder. Abingdon, 2007. P. 9–10.

нидерландского языка, район немецкого языка и двуязычный район Брюссель – столица. В Конституцию страны была включена ст. 3bis, закрепившая их статус. Необходимость расширения прав регионов в области национальной культуры была отражена в ст. 3ter Конституции Бельгии. Затем было образовано три культурных сообщества: французское, фламандское и немецкоязычное, преобразованные впоследствии в соответствующие субъекты Бельгийской федерации (в настоящее время их статус закреплен в ст. 2 Конституции). Бельгийские авторы, отмечая сложность структуры созданной федерации, подчеркивают, что она отражает «волю политического и лингвистического компромисса»¹, который был необходим для урегулирования фламандско-валлонских отношений, ибо вся история Бельгии «отмечена вехами межобщинных конфликтов»².

Этнолингвистический фактор нашел отражение в организации и деятельности высших органов власти Бельгии. Так, согласно ч. 1 ст. 43 Конституции «в случаях, определенных Конституцией, избранные члены каждой палаты установленным законом способом распределяются на французскую лингвистическую группу и на нидерландскую лингвистическую группу». Например, в верхнюю палату Парламента – Сенат – входят 29 франкоязычных сенаторов, 41 нидерландоязычный и один германоязычный. Причем в соответствии с процедурой, установленной ст. 54 Конституции, французская или нидерландская лингвистическая группа в любой из палат Парламента может принять квалифицированным большинством резолюцию, объявляющую тот или иной законопроект «способным нанести серьезный ущерб отношениям между сообществами» (это своего рода возможность выражения сегментом права вето согласно концепции А. Лейпхарта). В этом случае парламентская процедура приостанавливается, а Совет министров в 30-дневный срок должен представить заключение на такой законопроект и при необходимости внести в него изменения.

Равное представительство от лингвистических групп требуется в Совете министров (ст. 99 Конституции), где из 15 министров должно быть семь франкоязычных и семь нидерландоязычных (оставшееся место, не входящее в лингвистические квоты, – для главы правительства). Аналогичные правила равного представительства от лингвистических групп действуют при формировании Конституционного суда Бельгии, состоящего из 12 судей, включая двух председателей: по шесть судей от каждой из групп. При рассмотрении дела Судом в составе семи судей должно быть соответственно по три представителя от каждой группы и председатель.

Критики данного подхода, предполагающего необходимость учета этнического фактора в структурировании государственной территории и формировании органов власти, полагают, что территориальная аккомодация этнических групп способна еще больше усилить и институционально «заморозить» раскол между ними³. Многие российские исследователи, став в 1990-е гг. свидетелями усиливавшегося этнорегионального сепаратизма в «национальных» регионах России, выступали против влияния этнического фактора на территориальное устройство государства, особо критикуя модель так называемого этнического (или национального) федерализма. И. А. Конюхова, в частности, писала: «К сожалению, национальный фактор [в государственном устройстве] оказывает разрушающее воздействие на государственность

¹ Les nouvelles institution politiques de la Belgique: Fas. 2 // La nouvelle structure de l'Etat. Bruxells, 1980. P. 25.

² A l'inseigne de la Belgique nouvelle. Bruxells, 1989. P. 9.

³ The Paradox of Federalism: Does Self-Rule Accommodate of Exacerbate Ethnic Divisions? / ed. by J. Erk, L. Anderson. Abingdon, 2010. P. 2.

России, влияет на рост национализма»¹. Аналогичного мнения придерживается Н. М. Добрынин². М. В. Глигич-Золотарева характеризует этнический федерализм как «два шага назад в эпоху родоплеменных отношений»³. Очевидно, что все эти авторы ориентируются на американскую модель федерализма как на своего рода идеал и образец для подражания. В американском федерализме, как уже отмечалось, воплощен первый подход к организации государственной территории (который действительно не приемлет существования «этнических» политико-территориальных единиц). Однако в современных условиях такая модель может быть реализована далеко не всегда, а попытки «деэтнизации» региональной политики (например, посредством *этнического джерримендеринга*, направленного на «растворение» этнических меньшинств среди более многочисленных этнических общностей или их «размазывание» по территориям нескольких регионов) могут привести к углублению существующих расколов в обществе.

Например, когда в 1956 г. в Индии создавались штаты по лингвистическому признаку, штат Пенджаб оказался двуязычным: в западной его части в основном был распространен региональный язык панджаби, а в восточной – хинди. Границы были так проведены специально: большинство панджабоязычного населения исповедуют сикхизм, в случае создания монолингвистического панджабоязычного штата сикхи составили бы в нем подавляющее число жителей (в то время как в целом по стране 80 % населения – индуисты). Считалось, что такое положение может привести к политизации религии и усилить этноконфессиональный сепаратизм (в то время в этой части страны уже звучали лозунги в пользу создания сикхского государства Сикхистана – Халистана). В двуязычном же Пенджабе, включавшем также хиндиязычные районы, сикхи оказывались в меньшинстве. Как в то время считалось, это лишало их оснований рассматривать Пенджаб как «сикхский» штат и должно было снизить уровень сепаратистских настроений⁴. Однако вопреки ожиданиям конфликты между сикхским и индуистским населением только усилились, а региональный этноконфессиональный сепаратизм приобрел новый импульс. В результате спустя десять лет политическое руководство страны было вынуждено сделать уступку: из Пенджаба были выделены хиндиязычный штат Харьяна и город Чандigarh⁵. Пенджаб в итоге оказался не только монолингвистическим штатом, но и штатом с доминирующим неиндуистским населением (впрочем, с юридической точки зрения данное обстоятельство не дает ему каких-либо преимуществ в сравнении с другими субъектами федерации). Данное решение во многом было запоздавшим: конфликт к тому времени приобрел уже значительный масштаб.

Похожим образом события развивались в 1961 г. в Италии после того, как было принято решение об объединении германоязычного Южного Тироля на севере стра-

¹ Конюхова И. А. Современный российский федерализм и мировой опыт: итоги становления и перспективы развития. М., 2004. С. 282.

² Добрынин Н. М. Российский федерализм. Становление, современное состояние и перспективы. Новосибирск, 2005. С. 68.

³ Глигич-Золотарева М. В. Правовые основы федерализма. М., 2006. С. 109.

⁴ Яковлев А. Ю. Эволюция религиозного терроризма в индийском штате Пенджаб // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2014. № 26. С. 144–148.

⁵ Chadda M. Minority Rights and Conflict Prevention: Case Study of Conflicts in Indian Jammu and Kashmir, Punjab and Nagaland // URL: <http://minorityrights.org/wp-content/uploads/old-site-downloads/download-82-Minority-Rights-and-Conflict-Prevention-Case-Study-of-Conflicts-in-Indian-Jammu-and-Kashmir-Punjab-and-Nagaland.pdf> (дата обращения: 19.06.2017).

ны с соседней провинцией Тренто с преобладающим италоязычным населением. Ответом на «итальянизацию» Южного Тироля стали массовые беспорядки, в том числе события, известные как «огненная ночь».

Таким образом, далеко не всегда государство может позволить себе произвольное обращение с национальными меньшинствами и населяемыми ими территориями. Новейшая история свидетельствует в пользу того, что этнотерриториальная фрагментация государства во многих случаях диктует необходимость не «растворения» этнических групп среди других политических общностей (это может восприниматься национальными меньшинствами как угроза существованию), а, наоборот, их территориальной аккомодации. Это связано с ростом национального самосознания многих этносов, «бумом локальных идентичностей»¹, выражающимся в требованиях определения юридического статуса территорий, на которых проживают те или иные этнические группы. Данный процесс характерен не только для России, и его вряд ли следует квалифицировать исключительно как наследие национальной политики советского времени. У. Кимлика отмечает, что тенденция к так называемому мультинациональному федерализму – модели территориального устройства, при которой «национальные меньшинства объединяются в государстве на федеративных началах через какую-то форму территориальной автономии», – довольно распространена на Западе².

И. В. Лексин констатирует, что «предоставление автономии является не корнем межнациональных проблем, а ответной реакцией на них»³. Л. М. Дробижева в результате многочисленных социологических исследований, проведенных в «этнических» регионах России, приходит к выводу, что «федерализм, в том числе тот, который называют этническим, помогает избежать открытых, в том числе насильственных, конфликтов»⁴. В. А. Тишков, будучи последовательным сторонником интеграции всех российских народов в «нацию наций», в то же время признает, что «развитие разных форм автономии, в том числе этнотерриториальной, при всех ее плюсах и минусах создает возможность ощущать правовую обеспеченность групповой целостности и воспроизводства этнической культуры»⁵.

Различные формы территориальной аккомодации этнических групп, заключающиеся в предоставлении регионам их концентрированного проживания определенных прав самоуправления (или территориальной автономии в широком смысле), встречаются в современных полиэтнических государствах весьма часто. Это могут быть как региональные автономные единицы, в которых учитываются этнические, языковые или культурные особенности населения (подобные тем, что существуют в Италии, Испании, Китае, ЮАР), так и «этнические» или «этнолингвистические» субъекты федеративных государств (например, провинции Квебек и Нунавут в Канаде, регионы и сообщества в Бельгии, лингвистические и этнические штаты в Индии, кантоны в Швейцарии, республики в Российской Федерации и т. д.). Как отмечает

¹ Нансо М. Б. Актуальные проблемы реализации права на самоопределение в современных условиях // Журн. рос. права. 2016. № 10. С. 26.

² Кимлика У. Указ. соч. С. 255–256.

³ Лексин И. В. Территориальное устройство России. Конституционно-правовые проблемы. М., 2014. С. 74.

⁴ Дробижева Л. М. Изменения социального ресурса российского федерализма в середине первого десятилетия XXI века // Россия реформирующаяся. 2005. № 5. С. 253.

⁵ Тишков В. А. Полиэтническое общество и государство: понимание и управление культурным разнообразием // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / под ред. М. Б. Погорбинского, А. К. Толпыго. М., 2013. С. 172.

Т. Бенедиктер (Benedikter), наделение «этнических» территорий автономным статусом не препятствует интеграции национальных меньшинств в общество, напротив, может даже способствовать ей¹.

Исследователи в то же время отмечают, что «вопрос о целесообразности признания в том или ином виде в государстве территориальной автономии национальных меньшинств следует решать в каждом конкретном случае с учетом множества факторов»².

Дж. Коакли (Coakley) выделяет следующие факторы, которые обычно влияют на решение вопроса о предоставлении тому или иному «этническому» региону автономного статуса³:

тип этнической группы и ее культурные характеристики (собственная религия, образ жизни, отличающийся от образа жизни большинства населения, степень культурной близости с группой или группами, составляющими большинство населения страны);

демографические характеристики: относительная и абсолютная численность этнической группы; темп, с которым изменяется доля данной группы в структуре населения; степень концентрации этнической группы в определенном географическом пространстве (чем больше этническая группа, чем быстрее происходит рост ее численности и чем выше ее концентрация на определенной территории, тем сложнее государству игнорировать ее притязания);

«культурное разделение труда»: чем более высокое положение в обществе занимают представители той или иной этнической группы, тем большее влияние на государственные институты имеет данная группа в целом. Если же представители этнической группы имеют в основном невысокий социальный статус, они легче поддаются аккультурации и сближению с доминирующей группой и соответственно в меньшей степени нуждаются в аккомодации;

традиции государства в вопросах признания коллективных прав, а также степень самостоятельности государства в международных отношениях и его подверженность давлению со стороны международного сообщества в вопросах защиты прав национальных меньшинств.

Дж. Мак-Гэрри (McGarry), Б. О'Лири (O'Leary) и Р. Симеон (Simeon) полагают, что территориальные способы аккомодации в большей степени применимы к концентрированно проживающим крупным и средним по численности этническим группам. По их мнению, чем больше численность этнической группы, тем с большей вероятностью она будет требовать не просто территориальной автономии, а участия в распределении власти на принципах федерализма⁴.

Важно заметить, что если территория, на которой концентрированно проживает та или иная этническая группа, получает автономные права, то обратный процесс ее «деэтнизации» в современных условиях маловероятен (по крайней мере, если речь не идет об использовании принудительной ассимиляции, форсированной миграции и других методов, не совместимых с представлениями о демократическом управле-

¹ Benedikter T. The World's Modern Autonomy Systems. Bozen; Bolzano, 2009. P. 19–20.

² Алебастрова И. А. Большинство и меньшинство в конституционном государстве: этнический аспект // Lex Russica. 2017. № 1. С. 35.

³ Coakley J. The Resolution of Ethnic Conflict: Toward a Typology // International Political Science Review. 1992. Vol. 13. № 4. P. 352–354.

⁴ McGarry J., O'Leary B., Simeon R. Integration or Accommodation? The Enduring Debate in Conflict Regulation // Constitutional Design for Divided Societies: Integration or Accommodation? P. 85–87.

нии и правах человека). По мере развития институтов демократии и формирования общегражданской идентичности этнотерриториальная фрагментация сглаживается, но не исчезает и периодически может о себе напоминать (вспомним о «референдумах о независимости», периодически проходящих в разных частях мира: Квебеке, Шотландии, Каталонии, Южном Судане, Крыму, Иракском Курдистане и т. д.). В то же время угроза сецессии остается реальной главным образом для тех государств, которые не способны урегулировать возникающие межэтнические противоречия в рамках демократических правовых процедур. До настоящего времени ни одно из государств с развитыми демократическими институтами не испытало на себе утраты «этнических» территорий, наделенных автономным статусом.

Библиография

A l'inseigne de la Belgique nouvelle. Bruxells, 1989.

Benedikter T. The World's Modern Autonomy Systems. Bozen; Bolzano, 2009.

Chadda M. Minority Rights and Conflict Prevention: Case Study of Conflicts in Indian Jammu and Kashmir, Punjab and Nagaland // URL: <http://minorityrights.org/wp-content/uploads/old-site-downloads/download-82-Minority-Rights-and-Conflict-Prevention-Case-Study-of-Conflicts-in-Indian-Jammu-and-Kashmir-Punjab-and-Nagaland.pdf>.

Choudhry S. Bridging Comparative Politics and Comparative Constitutional Law: Constitutional Design in Divided Societies // Constitutional Design for Divided Societies: Integration or Accommodation? / ed. by S. Choudhry. N. Y., 2008.

Coakley J. The Resolution of Ethnic Conflict: Toward a Typology // International Political Science Review. 1992. Vol. 13. № 4.

Les nouvelles institution politiques de la Belgique: Fas. 2 // La nouvelle structure de l'Etat. Bruxells, 1980.

Lijphart A. Consociation and Federation: Conceptual and Empirical Links // Canadian Journal of Political Science. 1979. № 3.

Lijphart A. Consociational Democracy // World Politics. 1969. Vol. 21. № 2.

McGarry J., O'Leary B., Simeon R. Integration or Accommodation? The Enduring Debate in Conflict Regulation // Constitutional Design for Divided Societies: Integration or Accommodation? / ed. by S. Choudhry. N. Y., 2008.

Murphy A. B. Territorial Policies in Multiethnic States // Geographical Review. 1989. Vol. 79. № 4.

Pinder J. Multinational Federations. Introduction // Multinational Federations / ed. by M. Burgess, J. Pinder. Abingdon, 2007.

The Paradox of Federalism: Does Self-Rule Accommodate or Exacerbate Ethnic Divisions? / ed. by J. Erk, L. Anderson. Abingdon, 2010.

Алебастрова И. А. Большинство и меньшинство в конституционном государстве: этнический аспект // Lex Russica. 2017. № 1.

Глигич-Золотарева М. В. Правовые основы федерализма. М., 2006.

Добрынин Н. М. Российский федерализм. Становление, современное состояние и перспективы. Новосибирск, 2005.

Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ. Копенгаген, 1990 // URL: <http://www.osce.org/ru/odihr/elections/14304?download=true>.

Дробижева Л. М. Изменения социального ресурса российского федерализма в середине первого десятилетия XXI века // Россия реформирующаяся. 2005. № 5.

Кимлика У. Федерализм и сецессия: восток и запад // Ab Imperio. 2000. № 3–4.

Комментарий Рабочей группы по меньшинствам к Декларации ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным, этническим, религиозным и языковым меньшинствам от 22 марта 2005 г. E/CN.4/Sub.2/AC.5/2005/2 // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G05/133/83/PDF/G0513383.pdf>.

Конюхова И. А. Современный российский федерализм и мировой опыт: итоги становления и перспективы развития. М., 2004.

Лексин И. В. Территориальное устройство России. Конституционно-правовые проблемы. М., 2014.

Нансо М. Б. Актуальные проблемы реализации права на самоопределение в современных условиях // Журн. рос. права. 2016. № 10.

Подвинцев О. Б. Региональная идентичность в де-факто двунациональных субъектах РФ: конкурентный потенциал и попытки стимулирования // Идентичность как предмет политического анализа: сб. ст. по итогам науч.-практ. конф. / отв. ред. И. С. Семенов, Л. А. Фадеева. М., 2011.

Тишков В. А. Полиэтническое общество и государство: понимание и управление культурным разнообразием // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / под ред. М. Б. Погребинского, А. К. Толпыго. М., 2013.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2006.

Этничность. Культура. Государственность. Проблемы этнического федерализма в XXI веке / под ред. М. С. Саликова. Екатеринбург, 2014.

Яковлев А. Ю. Эволюция религиозного терроризма в индийском штате Пенджаб // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2014. № 26.

Bibliography

A l'inseigne de la Belgique nouvelle. Bruxells, 1989.

Alebastrova I. A. Bol'shinstvo i men'shinstvo v konstitucionnom gosudarstve: ehtnicheskij aspekt // Lex Russica. 2017. № 1.

Benedikter T. The World's Modern Autonomy Systems. Bozen; Bolzano, 2009.

Chadda M. Minority Rights and Conflict Prevention: Case Study of Conflicts in Indian Jammu and Kashmir, Punjab and Nagaland // URL: <http://minorityrights.org/wp-content/uploads/old-site-downloads/download-82-Minority-Rights-and-Conflict-Prevention-Case-Study-of-Conflicts-in-Indian-Jammu-and-Kashmir-Punjab-and-Nagaland.pdf>.

Choudhry S. Bridging Comparative Politics and Comparative Constitutional Law: Constitutional Design in Divided Societies // Constitutional Design for Divided Societies: Integration or Accommodation? / ed. by S. Choudhry. N. Y., 2008.

Coakley J. The Resolution of Ethnic Conflict: Toward a Typology // International Political Science Review. 1992. Vol. 13. № 4.

Dobrynin N. M. Rossijskij federalizm. Stanovlenie, sovremennoe sostoyanie i perspektivy. Novosibirsk, 2005. Dokument Kopenhagenskogo soveshhaniya Konferencii po chelovecheskomu izmereniyu SBSE. Kopenhagen, 1990 // URL: <http://www.osce.org/ru/odihr/elections/14304?download=true>.

Drobizheva L. M. Izmeneniya social'nogo resursa rossijskogo federalizma v seredine pervogo desyatiletia XXI veka // Rossiya reformiruyushhayasya. 2005. № 5.

Ehtnichnost'. Kul'tura. Gosudarstvennost'. Problemy ehtnicheskogo federalizma v XXI veke / pod red. M. S. Salikova. Ekaterinburg, 2014.

Gligich-Zolotareva M. V. Pravovye osnovy federalizma. M., 2006.

Kimlika U. Federalizm i secessiya: vostok i zapad // Ab Imperio. 2000. № 3–4.

Kommentarij Rabochej grupy po men'shinstvam k Deklaracii OON o pravax lic, prinadlezhashhix k nacional'nyim, ehtnicheskim, religioznym i yazykovym men'shinstvam ot 22 marta 2005 g. E/CN.4/Sub.2/AC.5/2005/2 // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G05/133/83/PDF/G0513383.pdf>.

Konyukhova I. A. Sovremennyy rossijskij federalizm i mirovoj opyt: itogi stanovleniya i perspektivy razvitiya. M., 2004.

Leksin I. V. Territorial'noe ustrojstvo Rossii. Konstitucionno-pravovye problemy. M., 2014.

Les nouvelles institution politiques de la Belgique: Fas. 2 // La nouvelle structure de l'Etat. Bruxells, 1980.

Lijphart A. Consociation and Federation: Conceptual and Empirical Links // Canadian Journal of Political Science. 1979. № 3.

Lijphart A. Consociational Democracy // World Politics. 1969. Vol. 21. № 2.

McGarry J., O'Leary B., Simeon R. Integration or Accommodation? The Enduring Debate in Conflict Regulation // Constitutional Design for Divided Societies: Integration or Accommodation? / ed. by S. Choudhry. N. Y., 2008.

Murphy A. B. Territorial Policies in Multiethnic States // Geographical Review. 1989. Vol. 79. № 4.

Napso M. B. Aktual'nye problemy realizacii prava na samoopredelenie v sovremennykh usloviyax // Zhurn. ros. prava. 2016. № 10.

Pinder J. Multinational Federations. Introduction // Multinational Federations / ed. by M. Burgess, J. Pinder. Abingdon, 2007.

Podvincev O. B. Regional'naya identichnost' v de-fakto dvunacional'nykh sub'ektax RF: konkurentnyj potencial i popytki stimulirovaniya // Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza: sb. st. po itogam nauch.-prakt. konf. / отв. ред. И. С. Семенов, Л. А. Фадеева. М., 2011.

The Paradox of Federalism: Does Self-Rule Accommodate or Exacerbate Ethnic Divisions? / ed. by J. Erk, L. Anderson. Abingdon, 2010.

Tishkov V. A. Poliehtnicheskoe obshchestvo i gosudarstvo: ponimanie i upravlenie kul'turnym raznoobraziem // Krizis mul'tikul'turalizma i problemy nacional'noj politiki / pod red. M. B. Pogrebinskogo, A. K. Tolpygo. M., 2013.

Xantington S. Stolknovenie civilizacij. M., 2006.

Yakovlev A. Yu. Ehvoljuciya religioznogo terrorizma v indijskom shtate Pendzhab // Sovremennye tendencii v ehkonomike i upravlenii: novyj vzglyad. 2014. № 26.

ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ МЕДИАЦИЯ В ИТАЛИИ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ**Загайнова Светлана Константиновна**

Доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса, директор Центра медиации Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: usla.mediator@gmail.com

Чудиновская Наталья Андреевна

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета, адвокат Свердловской областной коллегии адвокатов (Екатеринбург),
e-mail: chudinovskayana@yandex.ru

Шереметова Галина Сергеевна

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса, ведущий эксперт Центра медиации Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: usla.mediator@gmail.com

Описываются история медиации в Италии и существующие сегодня модели данной примирительной процедуры. Особое внимание уделено обязательной медиации: правилам и процедуре ее проведения, требованиям к медиаторам, расценкам. Данный вопрос актуален и для России в связи с обсуждением введения обязательной медиации по отдельным категориям дел.

Ключевые слова: медиация, обязательная медиация, примирение, гражданский процесс, медиатор, доступность правосудия, право на судебную защиту, Италия

**MANDATORY MEDIATION IN ITALY:
THE PROBLEMS OF IMPLEMENTATION****Zagaynova Svetlana**

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: usla.mediator@gmail.com

Chudinovskaya Natal'ya

Ural State Law University, Sverdlovsk Regional Collegium of Advocates (Yekaterinburg),
e-mail: chudinovskayana@yandex.ru

Sheremetova Galina

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: usla.mediator@gmail.com

The article describes a history of mediation in Italy and the current models of this conciliation procedure. Much attention is given to mandatory mediation in Italy: its main rules, procedure, requirements for mediators, prices. Discussion on the establishment of mandatory mediation in certain types of civil cases in Russia makes this experience topical and useful.

Key words: mediation, mandatory mediation, reconciliation, civil procedure, mediator, access to justice, right to judicial protection, Italy

Основной нормативный правовой акт, регулирующий применение медиации по гражданским делам в России, – Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процеду-

ре медиации)» (далее – Закон о медиации). Данным Законом закреплен принцип добровольности, что означает применение медиации только при добровольном волеизъявлении лиц, являющихся сторонами правового спора.

После вступления Закона о медиации в действие в России начал обсуждаться вопрос о введении обязательной медиации как досудебного порядка урегулирования споров. В частности, обдумать вопрос о введении обязательной медиации предлагалось уже в Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ в декабре 2011 г.¹ Одним из последних высказываний по этому поводу, породившим новую волну дискуссий, стало выступление в мае 2017 г. Председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева, который сообщил о разработке положений о введении обязательной медиации по семейным и трудовым спорам, делам о защите прав потребителей и истребовании долга².

Так или иначе любая дискуссия относительно введения обязательной досудебной медиации затрагивает вопросы, связанные с правом на судебную защиту и доступностью правосудия. Поэтому, безусловно, подобного рода нововведения требуют детальной предварительной проработки. Нужно отметить, что во многих зарубежных государствах уже имеется опыт введения обязательных досудебных примирительных процедур. И дабы не совершать ошибок в тех сферах, где можно вынести уроки из «чужого опыта», полагаем актуальным рассмотрение модели медиации в одной из таких стран – Италии.

Говоря в целом о европейских государствах, можно отметить, что медиация как самостоятельный способ разрешения конфликта здесь развивается со второй половины XX в. Сначала развитие шло автономно в отдельных государствах. Затем возникла необходимость выработки единообразных подходов на уровне Европейского союза. В 1998 г. были приняты Рекомендации ЕС № 98/257/ЕС, а в 2001 г. – Рекомендации № 2001/310/ЕС, где государствам-участникам рекомендовалось ввести практику разрешения споров с участием третьей стороны, которая помогла бы сторонам конфликта найти оптимальный путь его разрешения, при этом не высказывая собственных оценок и мнений относительно путей и способов разрешения конфликта.

Затем основные идеи медиации были изложены в Директиве ЕС 2008/52/ЕС «О некоторых аспектах медиации в гражданских и коммерческих делах». Прежде всего Директива была призвана обеспечить распространение медиации в рамках международных экономических споров. Однако впоследствии ее основные положения были распространены и на другие категории дел.

Важно отметить, что по общему правилу, установленному Директивой 2008/52/ЕС, медиация как способ разрешения споров должна использоваться сторонами добровольно, однако государства на внутреннем уровне могут закрепить случаи обязательной медиации по отдельным категориям дел.

В 2009 г. в рамках осуществления Директивы ЕС Правительству Италии было делегировано право применить установленный законом порядок, направленный на обеспечение посредничества в гражданских и коммерческих делах в соответствии с функциональными принципами, изложенными в Директиве. Во исполнение делегированных полномочий в 2010 г. Правительством был издан декрет № 28/2010, закрепивший обязательную медиацию в самых разнообразных категориях гражданских дел (например, по делам, связанным с недвижимым имуществом, завещатель-

¹ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/14088> (дата обращения: 23.10.2017).

² URL: <https://pravo.ru/news/view/141199> (дата обращения: 23.10.2017).

ным и наследственным делам, по спорам, вытекающим из банковских договоров, или при возмещении убытков, возникших вследствие медицинской халатности, и др.). Очевидно, что подобный подход был обусловлен желанием законодателя снизить нагрузку на итальянские суды. Однако мера оказалась малоэффективной, подобное правовое регулирование было подвергнуто резкой критике со стороны общества по причине конфликта этих положений с основными правами, закрепленными в Конституции Италии: правом на доступ к правосудию, равенство перед законом и судом. Вскоре правила об обязательном посредничестве были оспорены в Конституционном суде Италии, который в 2012 г. признал указанные правила неконституционными. При этом Конституционный суд высказался относительно процедурных нарушений в принятии декрета (поставлены под сомнение полномочия Правительства на принятие подобного рода актов), не касаясь вопроса обязательной медиации и права на доступ к суду по существу. С 20 октября 2012 г. по 20 сентября 2013 г. медиация проводилась в Италии исключительно на добровольной основе, а в соответствии с законом № 69/2013, принятым Парламентом Италии, в страну вернулось обязательное посредничество.

В результате сегодня законодательство Италии предусматривает четыре самостоятельных вида медиации¹:

1) *добровольная*: может применяться в отношении любых гражданско-правовых споров при наличии желания у обоих участников конфликта;

2) *обязательная*: в силу прямого указания закона в отношении некоторых категорий дел в Италии установлена обязательная медиация, в частности это относится к спорам, вытекающим из договоров страхования, споров в сфере банковского права;

3) *назначенная судом*: в данном случае стороны первоначально обращаются в суд для разрешения конфликта. Однако суд предписывает им пройти процедуру медиации в качестве обязательного досудебного порядка. Интересно, что при этом создается возможность для неоднократного обращения к медиатору по одному спору. В первый раз – если рассматриваемый спор входит в список требований, для которых посредничество должно быть проведено до начала судебного разбирательства. Во второй раз – если суд начал судебный процесс и обязывает стороны снова предстать перед посредником. Наконец в третий раз – при рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции, где суд, пользуясь теми же правами, что и суд первой инстанции, вновь направляет стороны на медиацию;

4) *обязательная в силу соглашения сторон*: проводится при заключении сторонами соглашения о намерении урегулировать спор в случае его возникновения в рамках медиации. Зачастую положение об этом включается в договор в качестве так называемой медиативной оговорки.

Известно, что *основная проблема обязательной медиации* в любой стране – конкуренция с нормами, гарантирующими каждому право на судебную защиту. В связи с этим закрепление медиации в качестве обязательной досудебной процедуры в большинстве случаев вызывает возражения по двум направлениям: затраты и сроки. Зачастую указанные возражения выглядят вполне обоснованными, поскольку прохождение процедуры медиации влечет необходимость дополнительных затрат для участников конфликта, а также неизбежно откладывает срок судебной защиты.

В целях разрешения этих противоречий в Италии «обязательная медиация» означает лишь необходимость первоначального обращения к медиатору. Если в рамках

¹ При написании статьи использованы материалы Летней школы, посвященной альтернативным способам урегулирования споров, Университета Павии (Италия, 18–22 сентября 2017 г.).

первой встречи стороны приходят к выводу, что дальнейшее прохождение процедуры медиации для них нецелесообразно, то на этом медиация заканчивается, а досудебный порядок считается соблюденным. Стоимость такой первой встречи в рамках медиации сегодня составляет около 40 евро.

Кроме того, *осуществление обязательной медиации возможно с соблюдением следующих правил:*

- 1) обязательно участие в процедуре медиации юристов – представителей сторон;
- 2) несмотря на наличие представителей, стороны должны также лично участвовать в процедуре медиации;
- 3) по общему правилу срок медиации составляет три месяца, но может быть продлен по соглашению сторон;
- 4) оплата процедуры медиации производится по ставкам, установленным законом. Например, для споров с ценой иска от 50 001 до 250 000 евро размер платы составляет 660 евро;
- 5) организация, проводящая медиацию, должна быть расположена в том же территориальном регионе, что и суд, компетентный рассматривать спор;
- 6) существует возможность принудительного исполнения медиативного соглашения. Следует отметить, что это касается только обязательной медиации. Если медиация была проведена по соглашению сторон, то медиативное соглашение само по себе не обладает силой принудительного исполнения. Однако стороны могут обратиться в суд для утверждения такого соглашения и обеспечения его последующего принудительного исполнения.

Процедура обязательной медиации

Существует урегулированная законом специфика начала и окончания обязательной медиации. Так, прежде чем обратиться в суд, заинтересованное лицо («потенциальный истец») должно подать заявление в организацию, оказывающую помощь в проведении медиации. Такую организацию можно выбрать по своему усмотрению, единственным условием, как уже было указано, является то, что организация должна располагаться в районе деятельности суда, компетентного рассматривать спор.

По получении такого заявления организация назначает медиатора из списка аккредитованных медиаторов и направляет второй стороне спора («потенциальному ответчику») официальное уведомление о времени и месте проведения медиации и назначенном медиаторе.

Первая встреча в рамках процедуры медиации должна состояться не позднее 30 дней со дня получения соответствующего заявления. Если на первую встречу в рамках медиации «потенциальный ответчик» не явился, то медиатор выдает «потенциальному истцу» сертификат, который свидетельствует о прохождении им медиации и неявке второй стороны. При последующем судебном разбирательстве такое досудебное поведение ответчика может повлечь негативные последствия в виде наложения санкций судом.

При явке обеих сторон на первую встречу в рамках медиации медиатор разъясняет сторонам суть, правила и преимущества процедуры. После этого сторонам и их представителям предоставляется возможность решить вопрос о продолжении медиации или выходе из нее.

При отказе от продолжения медиации одной или обеих сторон процедура является прекращенной, как следствие, стороны получают возможность разрешить спор

в судебном порядке. При этом отказ от продолжения медиации не влечет каких-либо негативных последствий при рассмотрении дела в суде.

Если стороны решили продолжить медиацию, то она проводится в полном объеме в течение не более чем трех месяцев. При этом стороны оплачивают проведение медиации по ставкам, устанавливаемым Министерством юстиции Италии. По результатам возможно заключение медиативного соглашения, которое в случае обязательной медиации может быть исполнено принудительно.

Если в рамках полной процедуры медиации стороны не могут прийти к соглашению, медиатор может предложить им свой вариант разрешения конфликта. Важно отметить, что подобное правомочие закреплено именно как право, но не как обязанность медиатора. Однако соответствующая обязанность возникает у медиатора при условии, что обе стороны обращаются к нему с таким требованием.

Если стороны отвергнут предложенный вариант, а впоследствии решение суда будет совпадать с этим ранее высказанным предложением, то суд может возложить на проигравшую сторону оплату всех судебных расходов по делу, в том числе расходов на проведение процедуры медиации.

Интересно, что в случае заключения медиативного соглашения обе стороны получают налоговый вычет в размере 500 евро.

Стоимость процедуры медиации представлена в таблице (суммы указаны в евро):

Цена иска	Стоимость первой встречи	Стоимость добровольной медиации	Стоимость обязательной медиации	«Гонорар успеха» медиатора
До 1000	40	65	40	15
1001–5000	40	130	85	35
5001–10 000	40	240	155	70
10 001–25 000	40	360	235	100
25 001–50 000	40	600	395	180
50 001–250 000	40	1000	660	300
250 001–500 000	80	2000	1000	600
500 001–2 500 000	80	3800	1900	1100
2 500 001–5 000 000	80	5200	2600	1500
Свыше 5 000 000	80	9200	4600	2800

Медиаторы

Сегодня в Италии не существует отдельно взятых частных медиаторов. Все они должны быть членами того или иного объединения, которое может быть как частным, так и публичным, что не влияет на его статус и объем полномочий. Указанные объединения подлежат обязательной регистрации в Министерстве юстиции Италии. В настоящее время в Италии действует 779 таких объединений. Интересно, что частные организации, предоставляющие помощь в проведении медиации, показывают лучшие результаты.

При этом установлены следующие условия регистрации объединения медиаторов в Минюсте Италии:

число медиаторов – не менее пяти;

страховое покрытие на сумму не менее 500 000 евро.

Требования к медиаторам:

наличие диплома бакалавра о высшем образовании. В большинстве случаев медиаторами выступают лица с высшим юридическим образованием, но это не является обязательным условием;

отсутствие судимости, дисциплинарных взысканий и иных ограничений;

обязательное прохождение специального курса обучения в объеме около 50 ч¹. Интересно, что для осуществления медиации по семейным спорам необходимо прохождение обучения в объеме 200 ч.

Кроме того, объединения медиаторов уполномочены устанавливать дополнительные, повышенные требования к своим членам.

В дальнейшем в целях подтверждения своего статуса все медиаторы обязаны проходить «повышение квалификации» в объеме не менее 18 ч один раз в два года, а также проводить не менее 20 процедур медиации на протяжении каждых двух лет.

Интересно, что члены Ассоциации адвокатов могут стать медиаторами «автоматически», путем регистрации в одном из объединений медиаторов.

В заключение хотелось бы привести некоторые статистические данные.

В 2016 г. в Италии в рамках обязательной медиации было рассмотрено около 200 000 споров, что составляет около 8 % от общего количества всех гражданских и экономических споров. При этом наибольшее количество дел, рассмотренных в рамках обязательной медиации, представляют следующие категории:

20 % – споры в сфере банковского права;

12 % – жилищно-правовые споры;

6,7 % – споры в сфере здравоохранения.

Более чем в половине случаев стороны не проходят полную процедуру медиации в связи с неявкой одной из сторон на первую сессию. Однако если стороны приняли решение о прохождении полной медиации, то в 56 % случаев им удастся заключить медиативное соглашение.

Представляется, что история развития медиации в Италии подтверждает, что законодательное закрепление обязательной медиации, безусловно, стимулирует развитие данного института. При этом практикующие юристы, медиаторы и судьи Италии пришли к единогласному мнению о том, что оптимальным является понимание обязательной медиации именно как необходимости лишь первоначального обращения к медиатору. Подобная модель сочетает преимущества как обязательной, так и добровольной медиации, что выражается в следующем:

доступная стоимость первой встречи в рамках процедуры медиации, вместе с тем стороны могут быть подвергнуты санкциям за уклонение от участия в данной процедуре;

высокое качество процедуры медиации, поскольку она может проводиться только профессиональными медиаторами – членами объединения медиаторов;

возможность отказаться от прохождения полной процедуры медиации без каких-либо санкций в рамках последующего судебного разбирательства.

Полагаем, что подобная модель обязательной медиации могла бы иметь место и в России. При этом с учетом описанного важно обратить внимание также на необходимость разработки алгоритма взаимодействия суда и медиатора, учесть сложности формирования корпуса профессиональных медиаторов в российских условиях (особенно в отдаленных или малонаселенных местностях), возможно, предусмотреть

¹ Для сравнения в России срок такого обучения составляет 120 ч.

меры не только «карательного», но и «стимулирующего» характера (налоговый вычет) и т. д. Таким образом, только взвешенный подход в данной сфере позволит избежать проблем с обеспечением права на судебную защиту для широких масс населения.

Библиография

Лебедев предложил изменить АПК и ГПК // Право.ru. 2017. 26 мая. URL: <https://pravo.ru/news/view/141199>.
Послание Президента РФ Д. Медведева Федеральному Собранию от 22 декабря 2011 г. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/14088>.

Bibliography

Lebedev predlozhl izmenit' APK i GPK // Pravo.ru. 2017. 26 maya. URL: <https://pravo.ru/news/view/141199>.
Poslanie Prezidenta RF D. Medvedeva Federal'nomu Sobraniyu ot 22 dekabrya 2011 g. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/14088>.

О ЗАКОНЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ «О БОРЬБЕ С НАРКОТИКАМИ»

Смирнов Константин Юрьевич

Магистр юриспруденции, соискатель ученой степени доктора философии Китайского университета политики и права (Пекин, Китайская Народная Республика), e-mail: kongsitanding@mail.ru

Статья посвящена анализу норм законодательства КНР в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ: Закона КНР «О борьбе с наркотиками» и Уголовного кодекса КНР. Целью работы является описание действующих в КНР правовых актов в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ и их прекурсоров, а также ответственности за нарушение норм этих актов. Работа построена на сопоставлении законов КНР и международных правовых актов, описании взаимосвязи между ними. В подавляющем большинстве случаев используются источники на китайском языке. Дана классификация существующих в КНР видов реабилитации (социальной реинтеграции, ресоциализации) лиц, употребляющих наркотики.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преступления, связанные с оборотом наркотиков, реабилитация, закон о борьбе с наркотиками, Уголовный кодекс КНР

ON THE ANTI-DRUG LAW OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Smirnov Konstantin

China University of Politics Science and Law (Beijing, China), e-mail: kongsitanding@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the legislation of the PRC in the sphere of turnover of narcotic drugs and psychotropic substances: Anti-drug law of the People's Republic of China and the Criminal Code of the PRC. The aim of this work is to describe the existing legal norms in the sphere of turnover of narcotic drugs and psychotropic substances and their precursors, as well as the responsibility for their violation. The author also carries out a comparative analysis of laws of PRC and international legal acts, describes the relationship between them. In the vast majority of cases, the Chinese-language sources are used. The article gives a classification of types of rehabilitation (social reintegration, re-socialization) of drug users that exist in the RPC.

Key words: criminal liability, crimes associated with drug turnover, rehabilitation, anti-drug law, Criminal Code of the PRC

29 декабря 2007 г. на 31-м заседании Десятого съезда Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Китайской Народной Республики был принят, а с 1 июня 2008 г. введен в действие Закон КНР «О борьбе с наркотиками». Он заменил действовавшее с 28 декабря 1990 г. «Решение Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей о борьбе с наркотиками», принятое на 17-м заседании Седьмого съезда данного комитета.

Закон включает в себя как определения наркотических средств и психотропных веществ, так и положения о борьбе с наркотиками в КНР. В отдельных главах описаны воспитательные, образовательные и агитационные мероприятия, порядок надзора за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, международное сотрудничество в борьбе с наркотиками.

Особый интерес представляет гл. 4 Закона, регламентирующая систему реабилитации и лечения от наркотической зависимости, а также гл. 6, содержащая перечень правонарушений (уголовных, административных и др.) в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Одни правонарушения были зафиксированы в качестве преступлений в сфере оборота наркотических средств в гл. 7 «Контрабанда, продажа, перевозка, изготовление наркотиков» разд. 6 «Преступления, наносящие вред порядку общественного управления» Особой части УК КНР как собственно «наркотические преступления» (毒品犯罪 или 毒品违法犯罪行为) или в иных разделах Особой части УК КНР; другие признаются административными правонарушениями и преследуются в порядке, установленном Административным кодексом КНР и Административным процессуальным кодексом КНР.

Закон КНР «О борьбе с наркотиками» был принят в целях защиты здоровья граждан, охраны общественного строя, а также наказания и превенции правонарушений в сфере оборота наркотиков. Под наркотическими средствами в Законе понимаются «опиум, героин, метамфетамин, морфин, марихуана, кокаин и другие находящиеся под государственным контролем, вызывающие наркотическую зависимость наркотические средства и психотропные препараты»¹. Конкретные перечни наркотических средств и психотропных веществ определены «Правилами регулирования оборота наркотических средств и психотропных веществ»², утвержденными 26 июля 2005 г. на 100-м заседании Постоянного бюро Государственного совета КНР и вступившими в силу с 1 ноября 2005 г. (в ред. от 7 декабря 2013 г.), в которых наркотическими средствами и психотропными веществами признаются лекарственные средства и другие вещества, входящие в Список наркотических средств и Список психотропных веществ, постоянное употребление которых может привести к наркотической зависимости.

В целях лечения, изучения, исследования разрешается законное производство, администрирование, использование, хранение, перевозка наркотических средств и психотропных веществ.

Государственные органы, общественные организации, производственные и непроизводственные предприятия и другие организации и граждане обязаны согласно закону и правилам нести ответственность, а также исполнять возложенные на них обязанности по борьбе с наркотиками. Борьба с наркотиками основывается на системном управлении, профилактике, запрете культивирования, изготовления, торговли, курения и осуществляется под руководством Правительства КНР соответствующими министерствами в пределах их компетенции и при участии широкой общественности.

Руководит работой Государственный комитет по борьбе с наркотиками, учреждаемый Государственным советом КНР. Он отвечает за организацию, координирование, руководство общегосударственной работой по борьбе с наркотиками. Каждое правительство уровня уезда и выше может учредить комитеты по борьбе с наркотиками, ответственные за организацию, координирование, руководство работой по борьбе с наркотиками. Данная работа включается в Планы экономического и общественного развития, а расходы по борьбе с наркотиками – в соответствующие бюджеты. Мера-

¹ 中华人民共和国禁毒法. 中华人民共和国主席令. 第七十九号. 2007年12月29日 // URL: http://www.gov.cn/flfg/2007-12/29/content_847311.htm.

² 《麻醉药品和精神药品管理条例》(国务院令442号) // URL: <http://www.sda.gov.cn/WS01/CL0784/23500.html>.

ми стимулирования является как поощрение общественной работы, направленной на борьбу с наркотиками, так и предоставление налоговых льгот. Государство поощряет развитие научно-технических исследований, направленных на борьбу с наркотиками, распространение передовых технологий, разработку оборудования для выявления наркотических средств и методов реабилитации и лечения лиц, имеющих наркотическую зависимость. Государство поощряет и награждает граждан, сообщающих о нарушениях законодательства о наркотических средствах, а правительство и соответствующие министерства всех уровней обязаны обеспечить охрану лицу, предоставившему такую информацию. Государство обучает, поощряет, обеспечивает условия работы и руководит работой добровольцев, участвующих в пропаганде борьбы с наркотиками и работе по реабилитации наркозависимых.

Государство в разных формах на всех уровнях проводит пропаганду борьбы с наркотиками, осуществляет профилактику и распространяет знания, повышает уровень самосознания граждан. Профессиональные союзы, комсомол, женские организации объединяют индивидуальную работу, организуют пропаганду обучения борьбе с наркотиками. Борьба с наркотиками включена в программы обучения и образования, составляемые управлениями образования и учебными заведениями, которые обязаны вести пропаганду среди учащихся. Содействие этому обязаны осуществлять органы общественной безопасности, судебные, административные органы и министерство здравоохранения. Нацелены на обучение и пропаганду борьбы с наркотиками также новостные, печатные, культурные, радиовещательные, кинематографические, телевизионные компании, а владельцы и управляющие аэропортов, железнодорожных вокзалов, автовокзалов, пристаней, гостиниц, мест развлечений и других общественных заведений несут ответственность за образование и пропаганду борьбы с наркотиками, осуществляют предупредительные меры, предохраняющие от совершения в этих учреждениях и заведениях преступлений, связанных с оборотом наркотических средств.

Государственные органы, общественные коллективы, производственные и непроизводственные предприятия и другие организации в обязательном порядке проводят усиленное обучение и пропаганду борьбы с наркотиками среди сотрудников. Комитеты жителей, сельские комитеты должны содействовать народному правительству всех уровней, органам общественной безопасности и других министерств в усилении обучения и пропаганды борьбы с наркотиками, осуществлении мер по предупреждению и борьбе с наркотиками. Родители или опекуны несовершеннолетних должны проводить разъяснительную работу о вреде наркотиков, предупреждать употребление наркотиков, а также вести иную деятельность по предупреждению преступлений, связанных с оборотом наркотических средств.

Требованиями надзора за наркотическими средствами и лекарственными растениями запрещено культивирование опийного мака, дерева коки, конопли и других определенных в законе растений, которые могут быть использованы для изготовления наркотиков. Запрещается контрабанда или незаконная продажа, перевозка, наличие при себе, владение семенами, сохраняющими всхожесть, или саженцами растений, содержащих наркотические средства. Правительства разных уровней на местах, комитеты жителей, сельские комитеты при обнаружении незаконных растений, содержащих наркотические средства, должны немедленно принять меры к пресечению их культивирования и ликвидации посевов, а также представить отчет о произведенных действиях местным органам общественной безопасности.

В порядке, определенном государством, предприятия выращивают растения, содержащие лекарственные наркотические средства. Места выращивания и хранения наркотических лекарственных средств включаются в список охраняемых зон. Вход на территорию охраняемых зон выращивания и хранения наркотических лекарственных средств без права или разрешения влечет обязанность немедленно покинуть зону по приказу сотрудников предприятия, при отказе подчиниться происходит принудительное выдворение под сопровождением.

Государство осуществляет надзор, лицензирование и контроль за наркотическими средствами, психотропными веществами и их прекурсорами в сфере проведения экспериментальных исследований, производства, администрирования, использования, хранения, перевозки; лицензирование импорта, экспорта наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Соответствующие министерства Государственного совета КНР надзирают за импортом, экспортом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

В случае кражи, грабежа, утраты или обнаружения иных обстоятельств, выявивших незаконные каналы утраты наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, происшедших на предприятии, предпринимаются необходимые меры контроля, о них немедленно сообщается органам общественной безопасности (полиции) и другим установленным законом ведомствам.

В ст. 24 Закона КНР «О борьбе с наркотиками» содержится требование: «Запрещается передавать знания о методах изготовления наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров»¹.

Правила регулирования оборота наркотических средств, психотропных веществ² и их прекурсоров³ утверждаются Государственным советом КНР. При необходимости расследования преступлений, связанных с оборотом наркотиков, министерства гражданской авиации, железных дорог, транспорта должны оказывать содействие в проведении, а органы общественной безопасности имеют право проводить досмотр лиц, вещей, товаров и транспортных средств, направленный на поиск наркотических средств и их прекурсоров, на приграничной территории, транспортных коммуникациях и путях сообщения, в портах и аэропортах, железнодорожных и автовокзалах, на пристанях.

Увеселительные заведения и места развлечений должны создать системы контроля. При обнаружении внутри такого заведения или места развлечений незаконной деятельности, связанной с оборотом наркотиков, они должны немедленно сообщить об этом органам полиции. Подлежат изъятию в соответствии с законом обнаруженные наркотические средства; предметы, используемые для употребления наркотических средств; имущество и выгода, полученные в результате совершения преступлений, связанных с оборотом наркотиков; а также инструменты, оборудование, денежные средства, использованные для совершения преступлений, связанных с оборотом наркотиков.

Особое внимание уделяется противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, в том числе незаконно полученных в результате совершения преступления имущества и денежных средств, связанных с оборотом

¹ 中华人民共和国禁毒法. 中华人民共和国主席令. 第七十九号. 2007年12月29日.

² 麻醉药品和精神药品管理条例. 国务院令 第442号.

³ 易制毒化学品管理条例. 已经2005年8月17日国务院第102次常务会议通过, 现予公布, 自2005年11月1日起施行 // URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2008-03/28/content_6314.htm.

наркотических средств и психотропных веществ. Народный банк Китая в рамках осуществления функции противодействия отмыванию денежных средств производит особый контроль за денежными средствами лиц, в отношении которых имеется подозрение о причастности к преступлениям, связанным с оборотом наркотиков.

В КНР на государственном уровне организована и постоянно развивается система мониторинга за оборотом наркотических средств, система сбора, анализа, использования и обмена информацией по борьбе с наркотиками. Осуществляются разнообразные мероприятия, помогающие лицам, употребляющим наркотические средства, избавиться от наркотической зависимости, для них проводятся воспитательные и реабилитационные мероприятия. Лицам, имеющим наркотическую зависимость, предоставляется лечение. Методы определения лиц, имеющих наркотическую зависимость, утверждаются Министерством здравоохранения Государственного совета КНР, отделом надзора и контроля за наркотическими средствами, органами общественной безопасности.

Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ¹ была принята Конференцией ООН на Шестом пленарном заседании и вступила в силу 11 ноября 1990 г. Китай подписал эту Конвенцию 20 декабря 1988 г. Конвенция была ратифицирована Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей 4 сентября 1989 г. и вступила в силу для КНР 11 ноября 1990 г.

Подпунктами «а» – «d» п. 4 ст. 3 Конвенции при совершении правонарушений, связанных с оборотом наркотиков, установлено как применение санкций, так и проведение социальной реинтеграции правонарушителя. Согласно подп. «а» п. 4 ст. 3 Конвенции совершение правонарушений «предусматривает применение таких санкций, учитывающих серьезный характер этих правонарушений, как тюремное заключение или другие виды лишения свободы, штрафные санкции и конфискация». Вместе с тем в подп. «b» – «с» п. 4 ст. 3 указано: «Стороны могут предусмотреть в дополнение к осуждению или наказанию за правонарушение применение в отношении правонарушителя таких мер, как лечение, перевоспитание, последующее наблюдение за ним, восстановление трудоспособности или социальная реинтеграция; в соответствующих случаях, когда совершаются малозначительные правонарушения, Стороны могут предусмотреть в качестве альтернативы осуждению или наказанию такие меры, как перевоспитание, восстановление трудоспособности или социальная реинтеграция, а также, если правонарушитель является наркоманом, его лечение и последующее наблюдение за ним». Кроме того, согласно подп. «d» п. 4 указанной статьи Конвенции «Стороны могут предусмотреть либо вместо осуждения или наказания, либо в дополнение к осуждению или наказанию за правонарушение... меры для лечения, воспитания, наблюдения после окончания лечения, восстановления трудоспособности и социальной реинтеграции правонарушителя».

Закон КНР «О борьбе с наркотиками» установил, что поселковые комитеты (уличные, общины (микрорайона)) выступают в качестве первоначального уровня борьбы с наркотиками, а также обозначил виды реабилитации: добровольная реабилитация (自愿戒毒); общественная реабилитация, реабилитация обществом или реабилитация под контролем общества (社区戒毒); принудительная реабилитация в наркологиче-

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: заключена в Вене 20 декабря 1988 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/illicit_drugs.pdf.

ском диспансере или принудительная изолированная реабилитация (强制隔离戒毒) и восстановительная реабилитация (社区康复戒毒), причем реабилитация обществом является основным видом реабилитации.

Осуществление реабилитации лица, имеющего наркотическую зависимость, без изоляции от общества, под руководством и наблюдением общественного комитета, объединенными усилиями и средствами семьи, общества, органов общественной безопасности и здравоохранения, народного правительства называется общественной реабилитацией или реабилитацией под контролем общества (社区戒毒), в более точном переводе звучит как «общинная» реабилитация, что подчеркивает роль общины, микрорайона, т. е. социума – достаточно узкого круга лиц, проживающих в одной местности, в процессе реабилитации лица, имеющего наркотическую зависимость, его реинтеграции в общество или ресоциализации.

Реабилитация под контролем общества¹ может быть назначена органами общественной безопасности лицам, имеющим наркотическую зависимость, о чем извещаются городской (уличный) комитет и поселковое правительство. Лицо должно соблюдать правила реабилитации под контролем общества. Срок реабилитации составляет три года.

Городские (уличные) комитеты, поселковые народные правительства несут ответственность за проведение работы по реабилитации под контролем общества, должны предоставить обязательное профессиональное обучение, руководство и помощь в овладении профессией не имеющим работы лицам, подвергнутым реабилитации, они могут создавать первичные организации, а в соответствии с семейными обстоятельствами лица, участвующего в реабилитации, с ним может быть подписано соглашение о реабилитации, на основании которого к лицу применяются целенаправленные меры общественного воздействия².

Органы общественной безопасности, судебные органы, министерство здравоохранения, народное правительство и другие ведомства должны руководить и содействовать работе по реабилитации под контролем общества.

Лицо, проходящее реабилитацию под контролем общества, обязано соблюдать законы, правила, сознательно выполнять обязанности соглашения о реабилитации под контролем общества, а также в установленное время проходить проверку органов общественной безопасности. К лицам, нарушающим соглашение о реабилитации под контролем общества, применяются воспитательные меры; информация о серьезных нарушениях соглашения или употреблении наркотических средств во время реабилитации немедленно передается органам общественной безопасности³.

Чтобы наладить работу по реабилитации обществом, необходимы объединенные усилия как лица, подписавшего соглашение о реабилитации, так и иных людей и организаций, составляющих попечительскую группу (группу по контролю): членов семьи, руководителей общины (микрорайона), органов полиции (общественной безопасности) и министерства здравоохранения, народного правительства, создаваемую на срок до трех лет. В случае проблем с устройством на работу или бытовых проблем управления народного правительства по вопросам труда проводят профессиональное обучение, предоставляют социальные гарантии или оказывают помощь другими способами. В целях контроля соблюдения лицом, участвующим в реабилитации, со-

¹ 王娜主编. 戒毒学. 北京市, 2014. 第60页.

² 郑伟著. 毒品罪三疏两义. 北京市, 2011. 第22页.

³ 姚建龙. 禁毒法与戒毒制度改革研究. 北京, 2015. 第59页.

глашения о реабилитации, органы полиции, например, имеют право в любое время потребовать сдать медицинские анализы на наличие наркотических средств или психотропных веществ. В случае нарушения лицом, участвующим в реабилитации, соглашения о реабилитации, оно аннулируется, органами общественной безопасности применяется другой вид реабилитации – принудительное лечение в наркологическом диспансере.

Лица, употребляющие наркотические средства, могут пройти добровольную реабилитацию¹, а именно самостоятельно получить реабилитационное лечение в обла- дающих возможностью оказывать такие услуги медицинских организациях (учреж- дениях).

Медицинское учреждение или специальное медицинское учреждение, оказыва- ющие услуги по реабилитации, должны соблюдать условия, установленные Мини- стерством здравоохранения Государственного совета КНР, получать согласование министерства здравоохранения народного правительства провинции, автономного округа, города центрального подчинения, а также сообщать органам общественной безопасности того же уровня информацию для приобщения к делу. Реабилитацион- ное лечение должно соответствовать разработанным Министерством здравоохране- ния Государственного совета КНР стандартам, а также подлежит контролю и надзору Министерства здравоохранения Правительства КНР. Проведение реабилитирующего лечения не может иметь целью получение прибыли. Методы лечения, лекарства и оборудование не могут рекламироваться. Стоимость лечения должна соответство- вать нормативным ценам, установленным компетентными ведомствами и мини- стерством здравоохранения правительства провинции, автономного района, города центрального подчинения.

При обнаружении факта употребления наркотических средств лицом, проходя- щим реабилитацию, лечебное учреждение обязано немедленно сообщить об этом органам общественной безопасности.

Лицу, имеющему наркотическую зависимость, на основании решения органов общественной безопасности уровня уезда и выше может быть установлена принуди- тельная реабилитация в наркологическом диспансере²:

- при отказе проходить реабилитацию под контролем общества;
- при употреблении наркотических средств в период реабилитации;
- при серьезном нарушении соглашения о реабилитации под контролем общества;
- при повторном употреблении наркотических средств после прохождения процеду- ры реабилитации под контролем общества;
- при стойкой наркотической зависимости и отсутствии результатов применения реабилитации под контролем общества.

С согласия органов общественной безопасности лицо может добровольно принять участие в принудительной реабилитации в наркологическом диспансере.

К кормящим грудью своего ребенка, не достигшего возраста одного года, а так- же беременным женщинам, имеющим наркотическую зависимость, меры прину- дительной реабилитации в наркологическом диспансере не применяются, могут не применяться к несовершеннолетним, не достигшим 16 лет. К лицам этих категорий применяется реабилитация обществом, поэтому сотрудники городских (уличных) комитетов по реабилитации, районных народных правительств усиливают помощь

¹ 王娜主编. 戒毒学. 北京市, 2014. 第41页.

² 王娜主编. 戒毒学. 北京市, 2014. 第115页.

в воспитании и надзоре, а также меры по реабилитации под контролем общества в отношении таких лиц.

Органы общественной безопасности, принявшие решение о применении к лицу, имеющему наркотическую зависимость, принудительной реабилитации в наркологическом диспансере, должны направить соответствующий документ лицу, подвергнутому принудительной реабилитации, а также в течение 24 ч известить родственников этого лица, его предприятие и пункт общественной безопасности по месту жительства; если подвергнутое принудительной реабилитации лицо не сообщает реальные имя и фамилию, место жительства, у него отсутствует удостоверение личности, то извещение органами общественной безопасности производится по результатам собственного расследования.

Наркологический диспансер, проводящий принудительную реабилитацию, должен осуществлять целевое физиологическое, психологическое лечение, восстановление здоровья и воспитание в соответствии с видом употребляемых лицом наркотических средств и степенью формирования наркотической зависимости, а также может организовать привлечение лица, подвергнутого принудительной реабилитации, к труду на производстве, для чего лицо проходит соответствующее профессиональное обучение.

Срок принудительной реабилитации ограничен двумя годами. После года принудительной реабилитации и на основании поставленного диагноза наркологический диспансер может представить предварительное заключение об отмене принудительной реабилитации на одобрение органа, принявшего решение о принудительной реабилитации. Если по прошествии срока принудительной реабилитации лицо, проходящее процедуру реабилитации, нуждается в продолжении реабилитации, наркологический диспансер перед окончанием срока реабилитации ставит диагноз и представляет заключение о продлении на согласование органу, вынесшему решение о принудительной реабилитации.

Максимальный срок продления принудительной реабилитации составляет один год. Орган, принявший решение о принудительной реабилитации, может после отмены принудительной реабилитации назначить лицу восстановительную реабилитацию сроком до трех лет. Восстановительная реабилитация осуществляется по правилам реабилитации под контролем общества¹.

В случае необходимости народное правительство уровня уезда и выше может учредить наркологические диспансеры для реабилитации обществом; им оказывается необходимая поддержка и режим благоприятствования, а также предоставляется необходимая помощь. Лицо, проходящее реабилитацию обществом, может добровольно участвовать в труде и общественной жизни в таких наркологических диспансерах. Наркологические диспансеры реабилитации обществом, организующие лицам, проходящим реабилитацию обществом, участие в производственной деятельности, должны выплачивать трудовое вознаграждение в соответствии с применяемой системой оплаты труда.

Органы общественной безопасности, административные судебные органы обязаны предоставлять необходимое лечение от наркотической зависимости задержанным, арестованным, отбывающим наказание, принудительное воспитание и обучение лицам, употребляющим наркотики.

¹ 王娜主编. 戒毒学. 北京市, 2014. 第75页.

Законом КНР «О борьбе с наркотиками» установлен следующий перечень деяний, совершение которых влечет наступление административной, а в ряде случаев и уголовной ответственности:

- контрабанда, торговля, перевозка, изготовление наркотических средств;
- незаконное владение наркотическими средствами;
- незаконное выращивание растений, содержащих наркотические вещества;
- незаконная торговля, перевозка, наличие у себя, владение семенами, сохраняющими всхожесть, и саженцами растений, содержащих наркотические средства;
- незаконное распространение знаний о методах изготовления наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров;
- склонение других людей к употреблению наркотических средств с помощью принуждения, побуждения, подстрекательства, обмана;
- сбыт наркотических средств;
- укрывательство, перемещение, сокрытие наркотиков или имущества, полученного преступным путем, а также покрывательство лиц, совершивших контрабанду, продажу, перевозку, изготовление наркотиков;
- разглашение сведений о деятельности органов общественной безопасности по расследованию преступлений, связанных с оборотом наркотиков, лицам, занимающимся преступной деятельностью;
- воспрепятствование законным проверкам наркотических средств;
- сокрытие, перемещение, сбыт или причинение вреда находящемуся под арестом, опечатанному, блокированному судебными или административными органами при расследовании ими преступной деятельности, связанной с оборотом наркотиков, имуществу или ценностям;
- предоставление места для употребления наркотиков или для продажи наркотиков;
- нарушение правил проведения исследований, производства, администрирования, использования, хранения, перевозки, импорта и экспорта наркотических средств, психотропных веществ, а также культивирования растений, содержащих наркотические средства, повлекшие незаконную утрату наркотических средств, психотропных веществ или растений, содержащих наркотические средства;
- нарушение установленных государством правил производства, администрирования, торговли, перевозки, импорта, экспорта, повлекшее незаконную утрату прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ;
- несообщение сотрудниками увеселительных и развлекательных заведений органам общественной безопасности о массовом употреблении или торговле наркотическими средствами в таких заведениях; создание условий лицам, присутствующим в увеселительных и развлекательных заведениях для совершения преступлений, связанных с оборотом наркотиков, а также совершение сотрудниками увеселительных и развлекательных заведений иных преступлений, связанных с оборотом наркотиков;
- незаконное осуществление без необходимого разрешения, самовольная деятельность по лечению от наркотической зависимости (приостанавливается по решению министерства здравоохранения народного правительства с дополнительной конфискацией незаконно полученного имущества и используемых наркотических средств, медицинского оборудования; а при наличии признаков совершения преступления расследуется в порядке, установленном уголовным законодательством);

нарушение порядка использования наркотических средств и психотропных веществ наркологическим диспансером, медицинским учреждением, медицинским работником.

Закон КНР «О борьбе с наркотиками» устанавливает, что при наличии признаков совершения преступления привлечению к уголовной ответственности, а при отсутствии таких признаков – ответственности по законодательству подлежат сотрудники органов общественной безопасности, судебных и исполнительных органов, других компетентных министерств, допустившие в процессе борьбы с наркотиками следующие правонарушения:

сокрытие, попустительство лицам, совершившим преступления, связанные с оборотом наркотиков;

применение телесных наказаний, жестокого обращения, оскорбления к лицам, проходящим реабилитацию;

присвоение, незаконное удержание или отчисление средств, направленных на борьбу с наркотиками;

самовольное распоряжение наркотиками или арестованным, опечатанным, блокированным имуществом или денежными средствами, имеющими отношение к незаконной преступной деятельности, связанной с оборотом наркотиков.

Согласно ст. 62 Закона КНР «О борьбе с наркотиками» употребление наркотических средств является административным правонарушением и влечет административное наказание.

Освобождается от наказания употребляющее наркотические средства лицо, добровольно зарегистрировавшееся в органах общественной безопасности или проходящее реабилитацию.

Несообщение наркологическим диспансером органам общественной безопасности о фактах употребления наркотических средств лицами, проходящими реабилитацию, влечет применение в порядке надзора мер министерством здравоохранения, при наличии отягчающих обстоятельств – приостановление деятельности наркологического диспансера.

Дискриминация предприятиями или сотрудниками предприятий, производящих обучение, наем на работу, предоставляющих общественные гарантии, лиц, проходящих реабилитацию, влечет применение ряда мер министерством образования, министерством труда; при причинении заинтересованным лицам ущерба им компенсируется ущерб в соответствии с законодательством.

Часть перечисленных правонарушений признаются преступлениями по уголовному законодательству КНР и нашли отражение в Уголовном кодексе. Преступления, связанные с наркотиками, описаны в гл. 7 «Контрабанда, продажа, перевозка, изготовление наркотиков» разд. 6 «Преступления, наносящие вред порядку общественного управления» Особой части УК КНР (11 статей: ст. 347–357 УК КНР)¹.

Уголовным преступлением считается в КНР контрабанда, продажа, перевозка, изготовление наркотиков, независимо от их количества (ст. 347 УК КНР). Уголовное наказание назначается²:

за контрабанду, продажу, перевозку, производство опиума, героина или метамfetаминa либо иных наркотиков³;

¹ 中华人民共和国刑法 (1997) // URL: http://www.npc.gov.cn/huiyi/lfzt/xfxza8/2008-08/21/content_1588538.htm.

² 陈国庆, 刘跃进主编. 毒品犯罪案件立案追诉标准适用指南. 北京市, 2012. 第15页.

³ 曾彦著. 运输毒品罪研究. 北京市, 2011. 第217页.

руководство преступной группой, занимающейся контрабандой, продажей, перевозкой, изготовлением наркотиков;

вооруженное прикрытие контрабанды, продажи, перевозки, изготовления наркотиков;

в случаях с отягчающими обстоятельствами за применение насилия при сопротивлении досмотру, задержанию, аресту¹;

за участие в международной организованной торговле наркотиками.

В КНР уголовную ответственность несут и юридические лица, поэтому при совершении указанных деяний организацией по соответствующим частям статьи уголовную ответственность несут как непосредственно ответственные руководители организации или другие лица, так и сама организация.

Квалифицированными составами преступления выступают:

использование, подстрекательство несовершеннолетних к контрабанде, продаже, перевозке, изготовлению наркотиков или сбыт наркотиков несовершеннолетним;

неоднократная контрабанда, продажа, перевозка, изготовление наркотиков, которые не были расследованы ранее, при этом учитывается общее количество наркотиков по всем известным деяниям.

Уголовный кодекс КНР считает преступлением незаконное владение опиумом, героином или метамфетамином либо другими наркотиками в значительном или крупном размере (ст. 348 УК КНР). Существуют некоторые сложности с использованием термина «владение»². Дело в том, что в оригинале п. 1 ст. 3 и его подп. «а» (iii) Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ звучит так: «*Article 3 OFFENCES AND SANCTIONS. 1. Each Party shall adopt such measures as may be necessary to establish as criminal offences under its domestic law, when committed intentionally: (a)... (iii) The possession or purchase of any narcotic drug or psychotropic substance for the purpose of any of the activities enumerated in (i) above*»³. Слово «possession» с английского языка переводится как «владение, обладание, имущество, собственность», но не «хранение», потому что произошло от глагола «possess» – «владеть, иметь, обладать». Текст Конвенции на китайском языке также содержит слово «占有»⁴, означающее «владеть, обладать»; в тексте Конвенции на французском употреблено «détention»⁵ (владение, обладание, хранение); на испанском – «posesión»⁶ (владение, обладание). В разделе же «Конвенции» сайта ООН в документе, доступном для скачивания на русском языке (как и в других базах данных РФ), подчеркнута аутентичность текстов на арабском, китайском, английском, французском, русском и испанском языках («Authentic texts: Arabic, Chinese, English, French, Russian and Spanish»⁷), однако сам п. 1 ст. 3 звучит так: «Статья 3. Правонарушения и санкции. 1. Каждая Сторона принимает такие меры, которые могут потребоваться, с тем чтобы

¹ 法律, 中的“情节严重”指什么? // URL: <https://zhidao.baidu.com/question/584307001048377445.html>.

² 许成磊. 刑法撷言. 刑法中“非法占有”之诸问题探讨. 北京市, 2008. 第158–169页.

³ United Nations Convention Against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances // URL: http://www.unodc.org/documents/middleeastandnorthafrica/conventions-drug-control/1988_Convention.pdf.

⁴ 联合国禁止非法贩运麻醉药品和精神药物公约 // URL: https://www.unodc.org/pdf/convention_1988_ch.pdf.

⁵ Convention des Nations Unies contre le trafic illicite de stupéfiants et de substances psychotropes // URL: http://www.unodc.org/pdf/convention_1988_fr.pdf.

⁶ Convención de las Naciones Unidas contra el Tráfico Ilícito de Estupefacientes y Sustancias Sicotrópica // URL: http://www.unodc.org/pdf/convention_1988_es.pdf.

⁷ United Nations Convention Against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances // URL: http://www.unodc.org/documents/middleeastandnorthafrica/conventions-drug-control/1988_Convention.pdf.

признать уголовными преступлениями согласно своему законодательству следующие действия, когда они совершаются преднамеренно: а)... iii) хранение или покупку любого наркотического средства или психотропного вещества для целей любого из видов деятельности, перечисленных в подпункте „i“, выше», т. е. употреблено слово «хранение».

Россия является участником Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и обязана признать уголовными преступлениями и включить в Уголовный кодекс названные положения. Поэтому и не возникает разночтений между Конвенцией ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и УК РФ с учетом перевода слова «possession» как «хранение», которое и употреблено в ст. 228 УК РФ («Незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества»). При переводе статей УК КНР на русский язык для обеспечения сопоставимости статей УК РФ и УК КНР ст. 348 УК КНР часто переводят как «незаконное хранение наркотических средств»¹, хотя правильно «владение».

Согласно ст. 349 УК КНР признается преступлением укрывательство, перемещение, сокрытие (утаивание) наркотиков или имущества, полученного преступным путем, а также покрывательство (выгораживание) лиц, совершивших контрабанду, продажу, перевозку, изготовление наркотиков. Сотрудники государственных органов, в том числе по борьбе с наркотиками, покрывающие лиц, совершивших контрабанду, продажу, перевозку, изготовление наркотиков, несут более строгое наказание. Совершение данного преступления по предварительному сговору с лицами, совершившими контрабанду, продажу, перевозку, изготовление наркотиков, наказывается как соучастие соответственно в контрабанде, продаже, перевозке, изготовлении наркотиков.

Незаконное производство, торговля, перевозка уксусного ангидрида, диэтилового эфира, хлороформа либо другого сырья или смесей, используемых для производства наркотиков, а также наличие этих веществ при себе при пересечении государственной границы является преступлением на основании ст. 350 УК КНР. Производство, торговля, перевозка этих веществ для третьих лиц, заведомо производящих наркотики, наказывается как соучастие. При совершении указанных деяний организацией уголовную ответственность несет как организация, так и ее непосредственно ответственные руководители, а также другие лица.

Незаконное выращивание опийного мака, конопли и других растений, содержащих наркотические средства, подлежащих обязательному уничтожению в соответствии с законом, признается преступлением в силу ст. 351 УК КНР. Наказанию также подлежит выращивание указанных растений лицом, ранее уже привлекавшимся за это к ответственности. Добровольная ликвидация растений, содержащих наркотики до сбора урожая, может быть основанием освобождения от наказания.

Ответственность за незаконную торговлю, перевозку, наличие при себе, владение сохраняющими всхожесть семенами или саженцами растений, содержащих наркотические средства, предусмотрена ст. 352 УК КНР.

¹ Ахметшин Х. М., Ахметшин Н. Х., Петухов А. А. Современное уголовное законодательство КНР. М., 2000. С. 182–190, 375–381.

Склонение, подстрекательство, вовлечение обманным путем, принуждение лиц к употреблению наркотиков отражено в ст. 353 УК КНР. Те же действия, осуществленные в отношении несовершеннолетнего, влекут более строгое наказание.

Предоставление места для употребления наркотиков – преступление согласно ст. 354 УК КНР.

В отдельную статью выделен незаконный сбыт должностными лицами, законно осуществляющими производство, перевозку, управление, использование находящихся под государственным надзором наркотических средств и психотропных веществ, вызывающих наркотическую зависимость:

лицам, употребляющим наркотики;

в целях извлечения выгоды, а равно лицам, совершающим контрабанду наркотических средств или торговлю ими.

При совершении указанных деяний организацией уголовную ответственность несет как организация, так и ее непосредственно ответственные руководители, а также другие лица (ст. 355 УК КНР).

Статья 356 УК КНР¹ определяет наказание за неоднократно совершенные преступления, связанные с оборотом наркотических средств: «Лицам, осужденным ранее за контрабанду, продажу, перевозку, изготовление, незаконное владение наркотическими средствами, вновь совершившим преступление, предусмотренное настоящей главой, назначается более строгое наказание»².

Определение наркотических средств дано в ст. 357 УК КНР: под ними понимаются опиум, героин, метамфетамин, морфий, конопля, кокаин и другие находящиеся под государственным надзором, вызывающие наркотическую зависимость наркотические средства и психотропные препараты. Количество наркотиков определяется как фактически подтвержденное количество наркотических средств при исследовании обстоятельств контрабанды, продажи, перевозки, изготовления, незаконного владения без пересчета на чистое вещество³.

Борьба с наркотиками в КНР – общественная обязанность каждого гражданина, она поддерживается на самом высоком уровне. Председатель КНР Си Цзинпин в программной речи от 26 июня 2015 г. указал: «Все общество должно принимать участие в поддержании работы по борьбе с наркотиками, вносить новый, еще больший вклад в достижение общественного благополучия, построение правового государства»⁴. Закон КНР «О борьбе с наркотиками» является сложным, многогранным правовым актом. Закон дает определение наркотическим средствам, психотропным веществам и их прекурсорам, обозначает методы их легального использования и содержит перечень и описание правонарушений, связанных с оборотом наркотиков, как административных правонарушений, так и уголовных преступлений. Значительный интерес для изучения представляет система реабилитации и лечения от наркотической зависимости и роль общества в ресоциализации лиц, употребляющих наркотики, а также порядок применения мер реабилитации и круг участвующих в ней лиц.

Библиография

Convención de las Naciones Unidas contra el Tráfico Ilícito de Estupefacientes y Sustancias Sicotrópica // URL: http://www.unodc.org/pdf/convention_1988_es.pdf.

¹ 盛美军主编. 毒品犯罪办案精要. 北京市, 2014. 第24页.

² 中华人民共和国刑法 (1997) // URL: http://www.npc.gov.cn/huiyi/lfzt/xfxa8/2008-08/21/content_1588538.htm.

³ 高巍著. 贩卖毒品罪研究. 北京, 2007. 第107页.

⁴ 习近平: 禁毒战争不获全胜决不收兵 // URL: http://news.xinhuanet.com/mrdx/2015-06/26/c_134356632.htm.

Convention des Nations Unies contre le trafic illicite de stupéfiants et de substances psychotropes // URL: http://www.unodc.org/pdf/convention_1988_fr.pdf.

United Nations Convention Against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances // URL: http://www.unodc.org/documents/middleeastandnorthafrica/conventions-drug-control/1988_Convention.pdf.

Ахметшин Х. М., Ахметшин Н. Х., Петухов А. А. Современное уголовное законодательство КНР. М., 2000.

Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: заключена в Вене 20 декабря 1988 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/illicit_drugs.pdf.

《麻醉药品和精神药品管理条例》（国务院令第442号） // URL: <http://www.sda.gov.cn/WS01/CL0784/23500.html>.

中华人民共和国刑法 (1997) // URL: http://www.npc.gov.cn/huiyi/lfzt/xfxza8/2008-08/21/content_1588538.htm.

中华人民共和国禁毒法. 中华人民共和国主席令. 第七十九号. 2007年12月29日 // URL: http://www.gov.cn/flfg/2007-12/29/content_847311.htm.

习近平: 禁毒战争不获全胜决不收兵 // URL: http://news.xinhuanet.com/mrdx/2015-06/26/c_134356632.htm.

姚建龙. 禁毒法与戒毒制度改革研究. 北京, 2015.

易制毒化学品管理条例. 已经2005年8月17日国务院第102次常务会议通过, 现予公布, 自2005年11月1日起施行 // URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2008-03/28/content_6314.htm.

曾彦著. 运输毒品罪研究. 北京市, 2011.

法律, 中的“情节严重”指什么? // URL: <https://zhidao.baidu.com/question/584307001048377445.html>.

王娜主编. 戒毒学. 北京市, 2014.

盛美军主编. 毒品犯罪办案精要. 北京市, 2014.

联合国禁止非法贩运麻醉药品和精神药物公约 // URL: https://www.unodc.org/pdf/convention_1988_ch.pdf.

许成磊. 刑法摭言. 刑法中“非法占有”之诸问题探讨. 北京市, 2008.

郑伟著. 毒品罪三疏两义. 北京市, 2011.

陈国庆, 刘跃进主编. 毒品犯罪案件立案追诉标准适用指南. 北京市, 2012.

高巍著. 贩卖毒品罪研究. 北京, 2007.

麻醉药品和精神药品管理条例. 国务院令第442号.

Bibliography

Axmetshin X. M., Axmetshin N. X., Petuxov A. A. Sovremennoe ugovolnoe zakonodatel'stvo KNR. M., 2000.

Convención de las Naciones Unidas contra el Tráfico Ilícito de Estupefacientes y Sustancias Sicotrópicas // URL: http://www.unodc.org/pdf/convention_1988_es.pdf.

Convention des Nations Unies contre le trafic illicite de stupéfiants et de substances psychotropes // URL: http://www.unodc.org/pdf/convention_1988_fr.pdf.

Konvencija Organizacij Ob"edinennyx Nacij o bor'be protiv nezakonnogo oborota narkoticheskix sredstv i psixotropnyx veshhestv: zaklyuchena v Vene 20 dekabrya 1988 g. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/illicit_drugs.pdf.

United Nations Convention Against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances // URL: http://www.unodc.org/documents/middleeastandnorthafrica/conventions-drug-control/1988_Convention.pdf.

《麻醉药品和精神药品管理条例》（国务院令第442号） // URL: <http://www.sda.gov.cn/WS01/CL0784/23500.html>.

中华人民共和国刑法 (1997) // URL: http://www.npc.gov.cn/huiyi/lfzt/xfxza8/2008-08/21/content_1588538.htm.

中华人民共和国禁毒法. 中华人民共和国主席令. 第七十九号. 2007年12月29日 // URL: http://www.gov.cn/flfg/2007-12/29/content_847311.htm.

习近平: 禁毒战争不获全胜决不收兵 // URL: http://news.xinhuanet.com/mrdx/2015-06/26/c_134356632.htm.

姚建龙. 禁毒法与戒毒制度改革研究. 北京, 2015.

易制毒化学品管理条例. 已经2005年8月17日国务院第102次常务会议通过, 现予公布, 自2005年11月1日起施行 // URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2008-03/28/content_6314.htm.

曾彦著. 运输毒品罪研究. 北京市, 2011.

法律, 中的“情节严重”指什么? // URL: <https://zhidao.baidu.com/question/584307001048377445.html>.

- 王娜主编. 戒毒学. 北京市, 2014.
盛美军主编. 毒品犯罪办案精要. 北京市, 2014.
联合国禁止非法贩运麻醉药品和精神药物公约 // URL: https://www.unodc.org/pdf/convention_1988_ch.pdf.
许成磊. 刑法摭言. 刑法中“非法占有”之诸问题探讨. 北京市, 2008.
郑伟著. 毒品罪三疏两义. 北京市, 2011.
陈国庆, 刘跃进主编. 毒品犯罪案件立案追诉标准适用指南. 北京市, 2012.
高巍著. 贩卖毒品罪研究. 北京, 2007.
麻醉药品和精神药品管理条例. 国务院令442号.

**ПРАВОВАЯ ПОМОЩЬ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ:
НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ****Лазутин Лев Александрович**

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), e-mail: mp@usla.ru

Рассматриваются отдельные дискуссионные аспекты реализации международных договоров, регламентирующих правовую помощь по уголовным делам, в контексте их совместного применения с внутригосударственными правовыми актами.

Ключевые слова: правовая помощь, Конституция РФ, федеральные законы, принцип взаимности

**LEGAL ASSISTANCE IN CRIMINAL CASES:
SOME CONTROVERSIAL ISSUES****Lazutin Lev**

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: mp@usla.ru

The article is devoted to the different aspects of the implementation of international treaties regulating legal assistance in criminal cases in the context of their joint application with domestic legal acts.

Key words: legal assistance, Constitution of the Russian Federation, federal laws, principle of reciprocity

Правовая помощь по уголовным делам как действенный институт международного сотрудничества требует смешанной регламентации: учета норм национального законодательства и норм международного права. Ниже мы остановимся на отдельных общих и специальных вопросах реализации этого правового института в Российской Федерации.

В соответствии с ч. 3 ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса РФ «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства РФ, регулирующего уголовное судопроизводство». Данная формулировка подчеркивает специфику регулирования уголовно-правовой сферы, отдающего приоритет нормам национального права, при этом признавая за нормами международного права, закрепленными в международных договорах, бланкетный характер, предусматривающий их трансформацию в национальное уголовное законодательство. Остается дискуссионным вопрос о правиле приоритета, закрепленном в этой же статье: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные УПК РФ, то применяются правила международного договора».

Некоторые исследователи полагают, что приоритет перед российским уголовно-процессуальным законом имеют далеко не все международные договоры и не во всех случаях¹. Ссылаясь на положения ч. 1 ст. 15 Федерального закона «О междуна-

¹ Калугин А. Г., Шенкевич Д. В. Теоретические и практические проблемы оказания международной правовой помощи по уголовным делам: учеб. пособие. Красноярск, 2007. С. 7.

родных договорах Российской Федерации», они утверждают, что преимущество при коллизиях в случаях, если международным договором установлены иные правила, чем предусмотренные УПК РФ, может отдаваться лишь ратифицированным международным договорам.

Следует согласиться, что межправительственные договоры и договоры межведомственного характера федеральных органов исполнительной власти не имеют приоритета перед нормами УПК. В ч. 2 п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов о норм международного права и международных договоров РФ» отмечается, что «правила действующего международного договора, согласие на обязательность которого было принято не в форме федерального закона, имеют приоритет в применении в отношении подзаконных нормативных актов, изданных органом государственной власти, заключившим данный договор».

Вопросы правовой помощи регламентируются как национальным законодательством, так и многочисленными нормами международного права. Имеются в виду не только нормы основных договоров о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (или только уголовным делам), но и нормы иных актов, прежде всего межправительственных договоров о сотрудничестве государств в борьбе с преступностью и договоров межведомственного характера, затрагивающих указанные вопросы и занимающих заметное место в правовой системе Российской Федерации¹. Применительно к регламентации правовой помощи по уголовным делам они конкретизируют и дополняют основные межгосударственные договоры, включая сферу исполнения запросов, производства процессуальных действий. И, конечно же, правоприменители, будь то сотрудники прокуратуры или Следственного комитета, должны руководствоваться нормами УПК РФ при производстве запросов о правовой помощи, а также учитывать положения межправительственных договоров и договоров межведомственного характера.

Заслуживает внимания еще одна группа норм, которая лишь опосредованно относится к институту взаимной правовой помощи, тем не менее ее нельзя не учитывать при осуществлении отдельных процессуальных действий в части оказания правовой помощи по уголовным делам. Речь идет об универсальных и региональных конвенциях о борьбе с международными преступлениями и преступлениями международного характера. Такие конвенции, например Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г., Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г., Конвенция ООН против коррупции 2003 г., содержат нормы, подробно регламентирующие общие аспекты международного сотрудничества и конкретизирующие в рамках противодействия наиболее опасным преступлениям выдачу лиц для привлечения к ответственности или для исполнения приговора.

С учетом динамики развития института правовой помощи по уголовным делам в традиционных договорах, а также в универсальных и региональных конвенциях о борьбе с преступностью представляется актуальной разработка универсальной конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по уголовным делам. Этот документ видится комплексным, охватывающим все элементы правовой помощи,

¹ Подробнее см.: Лазутин Л. А. Правовая помощь по уголовным делам как межотраслевой нормативный комплекс: моногр. Екатеринбург, 2008.

включая выдачу, передачу осужденных лиц, осуществление уголовного преследования.

Вопрос о путях кодификации взаимной правовой помощи на национальном уровне остается дискуссионным. С одной стороны, объединение относящихся к данной сфере норм в едином документе позволило бы выделить их самостоятельную общую часть (понятия, принципы) и рассмотреть отдельные виды правовой помощи под этим углом зрения. С другой – исследования подтверждают органическую связь норм о международно-правовой помощи с теми отраслями права, в которые они входят. Эта связь в ряде случаев настолько тесна, что целесообразнее совершенствовать нормы о правовой помощи в рамках соответствующих отраслей права. Сказанное, на наш взгляд, не умаляет значения комплексной научной разработки этого вопроса, позволяющей выработать общий сбалансированный подход к законодательному регулированию всех видов международной правовой помощи.

Из двух возможных путей развития внутригосударственной кодификации норм о правовой помощи по уголовным делам: принятие специального закона о правовой помощи или внесение дополнений в действующие УПК и УК РФ – нам представляется предпочтительным второй.

Успех кодификации норм о международной правовой помощи в рамках соответствующих отраслей законодательства во многом зависит от того, насколько согласованно она будет проводиться. Специальные научные исследования призваны обеспечить поиски оптимальных путей и методов такой кодификации.

Библиография

Калугин А. Г., Шенкевич Д. В. Теоретические и практические проблемы оказания международной правовой помощи по уголовным делам: учеб. пособие. Красноярск, 2007.

Лазутин Л. А. Правовая помощь по уголовным делам как межотраслевой нормативный комплекс: моногр. Екатеринбург, 2008.

Bibliography

Kalugin A. G., Shenkevich D. V. Teoreticheskie i prakticheskie problemy okazaniya mezhdunarodnoj pravovoj pomoshhi po ugovnym delam: ucheb. posobie. Krasnoyarsk, 2007.

Lazutin L. A. Pravovaya pomoshh' po ugovnym delam kak mezhotraslevoj normativnyj kompleks: monogr. Ekaterinburg, 2008.

**ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ ЖИЗНИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ,
СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ****Шарапов Роман Дмитриевич**

Доктор юридических наук, профессор Тюменского государственного университета, Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России (Тюмень), e-mail: srd7@mail.ru

Дидрих Мария Петровна

Адъюнкт Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России (Тюмень), e-mail: srd7@mail.ru

Дается уголовно-правовая характеристика принятых в июне 2017 г. изменений в Уголовный кодекс РФ в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению. На основе материалов следственной и судебной практики анализируются вопросы квалификации доведения до самоубийства, склонения к самоубийству и содействия самоубийству несовершеннолетних с использованием сети Интернет. Предлагается внесение изменений в уголовное законодательство для отнесения подобных преступлений к категории тяжких и особо тяжких.

Ключевые слова: доведение до самоубийства, склонение к самоубийству, несовершеннолетние, самоубийство

**THE ISSUES OF QUALIFICATION OF CRIMES AGAINST MINORS' LIFE
COMMITTED WITH THE USE OF THE INTERNET****Sharapov Roman**

Tyumen State University, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (Tyumen), e-mail: srd7@mail.ru

Didrikh Mariya

Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (Tyumen), e-mail: srd7@mail.ru

The article gives a criminal-legal analysis of the amendments to the Criminal Code of the Russian Federation adopted in June 2017. These changes resulted in the establishment of additional mechanisms of addressing actions aimed at encouraging children to commit suicide. Using the materials of investigative and judicial practice the authors explore the issues of qualification of bringing or inducing children to suicide as well as assisting their suicide with the use of the Internet. It is proposed to amend the criminal legislation and to consider such crimes grave and especially grievous.

Key words: bringing to suicide, inducement to suicide, minors, suicide

По данным Следственного комитета РФ, за последние три года совершили суицид 2205 несовершеннолетних, а в 2016 г. покончили жизнь самоубийством 720 детей¹. В Тюмени в 2016 г. произошло три самоубийства несовершеннолетних, а за апрель 2017 г. зафиксировано 12 попыток самоубийства несовершеннолетних. Представите-

¹ Офиц. сайт Следственного комитета Российской Федерации: URL: <http://sledcom.ru>.

ли правоохранительных органов и детских правозащитных организаций отмечают, что одной из причин резкого увеличения случаев суицидального поведения несовершеннолетних наряду с психическими отклонениями и неблагоприятными социальными факторами являются злонамеренные действия третьих лиц.

Так, особую остроту в последнее время приобрела проблема доведения несовершеннолетних до самоубийства путем вовлечения их в так называемые группы смерти. Только в течение января – февраля 2017 г. по некоторым данным жертвами «игр смерти» в России стали 20 подростков. С этими «играми» были связаны и три суицида, происшедших в декабре 2016 г. в Тюмени. При помощи социальных сетей и мессенджеров, используемых в сети Интернет, организаторы опасных для жизни игр «Синий кит», «Разбуди меня в 4:20», «Тихий дом», «Беги или умри», «Фея огня» предлагали детям «увлекательные квесты» и другие «приключения» (скажем, неожиданно перебежать проезжую часть перед приближающимся автомобилем, игры с бытовым газом, проезд снаружи транспортных средств – «зацепинг», проникновение на крыши высоких зданий, сооружений – «руфинг» и т. п.), которые фактически содержали в себе открытый или завуалированный призыв к риску для жизни, в том числе к самоубийству. Особое распространение получила игровая акция «Синий кит», содержащая 50 «игровых» заданий, через которые организаторы подавляли волю подростков и внушали им мысль о необходимости совершения самоубийства. Задания представляли опасность для жизни и здоровья: на руке лезвием вырезать «f57», проснуться в 4:20 и смотреть «страшные видео» или залезть на крышу дома, порезать вдоль вен руку (неглубоко), порезать губу, проткнуть руку иголкой, сделать себе больно и т. п.¹ Согласно заданиям несовершеннолетний обязан был выходить в сеть не реже одного раза в 48 ч, чем достигался эффект систематического психологического воздействия на участника закрытых групп в социальных сетях. На заключительном этапе несовершеннолетние должны были выходить в скайп и получать дополнительные задания, требующие от них умственных перегрузок (именно ночью). Таким образом, несовершеннолетний сознательно ставился в стрессовую для него ситуацию. На завершающем этапе лица, склонявшие детей к самоубийству, устанавливали с ними прямой контакт, получали информацию о потенциальных детях-самоубийцах, становились осведомлены об их несовершеннолетнем возрасте, об их готовности или неготовности совершить требуемые действия. Если ребенок был не готов или боялся уйти из жизни, ему помогали преодолеть страх, давали определенные советы и указания.

Фактические обстоятельства организации смертельных интернет-игр для несовершеннолетних свидетельствуют о безусловно преднамеренном общественно опасном поведении организаторов данных акций, но вместе с тем демонстрировали имеющиеся пробелы в уголовном законодательстве России, ибо существующие уголовно-правовые нормы (прежде всего ст. 105 и 110 УК РФ) не предусматривают ответственность за некоторые новые формы вовлечения несовершеннолетних в поведение, опасное для их жизни. В июне 2017 г. законодатель восполнил недостающие пробелы, включив в уголовный закон новые составы преступлений: склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110¹ УК РФ); организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110² УК РФ); вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, пред-

¹ Сайт «Википедия»: URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>.

ставляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. 151² УК РФ). Также была дифференцирована ответственность за доведение до самоубийства¹.

В пояснительной записке к соответствующему законопроекту (а теперь уже закону) отмечается, что «новые виды склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства не прогнозировались ранее наукой, не были своевременно оценены криминологами и по факту приняли широкий масштаб, оказавшись вне уголовно-правовой оценки, а значит, и вне мероприятий правоохранительных органов по выявлению организаторов такой деструктивной деятельности, своевременному пресечению их действий, а также защите потерпевших». Между тем прогноз применения суггестивных методик в криминальных целях с широким использованием информационно-телекоммуникационных сетей с описанием возможных форм общественно опасного поведения в науке делался, в том числе исходя из безраздельного господства средств массовой информации и развития телекоммуникационных средств, в особенности беспроводных средств связи индивидуального пользования (мобильная связь, мобильный Интернет и др.), позволяющих в кратчайшие сроки доносить большие объемы информации, в том числе с элементами негативной суггестии, до конкретных получателей². В условиях изменения действующего уголовного законодательства правовая оценка вовлечения несовершеннолетних в поведение, опасное для их жизни, не может быть однозначной.

С учетом содержания диспозиции ст. 110 УК РФ все указанные способы склонения несовершеннолетних к самоубийству посредством социальных сетей до последнего времени не могли быть квалифицированы как доведение до самоубийства, предполагающее строго определенные, исчерпывающим образом перечисленные в уголовном законе способы совершения этого преступления: угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего. Сказанное, конечно, не относится к тем случаям, когда через социальные сети, например, высказываются угрозы убийством, причинением какого-либо иного вреда, унижается человеческое достоинство подростка, что приводит его к самоубийству.

Так, в мае 2017 г. в УМВД России по г. Тюмени поступило заявление от П. по факту доведения до суицида ее несовершеннолетней дочери И., 2000 г. р., неизвестным мужчиной. Несовершеннолетняя пыталась покончить жизнь самоубийством путем отравления таблетками, что привело к ее госпитализации в реанимационное отделение областной больницы. Было установлено, что еще в 2015 г. девочке в социальной сети «ВКонтакте» неизвестный мужчина стал писать сообщения, через некоторое время попросил фотографии интимного характера, на что несовершеннолетняя согласилась. Также согласилась пообщаться с ним посредством «скайпа», в ходе общения демонстрировала ему обнаженные части своего тела. После чего, осознав неправильность данных действий, несовершеннолетняя заблокировала страницу неизвестного и удалила свой аккаунт. Однако в мае 2017 г. неизвестный написал ей сообщение «ВКонтакте» о том, чтобы она вышла с ним на связь и продолжила интимное общение, иначе он разошлет по социальным сетям ее фотографии интимного характера и видеозапись, сделанные ею в 2015 г. Это и стало причиной попытки самоубийства

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: Федеральный закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ // СЗ РФ. 2017. № 24. Ст. 3489.

² Шаронов Р. Д. Криминальная гипносуггестия: криминологические и уголовно-правовые аспекты // Государство и право. 2004. № 11. С. 44–47.

несовершеннолетней. Следственными органами было возбуждено уголовное дело по ст. 110 УК РФ¹.

Приговором Тюменского районного суда Тюменской области от 21 декабря 2010 г. за доведение до самоубийства своего малолетнего сына по совокупности преступлений был осужден С. Согласно приговору виновный, осознавая, что в силу своего малолетнего возраста его сын находится в зависимом от него положении, не желая надлежащим образом исполнять возложенные на него родительские обязанности, будучи в нетрезвом состоянии, умышленно, систематически, не реже одного раза в неделю, применял физические наказания в отношении своего малолетнего сына, в частности за то, что последний часто ел, плакал, отказывался выполнять непосильную для него из-за возраста и физического развития домашнюю работу. Преступник, понимая, что эксплуатирует своего малолетнего сына, требовал, чтобы тот ежедневно приносил домой из колонки от ста до двухсот литров воды, осознавая, что указанные нагрузки не соответствуют возрасту и физическому развитию мальчика; без наличия каких-либо причин избивал его руками, ремнем, скакалкой, причиняя тем самым сыну нравственные страдания, физическую боль и телесные повреждения различной степени тяжести. В результате жестокого обращения и систематического унижения человеческого достоинства со стороны отца, а также угроз физической расправой, высказанных в день смерти ребенка, 19 июня 2010 г. в период времени с 12:00 до 13:55 малолетний, находясь на сеновале, покончил жизнь самоубийством путем самоповешения. С. был признан судом виновным по ст. 156, 110 УК РФ². Как следует из описания судом субъективной стороны преступления, последнее было совершено обвиняемым с косвенным умыслом.

Аналогичный приговор был постановлен Большесосновским районным судом Пермского края 13 июля 2011 г. Согласно приговору Т. на протяжении года умышленно жестоко обращался и систематически унижал человеческое достоинство своего 12-летнего сына Д. Как установлено судом, 26 января 2011 г. Т., находясь дома, будучи в состоянии алкогольного опьянения, в очередной раз в присутствии членов своей семьи начал громко выражаться в адрес Д. грубой нецензурной бранью, оскорблять, унижать его. Кроме того, Т., используя малозначительный повод, умышленно нанес потерпевшему Д. удар рукой в область головы, причинив при этом сильную физическую боль и психические страдания. В результате противоправных действий Т. создана длительная психотравмирующая ситуация, в представлении малолетнего потерпевшего Д. близкая к состоянию безысходности, поэтому 26 января 2011 г. около 16:00 малолетний Д., не имея более возможности претерпевать жестокое обращение и систематическое унижение своего человеческого достоинства со стороны Т., был вынужден принять решение и осуществил попытку покончить жизнь самоубийством путем повешения, но свои действия до конца не довел, так как веревка под массой его тела порвалась³. В совокупности собранных по делу доказательств суд посчитал установленной вину Т. в совершении доведения лица до покушения на самоубийство путем жестокого обращения, систематического унижения человеческо-

¹ Аналитическая справка по материалу проверки КУСП № 10460 от 23 мая 2017 г. // Архив ОДН ОП-7 УМВД России по г. Тюмени.

² Приговор от 21 декабря 2010 г. Тюменского районного суда Тюменской области в отношении Седакова А. П. по ст. 110, 156 УК РФ // Офиц. сайт «Росправосудие»: URL: <https://rospravosudie.com>.

³ Приговор Большесосновского районного суда Пермского края в отношении Тарасова Б. С. от 13 июля 2011 г. по ст. 110 УК РФ // Офиц. сайт «Росправосудие».

го достоинства малолетнего потерпевшего Д., действия Т. были квалифицированы по ст. 110 УК РФ, а также по ст. 156 УК РФ.

Напротив, не было усмотрено состава преступления по ст. 110 УК РФ в действиях родителей, чей ребенок предпринял попытку суицида, будучи «заученным» ими до состояния истерии. Мальчик все годы обучения в школе учился только на «отлично», являлся многократным призером и победителем олимпиад по всем (!) предметам школьной программы, постоянным участником городских и региональных конкурсов. Родители считали, что создают таким образом ребенку «светлое будущее». Мальчик испытывал трудности в общении со сверстниками, был одинок. Однако, посетив психолога, психиатра и поставив его на учет в психоневрологическом диспансере, родители продолжили «интеллектуальный марафон» с участием своего ребенка. Но в какой-то момент психика несовершеннолетнего не выдержала и произошел срыв. 9 июня 2017 г. в 00:00 в дежурную часть Отдела полиции № 7 УМВД России по г. Тюмени поступило сообщение ГБУЗ ТО «ОКБ № 2» об оказании медицинской помощи несовершеннолетнему Н., предварительный диагноз – «резаные раны левого предплечья, попытка суицида». В ходе работы по данному факту сотрудниками полиции было установлено, что несовершеннолетний Н., воспитывавшийся в полной, социально благополучной, обеспеченной семье, отличник, многократный призер и победитель олимпиад по различным предметам, в связи с отличной учебой получил возможность бесплатно поехать в лагерь «Ребятчья республика» как одаренный ребенок, но на профильную смену, предусматривающую проведение конкурсов и олимпиад, в том числе по предметам школьной программы. Узнав о решении родителей отправить его в лагерь, мальчик стал кидать вещи, продукты питания, собранные родителями в лагерь, после чего убежал в ванную, у него началась истерика. Закрывшись в ванной комнате, он взял одноразовый станок, разломал его, вытащил лезвие, затем вышел из ванной и демонстративно, в присутствии родителей, стал наносить себе порезы лезвием в районе предплечья левой руки. Таким способом подросток хотел привлечь внимание родителей к своему состоянию. Тем не менее по данному факту было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по ст. 110 УК РФ в отношении родителей, так как их действия не были расценены как жестокое обращение, не было унижения человеческого достоинства потерпевшего и угроз; они искренне считали, что действуют в интересах ребенка¹.

В теории и практике уголовного права остается дискуссионным вопрос о форме вины, с которой может быть совершено доведение до самоубийства. Это является одним из обстоятельств, вводящих правоприменителя в заблуждение при квалификации виновных действий как доведения до самоубийства. В ст. 110 УК РФ она прямо не закреплена. Это приводит к многочисленным спорам, а высказываемые специалистами мнения являются практически взаимоисключающими.

Одни авторы считают, что доведение до самоубийства может быть только умышленным, при этом умысел – по преимуществу косвенный².

Другие утверждают, что поскольку в диспозиции ст. 110 указание на форму вины отсутствует, то в соответствии с ч. 2 ст. 24 УК РФ вина в рассматриваемом составе преступления может быть как умышленной, так и неосторожной. Умысел при этом

¹ Аналитическая справка по материалу доследственной проверки КУСП № 11722 от 9 июня 2017 г. // Архив ОДН ОП-7 УМВД России по г. Тюмени.

² Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. А. И. Рапога. М., 2014. С. 176.

может быть как прямым, так и косвенным, неосторожность выражаться как легкомыслием, так и небрежностью¹.

Ю. А. Уколова убеждена, что доведение до самоубийства возможно только «по неосторожности в виде небрежности... В случае если лицо умышленно приводит другое лицо в такое психическое состояние или ставит его в условия, когда последний единственным избавлением от мучений видит лишение себя жизни и идет на такие действия, такое деяние следует квалифицировать как убийство»².

На наш взгляд, исходя из смысла ч. 2 ст. 24 УК РФ, с субъективной стороны преступление, предусмотренное ст. 110 УК РФ, может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности.

Известно, что несовершеннолетние, особенно в возрасте от 10 до 14 лет, сверхвозбудимы и очень эмоциональны. Подвергшись такому психологическому насилию, они уходят из жизни, до конца не понимая суть происходящего. Манипуляции над сознанием ребенка с целью его ухода из жизни, приведшие к самоубийству потерпевшего, должны рассматриваться как способ убийства человека. О. А. Градовская приходит к выводу, что «уголовные дела о самоубийствах детей, погибших в результате психологического воздействия на их сознание, должны быть переквалифицированы по статье 105 УК РФ». Она указывает: «Заставляя людей в результате сложной манипуляции над их сознанием „накладывать на себя руки“, преступник тем самым не доводит жертвы до самоубийства, а является организатором убийства потерпевших их же руками»³.

Возникает вопрос: а можно ли манипулирование сознанием ребенка, приведшее к его самоубийству, рассматривать не как доведение до самоубийства, а именно как убийство (или покушение на него) в форме посредственного причинения вреда? На наш взгляд, можно, но не всегда. Посредственное причинение вреда, предусмотренное ч. 2 ст. 33 УК РФ, возможно лишь при условии, что сознание и воля потерпевшего в такой степени ограничены или ущемлены, что он не отдает отчета своим действиям или не может ими руководить. Так, если взрослый человек скажет трехлетнему ребенку засунуть гвоздь в розетку и от удара током ребенок погибнет, то нет никаких сомнений, что это не самоубийство трехлетнего ребенка, а его убийство взрослым лицом. Малолетний просто не понимает смысла и последствий (как фактических, так и социальных) совершаемых им действий.

Например, как покушение на убийство по ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ были квалифицированы действия С., которая дала выпить своему малолетнему ребенку сильнодействующее лекарство. Как установлено приговором суда, С. действовала с целью причинить близким родственникам нравственные страдания. С., оставшись вдвоем с малолетней С., с целью реализации своего преступного умысла, направленного на убийство дочери, взяла на кухне пузырек с медицинским препаратом «Азалептин» в форме таблеток в количестве 50 штук, которые размельчила и разбавила жидкостью в объеме около 200 мл. После чего, осознавая, что в силу своего малолетнего возраста дочка не осознает преступные намерения и характер ее действий, заведомо зная о том, что вследствие ненормированного употребления и передози-

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М., 2015. С. 213.

² Уколова Ю. А. Форма вины при доведении до самоубийства // Рос. следователь. 2007. № 12. С. 18.

³ Градовская О. А. Большинство подростковых самоубийств в России за полгода связаны с закрытыми группами «ВКонтакте» // URL: <http://www.pravmir.ru>.

ровки медицинского препарата «Азалептин» наступит смерть С. и желая этого, дала последней выпить приготовленную и налитую в рюмку смесь жидкости с медицинским препаратом «Азалептин» в количестве, превышающем в несколько раз максимальную суточную дозу для взрослых людей. Далее С. выпила сама остатки указанной смеси, после чего потеряла сознание. В результате умышленных преступных действий у малолетней возникло пероральное отравление «Азалептином», вызвавшее угрожающее жизни состояние, которое расценено как тяжкий вред здоровью, опасный для жизни. Однако преступление не было доведено до конца по не зависящим от преступницы обстоятельствам, так как пришедшая А. обнаружила девочку и ее мать в бессознательном состоянии, вызвала медицинских работников, была оказана своевременная медицинская помощь, вследствие чего обе остались живы¹. Суд верно квалифицировал содеянное как покушение на убийство малолетнего лица.

В юридической литературе имеет место дифференцированный подход, обусловленный возрастом несовершеннолетнего и (или) состоянием здоровья потерпевшего и напрямую определяющий их способность осознавать свои действия и ими руководить, в науке уголовного права этот подход считается общепризнанным².

Например, Г. Н. Борзенков полагает, что доведение до самоубийства или склонение к самоубийству малолетнего ребенка или психически больного, не отдающих отчета в своих действиях, следует рассматривать как убийство путем опосредованного причинения смерти и квалифицировать по ч. 1 или 2 ст. 105 УК РФ³. Сходную позицию высказывает А. И. Коробеев⁴, а также многие другие авторы. С точки зрения Г. Н. Борзенкова, возможно также физическое принуждение лица к самоубийству, когда потерпевший лишается возможности проявить свою волю. Такие действия также представляют собой, по его мнению, убийство.

Если речь идет о самоубийстве несовершеннолетних лиц, достигших 14 лет, способных понимать смысл совершаемых действий и ими руководить, нет никаких оснований считать содеянное лицами, склоняющими подростка к суициду, убийством. В то же время необходимо устанавливать, действительно ли несовершеннолетний, достигший 14 лет, мог осознавать свои действия и их последствия и руководить ими. Такая способность у подростка могла отсутствовать в результате сильного психологического воздействия со стороны других лиц, склонивших потерпевшего к самоубийству. Поэтому в ходе расследования уголовных дел о детском суициде необходимо проведение судебно-психологических экспертиз. Объектом исследования является, как правило, живой человек, в случае его смерти судебно-психологическая экспертиза проводится по материалам уголовного дела: допросы свидетелей, письма, дневники, рисунки, записки, информация с персональных компьютеров, посредством которых осуществлялся выход в Интернет⁵.

¹ Приговор Верховного суда Республики Башкортостан от 26 августа 2011 г. в отношении Саидовой С. Б. по ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ // Официальный сайт «Росправосудие».

² Крылова Н. Е. «Группы смерти» и подростковый суицид: уголовно-правовые аспекты // Уголовное право. 2016. № 4. С. 37.

³ Борзенков Г. Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика: учеб.-практ. пособие. М., 2008. С. 165.

⁴ Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. Т. II: Преступления против личности. СПб., 2008. С. 279.

⁵ Пантюхина Г. А. К проблеме расследования уголовных дел, связанных с суицидальными действиями несовершеннолетних с использованием социальных сетей // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. № 2/2. С. 190.

Так, проведенными посмертными психолого-психиатрическими экспертизами по оставшимся записям и рисункам было установлено, что в последние дни и недели своей жизни дети были предрасположены к суициду. Эта предрасположенность, как было отмечено руководителем отдела суицидологии филиала Московского НИИ психиатрии Е. Б. Любовым в ходе состоявшегося в Следственном комитете РФ 16 июня 2016 г. «круглого стола», представляет собой психическое расстройство, хотя необходимо устанавливать его соотношение с состоянием невменяемости. Если, по заключению экспертов, потерпевший, достигший 14 лет, в силу имеющегося у него психического расстройства, возникшего в результате склонения его к самоубийству или доведения до самоубийства, не мог понимать смысл совершаемых им действий и ими руководить, то также необходимо вести речь о совершении убийства и квалифицировать такое склонение или доведение по ст. 105 УК РФ («Убийство»). Если же речь идет о лицах, не достигших 14 лет, то в этих случаях склонение потерпевшего к самоубийству необходимо квалифицировать как убийство малолетнего по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. По этому же пункту как убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, необходимо квалифицировать случаи склонения к самоубийству психически больных лиц, не отдающих отчета своим действиям либо не способных ими руководить. Это связано с тем, что в силу ч. 2 ст. 33 УК РФ исполнителем признается не только то лицо, которое своими непосредственными действиями или актами бездействия совершило преступление, но и лицо, совершившее преступное деяние посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных Уголовным кодексом.

В заключение следует отметить, что вызывает опасение мягкость максимального наказания по недавно введенной ст. 151² УК РФ (лишение свободы на срок до трех лет), значит, это преступление небольшой тяжести. Кроме того, непонятна значительная разница в сроках наказания за преступления, на наш взгляд, имеющие примерно одинаковую общественную опасность. Так, по п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ за доведение до самоубийства несовершеннолетнего предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до пятнадцати лет (особо тяжкое преступление), а по п. «а» ч. 3 ст. 110¹ УК РФ за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства несовершеннолетнего – только до четырех лет лишения свободы (преступление средней тяжести).

Уголовная ответственность за склонение к самоубийству существует во многих зарубежных странах: Австрии, Швейцарии, Голландии, Италии, Испании, Канаде, Польше, Норвегии и т. д.¹ Только зарубежный законодатель подходит к данному вопросу гораздо более строго. Так, согласно ст. 223-13 УК Франции подстрекательство к самоубийству другого лица наказывается тремя годами тюремного заключения или штрафом в размере 45 тыс. евро, если такое подстрекательство повлекло самоубийство подстрекаемого лица или покушение на него. Если подобные действия совершены в отношении несовершеннолетнего в возрасте до 15 лет, то наказание увеличивается вплоть до пяти лет тюремного заключения и 75 тыс. евро штрафа.

К сожалению, российский законодатель не демонстрирует единого подхода к уголовно-правовой оценке преступного насилия в отношении несовершеннолетних, относя насильственные преступления против несовершеннолетних к различным

¹ Сравнительное уголовное право. Особенная часть: моногр. / под ред. С. П. Щербы. М., 2010. С. 257.

категориям преступлений (например, составы по ст. 133, 134 УК РФ признаются преступлениями средней тяжести, ст. 156 УК РФ – небольшой тяжести, ст. 131 – тяжким, ст. 240¹ – небольшой тяжести, ст. 151² УК РФ – небольшой тяжести, ст. 110¹ УК РФ – средней тяжести, ст. 110² УК РФ – тяжким).

На наш взгляд, целесообразно обсудить вопрос о единой категоризации всех преступлений против несовершеннолетних как тяжких и особо тяжких ввиду того, что лицо, не достигшее 18 лет, независимо от вида насилия (психическое, физическое) уже может рассматриваться как находящееся в беспомощном состоянии в силу своего возраста, поэтому любое преступление в отношении него должно считаться насильственным, а в зависимости от обстоятельств и вида насилия – особо тяжким. Значит, и все перечисленные преступления – ст. 110, 110¹, 110² (в случае совершения в отношении несовершеннолетних) и ст. 151² УК РФ – должны быть отнесены российским законодателем к категории тяжких преступлений, а сроки наказания существенно увеличены соответственно степени общественной опасности преступлений.

Библиография

Аналитическая справка по материалу доследственной проверки КУСП № 11722 от 9 июня 2017 г. // Архив ОДН ОП-7 УМВД России по г. Тюмени.

Аналитическая справка по материалу проверки КУСП № 10460 от 23 мая 2017 г. // Архив ОДН ОП-7 УМВД России по г. Тюмени.

Борзенков Г. Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика: учеб.-практ. пособие. М., 2008.

Градовская О. А. Большинство подростковых самоубийств в России за полгода связаны с закрытыми группами «ВКонтакте» // URL: <http://www.pravmir.ru>.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М., 2015.

Крылова Н. Е. «Группы смерти» и подростковый суицид: уголовно-правовые аспекты // Уголовное право. 2016. № 4.

О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: Федеральный закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ // СЗ РФ. 2017. № 24. Ст. 3489.

Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации: URL: <http://sledcom.ru>.

Пантюхина Г. А. К проблеме расследования уголовных дел, связанных с суицидальными действиями несовершеннолетних с использованием социальных сетей // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. № 2/2.

Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. Т. II: Преступления против личности. СПб., 2008.

Приговор Большесосновского районного суда Пермского края в отношении Тарасова Б. С. от 13 июля 2011 г. по ст. 110 УК РФ // Официальный сайт «Росправосудие»: URL: <https://rospravosudie.com>.

Приговор Верховного суда Республики Башкортостан от 26 августа 2011 г. в отношении Саидовой С. Б. по ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ // Официальный сайт «Росправосудие»: URL: <https://rospravosudie.com>.

Приговор от 21 декабря 2010 г. Тюменского районного суда Тюменской области в отношении Седакова А. П. по ст. 110, 156 УК РФ // Официальный сайт «Росправосудие»: URL: <https://rospravosudie.com>.

Сайт «Википедия»: URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>.

Сравнительное уголовное право. Особенная часть: моногр. / под ред. С. П. Щербы. М., 2010.

Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. А. И. Рапога. М., 2014.

Уколова Ю. А. Форма вины при доведении до самоубийства // Рос. следователь. 2007. № 12.

Шарапов Р. Д. Криминальная гипносуггестия: криминологические и уголовно-правовые аспекты // Государство и право. 2004. № 11.

Bibliography

Analiticheskaya spravka po materialu dosledstvennoj proverki KUSP № 11722 ot 9 iyunya 2017 g. // Arxiv ODN OP-7 UMVD Rossii po g. Tyumeni.

Analiticheskaya spravka po materialu proverki KUSP № 10460 ot 23 maya 2017 g. // Arxiv ODN OP-7 UMVD Rossii po g. Tyumeni.

Borzenkov G. N. Prestupleniya protiv zhizni i zdorov'ya: zakon i pravoprimenitel'naya praktika: ucheb.-prakt. posobie. M., 2008.

Gradovskaya O. A. Bol'shinstvo podrostkovyx samoubijstv v Rossii za polgoda svyazany s zakrytymi gruppami «VKontakte» // URL: <http://www.pravmir.ru>.

Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) / pod red. Yu. I. Skuratova, V. M. Lebedeva. M., 2015.

Krylova N. E. «Gruppy smerti» i podrostkovyj suigid: ugovolno-pravovye aspekty // Ugolovnoe pravo. 2016. № 4.

O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i stat'yu 151 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v chasti ustanovleniya dopolnitel'nyx mexanizmov protivodejstviya deyatel'nosti, napravlennoj na pobuzhdenie detej k suicidal'nomu povedeniyu: Federal'nyj zakon ot 7 iyunya 2017 g. № 120-FZ // SZ RF. 2017. № 24. St. 3489.

Ofic. sajт Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii: URL: <http://sledcom.ru>.

Pantyuxina G. A. K probleme rassledovaniya ugovolnyx del, svyazannyx s suicidal'nymi dejstviyami nesovershennoletnix s ispol'zovaniem social'nyx setej // Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. 2017. № 2/2.

Polnyj kurs ugovolnogo prava: v 5 t. / pod red. A. I. Korobeeva. T. II: Prestupleniya protiv lichnosti. SPb., 2008.

Prigovor Bol'shesosnovskogo rajonnogo suda Permskogo kraja v otnoshenii Tarasova B. S. ot 13 iyulya 2011 g. po st. 110 UK RF // Ofic. sajт «Rospravosudie»: URL: <https://rospravosudie.com>.

Prigovor ot 21 dekabrya 2010 g. Tyumenskogo rajonnogo suda Tyumenskoj oblasti v otnoshenii Sedakova A. P. po st. 110, 156 UK RF // Ofic. sajт «Rospravosudie»: URL: <https://rospravosudie.com>.

Prigovor Verxovnogo suda Respubliki Bashkortostan ot 26 avgusta 2011 g. v otnoshenii Saidovoj S. B. po ch. 3 st. 30, p. «v» ch. 2 st. 105 UK RF // Ofic. sajт «Rospravosudie»: URL: <https://rospravosudie.com>.

Sajт «Vikipediya»: URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>.

Sharapov R. D. Kriminal'naya gipnosuggestiya: kriminologicheskie i ugovolno-pravovye aspekty // Gosudarstvo i pravo. 2004. № 11.

Sravnitel'noe ugovolnoe pravo. Osobennaya chast': monogr. / pod red. S. P. Shherby. M., 2010.

Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacii. Osobennaya chast' / pod red. A. I. Raroga. M., 2014.

Ukolova Yu. A. Forma viny pri dovedenii do samoubijstva // Ros. sledovatel'. 2007. № 12.

СТРАДАНИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ПРОЯВЛЕНИЯ ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТИ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Меньшикова Анна Геннадьевна

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), e-mail: menshikova_anna@mail.ru

По итогам анализа доктрины уголовного права, постановлений Пленума Верховного Суда РФ, материалов судебной практики, связанных с рассмотрением уголовных дел по обвинению в совершении убийства с особой жестокостью и покушения на убийство с особой жестокостью, автор устанавливает, что результатом проявления особой жестокости являются страдания и (или) мучения. Обосновывается положение о рассмотрении в качестве результата особо жестокого поведения при совершении преступления только страданий. Автор предлагает закрепить соответствующее положение на уровне разъяснений высшей судебной инстанции – в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, посвященном толкованию особой жестокости.

Ключевые слова: особая жестокость, страдания, мучения, результат проявления особой жестокости

SUFFERING AS A RESULT OF THE MANIFESTATION OF SPECIAL CRUELTY IN THE COMMISSION OF A CRIME

Menshikova Anna

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: menshikova_anna@mail.ru

Based on the analysis of the doctrine of criminal law, decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, materials of judicial practice related to the consideration of criminal cases on charges of murder with special cruelty and attempted murder with special cruelty, the author establishes that the result of special cruelty is suffering and (or) torment. She proves that only suffering should be considered as a result of especially cruel behaviour in the commission of a crime. The author proposes to fix this provision at the level of clarifications by the highest judicial instance – in the decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the interpretation of special cruelty.

Key words: special cruelty, suffering, torment, result of the manifestation of special cruelty

Традиционно наукой уголовного права и правоприменительной практикой «особая жестокость» относится к оценочным понятиям, поскольку не определяется законодателем. В уголовном законе данный признак используется в качестве квалифицирующего в таких составах преступления, как убийство, умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, изнасилование и насильственные действия сексуального характера, а также для характеристики отягчающего наказания обстоятельства, но он не конкретизируется, не раскрываются его основные характеристики.

В связи с этим в теории уголовного права предлагаются различные позиции относительно определения понятия «особая жестокость», анализ которых показывает, что многие исследователи при его описании называют страдания результатом проявления особой жестокости при совершении преступления. Так, А. Н. Попов понимает под особой жестокостью «причинение потерпевшему особых физических и (или)

нравственных страданий»¹, О. В. Артюшина – сильные физические или психические страдания², Т. А. Плаксина указывает на исключительно тяжкие страдания³, Н. П. Попова выделяет исключительные физические и психические страдания⁴, Ж. В. Тришина – прижизненные страдания⁵. Данные авторы, говоря о различной степени проявления страданий, рассматривают именно их в качестве признака, характеризующего определенный результат проявления особой жестокости при совершении преступления. Аналогичная позиция отражена в решениях высшей судебной инстанции по данному вопросу. Так, Верховный Суд РФ в постановлениях от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»⁶ и от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»⁷, не раскрывая содержательные признаки особой жестокости, указывает исключительно на страдания как одну из основных ее характеристик.

Помимо страданий в юридической литературе называют и иной результат особой жестокости. Так, Л. А. Андреева и П. Ю. Константинов отмечают, что особая жестокость заключается в причинении вреда другим индивидам в виде особых мучений и страданий⁸. Аналогичной позиции придерживается и Д. Т. Шайкенова, говоря, что особая жестокость направлена на причинение чрезвычайных страданий и мучений потерпевшему⁹. Ранее в разъяснениях высшей судебной инстанции просматривалась подобная тенденция: по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 131, 132 УК РФ, правоприменитель при описании особой жестокости в качестве результата ее проявления помимо «страданий» рассматривал и «мучения»¹⁰, однако в дальнейшем Верховный Суд РФ отказался от такой позиции.

При столь неоднозначном подходе к определению результата проявления особой жестокости при совершении преступления представляет определенный интерес правоприменительная практика судов общей юрисдикции по рассмотрению конкретных уголовных дел.

Нами были проанализированы обвинительные приговоры российских судов общей юрисдикции, в которых лицо признано виновным в совершении преступления

¹ Попов А. Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. СПб., 2003. С. 361.

² Артюшина О. В. Убийство с особой жестокостью: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. С. 8.

³ Плаксина Т. А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления. Барнаул, 2006. С. 244.

⁴ Попова Н. П. Ответственность за преступления, совершенные с особой жестокостью: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 24.

⁵ Тришина Ж. В. Особая жестокость как способ совершения преступлений против личности: уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 8.

⁶ Пункт 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (ред. от 3 марта 2015 г.) (Рос. газ. 1999. 9 февр.).

⁷ Пункт 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» (Рос. газ. 2014. 12 дек.).

⁸ Андреева Л. А., Константинов П. Ю. Влияние жестокости преступного поведения на уголовную ответственность. СПб., 2002. С. 13.

⁹ Шайкенова Д. Т. Убийство, совершенное с особой жестокостью: уголовно-правовые и криминологические аспекты (по материалам Республики Казахстан): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 8.

¹⁰ Пункт 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» (Рос. газ. 2004. 29 июня) (утратил силу).

с особой жестокостью¹. Проведенный анализ судебных решений показал, что единого мнения среди правоприменителей относительно того, что рассматривать в качестве результата проявления особой жестокости при совершении преступления, также не наблюдается. В 5,82 % проанализированных нами обвинительных приговоров вообще не указывается какой-либо результат особой жестокости. В 43,68 % судебных решений суд упоминает только страдания, в 0,97 % – только мучения, в 37,87 % – в мотивировочной части приговора названы и мучения, и страдания, причем используется сформировавшееся в практике парное выражение «страдание и мучение», т. е. показано, на наш взгляд, что результатом особой жестокости выступают страдания и мучения в совокупности. В 11,66 % проанализированных обвинительных приговоров также упоминаются страдания и мучение как следствие проявления виновным особой жестокости. Вместе с тем вариант их употребления правоприменителем в мотивировочной части не позволил данные судебные решения отнести к ранее указанным группам, поскольку в рамках постановления одного приговора встречаются формулировки: «мучения и страдания... страдания... мучения...»², «мучения и страдания... страдания...»³, «страдания... страдания и мучения»⁴, «страдания... мучения»⁵, а значит, правоприменитель не рассматривает их как совокупный единый результат.

Заметим, что наука уголовного права и правоприменительная практика в качестве результата проявления особой жестокости называют исключительно страдания и (или) мучения, не выделяя иных вариантов последствий жестокого поведения. Од-

¹ Всего проанализировано 103 приговора, в частности по делам об убийстве с особой жестокостью (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и покушении на убийство с особой жестокостью (ч. 3 ст. 30 и п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Данные взяты со специализированного информационного ресурса для публикации решений судов общей юрисдикции «Судебные и нормативные акты РФ» в период с 1 января 2015 г. по 15 августа 2017 г.: URL: http://sudact.ru/regular/?utm_campaign=sudact&utm_source=google&utm_medium=cpc&utm_content=126104425.

² Приговор Ленинского районного суда г. Орска (Оренбургская область) от 29 апреля 2016 г. № 1-93/2016 // URL: http://sudact.ru/regular/doc/cpXJMxqqDvZl/?page=2®ular-doc_type=1008®ular-court=®ular-date_from=01.03.2016®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+105.+%D0%A3%D0%B1%D0%B8%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%28%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-workflow_stage=10®ular-date_to=15.08.2016®ular-area=®ular-txt=%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D1%8F+%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C&_id=1503570833069®ular-judge=&snippet_pos=232#snippet (дата обращения: 20.08.2017).

³ Приговор Верховного суда Республики Татарстан от 20 февраля 2017 г. № 2-13/2017 // URL: http://sudact.ru/regular/doc/6DAX6ra5uR5d/?page=2®ular-doc_type=1008®ular-court=®ular-date_from=01.01.2017®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+105.+%D0%A3%D0%B1%D0%B8%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%28%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-workflow_stage=10®ular-date_to=01.05.2017®ular-area=®ular-txt=%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D1%8F+%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C&_id=1503574751044®ular-judge=&snippet_pos=274#snippet (дата обращения: 19.08.2017).

⁴ Приговор Алтайского краевого суда от 26 сентября 2016 г. № 2-18/2016 // URL: http://sudact.ru/regular/doc/ahwCLYduqsV4/?page=2®ular-doc_type=1008®ular-court=®ular-date_from=01.09.2016®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+105.+%D0%A3%D0%B1%D0%B8%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%28%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-workflow_stage=10®ular-date_to=01.11.2016®ular-area=®ular-txt=%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D1%8F+%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C&_id=1503576550301®ular-judge=&snippet_pos=604#snippet (дата обращения: 20.08.2017).

⁵ Приговор Вологодского областного суда от 30 апреля 2015 г. № 2-9/2015 // URL: http://sudact.ru/regular/doc/FisWSGtASwoT/?regular-txt=%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D1%8F+%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+105.+%D0%A3%D0%B1%D0%B8%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%28%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-doc_type=1008®ular-date_from=01.04.2015®ular-date_to=01.05.2015®ular-workflow_stage=10®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1503576798238&snippet_pos=1088#snippet (дата обращения: 18.08.2017).

нако даже такая вариативность в определении основных характеристик особой жестокости не способствует ее четкому пониманию и выработке единообразия в правоприменительной практике.

Понятие «мучения» было закреплено в Правилах судебно-медицинского определения степени тяжести телесных повреждений 1978 г. и трактовалось как способ причинения человеку повреждений¹. Кроме того, указывалось, что мучения следует рассматривать как действия, причиняющие страдания путем длительного лишения пищи, питья или тепла либо помещения или оставления жертвы во вредных для здоровья условиях и другие сходные действия. Соответственно, мучение рассматривалось как действие, процесс преступного поведения, а не его результат.

Научные воззрения относительно определения указанного понятия в основе своей базируются на описании, тождественном закреплению в Правилах судебно-медицинского определения степени тяжести телесных повреждений 1978 г., а нередко полностью их воспроизводят². Н. П. Попова под мучениями предлагает понимать действия, причиняющие страдания путем длительного лишения потерпевшего возможности удовлетворять естественные физиологические потребности организма (помещение жертвы во вредные для здоровья условия, оставление жертвы на долгое время без пищи, питья, сна, в неблагоприятном температурном или кислородном режиме окружающей среды, среди нечистот и другие сходные действия)³. Н. К. Семернева, детализируя вредные для здоровья условия, относит к ним повышенный уровень химических веществ в воздухе, загазованность, запыленность помещения, шумовое воздействие, превышающее допустимые нормы⁴.

Таким образом, существенным в определении понятия «мучения», на наш взгляд, выступает то, что результатом указанных действий выступают страдания.

Вместе с тем категория «мучения», как справедливо отмечает С. Н. Дружков, может использоваться не только как процесс целенаправленного поведения человека, но и как специфический результат испытываемого потерпевшим на себе воздействия. Особые страдания и мучения в этом смысле рассматриваются как предельно экстремальное психофизиологическое состояние потерпевшего, одновременно сочетающее в себе болевые импульсы и душевно-нравственные переживания⁵. В этом плане мучения и страдания зачастую перечисляются как равнозначные категории. В толковом словаре русского языка данные понятия раскрываются исключительно как равнозначные, взаимозаменяемые: мучение – это мука, страдание⁶, страдание – это физическая боль, мучение⁷.

Мы считаем, что мучения можно рассматривать в двух аспектах.

С одной стороны, мучения можно определить как действие, направленное на потерпевшего, заключающееся в лишении его естественных условий жизнедеятельности. В этом случае основной акцент ставится именно на деянии, совершаемом ви-

¹ О введении в практику общесоюзных Правил судебно-медицинского определения степени тяжести телесных повреждений: приказ Минздрава СССР от 11 декабря 1978 г. № 1208 // СПС «КонсультантПлюс».

² Курс уголовного права. Особенная часть / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2013. Т. 3. С. 170; Уголовное право. Часть Особенная / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М., 2005. С. 61.

³ Попова Н. П. Указ. соч. С. 27.

⁴ Уголовное право. Особенная часть / отв. ред. И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. М., 2008. С. 100.

⁵ Дружков С. Н. Уголовно-правовые функции особой жестокости в составе убийства: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 34.

⁶ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка // URL: <http://www.ozhegov.org/words/16574.shtml> (дата обращения: 21.08.2017).

⁷ Ожегов С. И. Указ. соч. // URL: <http://www.ozhegov.org/words/34691.shtml> (дата обращения: 21.08.2017).

новным. Данное толкование уравнивает понятие «мучения» с такими категориями, как истязание и пытка, и разводит с понятием «страдание», поскольку совершение страданий как процесс представляется невозможным.

С другой стороны, мучения могут выступать результатом преступного поведения. В этом случае испытываемые потерпевшим негативные последствия такого воздействия следует описывать через синонимичную категорию «страдания», поскольку акцент в этом случае будет делаться именно на результат.

Подобное терминологическое разнообразие синонимичных понятий, по нашему мнению, лишь утяжеляет текст уголовного закона, создавая возможность правоприменителю произвольно их толковать, что, естественно, недопустимо. В связи с чем при определении особой жестокости указание на «мучения» как на результат преступного поведения считаем излишним. Мы полагаем, что подобный подход позволит более четко расставить акценты на деяние как процесс человеческого поведения (мучение как действие) и последствие такого воздействия (страдание как результат мучений).

Дополнительным аргументом в пользу высказанной нами позиции является мнение Верховного Суда РФ, отраженное в п. 11 принятого 4 декабря 2014 г. постановления Пленума № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», поскольку правоприменитель отказался от употребления слова «мучения», закрепив только «страдания» в качестве признака, характеризующего особую жестокость.

Значит, результатом особой жестокости необходимо признать именно страдание. Для единообразного понимания такого оценочного понятия, как «особая жестокость», в науке уголовного права и правоприменительной практике требуется закрепить указанную ключевую характеристику на уровне разъяснений высшей судебной инстанции.

Мы продолжаем отстаивать высказанную ранее позицию о принятии отдельного постановления Пленума Верховного Суда РФ, посвященного толкованию особой жестокости¹. И положение относительно того, что результатом проявления особо жестокого поведения при совершении преступлений различного рода следует считать страдание, нужно закрепить на уровне разъяснений высшей судебной инстанции.

Библиография

Андреева Л. А., Константинов П. Ю. Влияние жестокости преступного поведения на уголовную ответственность. СПб., 2002.

Артюшина О. В. Убийство с особой жестокостью: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011.

Дружков С. Н. Уголовно-правовые функции особой жестокости в составе убийства: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002.

Курс уголовного права. Особенная часть / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2013. Т. 3.

Меньшикова А. Г. Особая жестокость как оценочное понятие // Электрон. прил. к «Рос. юрид. журн.». 2013. № 1; URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/366>.

О введении в практику общесоюзных Правил судебно-медицинского определения степени тяжести телесных повреждений: приказ Минздрава СССР от 11 декабря 1978 г. № 1208 // СПС «КонсультантПлюс».

¹ Меньшикова А. Г. Особая жестокость как оценочное понятие // Электрон. прил. к «Рос. юрид. журн.». 2013. № 1; URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/366>.

О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 // Рос. газ. 2014. 12 дек.

О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 // Рос. газ. 2004. 29 июня (утратил силу).

О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 (ред. от 3 марта 2015 г.) // Рос. газ. 1999. 9 февр.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка // URL: <http://www.ozhegov.org>.

Плакшина Т. А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления. Барнаул, 2006.

Попов А. Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. СПб., 2003.

Попова Н. П. Ответственность за преступления, совершенные с особой жестокостью: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

Приговор Алтайского краевого суда от 26 сентября 2016 г. № 2-18/2016 // URL: http://sudact.ru/regular/doc/ahwCLYduqsV4/?page=2®ular-doc_type=1008®ular-court=®ular-date_from=01.09.2016®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+105.+%D0%A3%D0%B1%D0%B8%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%28%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-workflow_stage=10®ular-date_to=01.11.2016®ular-area=®ular-txt=%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D1%8F+%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C&_id=1503576550301®ular-judge=&snippet_pos=604#snippet.

Приговор Верховного суда Республики Татарстан от 20 февраля 2017 г. № 2-13/2017 // URL: http://sudact.ru/regular/doc/6DAX6ra5uR5d/?page=2®ular-doc_type=1008®ular-court=®ular-date_from=01.01.2017®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+105.+%D0%A3%D0%B1%D0%B8%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%28%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-workflow_stage=10®ular-date_to=01.05.2017®ular-area=®ular-txt=%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D1%8F+%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C&_id=1503574751044®ular-judge=&snippet_pos=274#snippet.

Приговор Вологодского областного суда от 30 апреля 2015 г. № 2-9/2015 // URL: http://sudact.ru/regular/doc/FisWSGtASwoT/?regular-txt=%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D1%8F+%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+105.+%D0%A3%D0%B1%D0%B8%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%28%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-doc_type=1008®ular-date_from=01.04.2015®ular-date_to=01.05.2015®ular-workflow_stage=10®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1503576798238&snippet_pos=1088#snippet.

Приговор Ленинского районного суда г. Орска (Оренбургская область) от 29 апреля 2016 г. № 1-93/2016 // URL: http://sudact.ru/regular/doc/cpXJMxqqDvZl/?page=2®ular-doc_type=1008®ular-court=®ular-date_from=01.03.2016®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+105.+%D0%A3%D0%B1%D0%B8%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%28%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-workflow_stage=10®ular-date_to=15.08.2016®ular-area=®ular-txt=%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D1%8F+%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C&_id=1503570833069®ular-judge=&snippet_pos=232#snippet.

Суды общей юрисдикции Российской Федерации // Судебные и нормативные акты РФ. URL: http://sudact.ru/regular/?utm_campaign=sudact&utm_source=google&utm_medium=cpc&utm_content=126104425.

Тришина Ж. В. Особая жестокость как способ совершения преступлений против личности: уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.

Уголовное право. Особенная часть / отв. ред. И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. М., 2008.

Уголовное право. Часть Особенная / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М., 2005.

Шайкенова Д. Т. Убийство, совершенное с особой жестокостью: уголовно-правовые и криминологические аспекты (по материалам Республики Казахстан): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

Bibliography

Andreeva L. A., Konstantinov P. Yu. Vliyanie zhestokosti prestupnogo povedeniya na ugovolnuyu otvetstvennost'. SPb., 2002.

Artyushina O. V. Ubijstvo s osoboj zhestokost'yu: ugovolno-pravovye i kriminologicheskie aspekty: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 2011.

Druzhkov S. N. Ugolovno-pravovye funktsii osoboj zhestokosti v sostave ubijstva: voprosy teorii i praktiki: dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2002.

Kurs ugolovnogo prava. Osobennaya chast' / pod red. G. N. Borzenkova, V. S. Komissarova. M., 2013. T. 3. *Men'shikova A. G.* Osobaya zhestokost' kak ocenocnoe ponyatie // *Ehlektron. pril. k «Ros. yurid. zhurn.»*. 2013. № 1; URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/366>.

O sudebnoj praktike po delam o prestupleniyax protiv polovoj neprikosновенности i polovoj svobody lichnosti: postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 4 dekabrya 2014 g. № 16 // *Ros. gaz.* 2014. 12 dek.

O sudebnoj praktike po delam o prestupleniyax, predusmotrennykh stat'yami 131 i 132 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii: postanovleniya Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 15 iyunya 2004 g. № 11 // *Ros. gaz.* 2004. 29 iyunya (utratil silu).

O sudebnoj praktike po delam ob ubijstve (st. 105 UK RF): postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27 yanvarya 1999 g. № 1 (red. ot 3 marta 2015 g.) // *Ros. gaz.* 1999. 9 fevr.

O vvedenii v praktiku obshhesoyuznykh Pravil sudebno-medicinskogo opredeleniya stepeni tyazhesti telesnykh povrezhdenij: prikaz Minzdrava SSSR ot 11 dekabrya 1978 g. № 1208 // SPS «Konsul'tantPlyus».

Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka // URL: <http://www.ozhegov.org>.

Plaksina T. A. Social'nye osnovaniya kvalificiruyushhix ubijstvo obstoyatel'stv i ix yuridicheskoe vyrazhenie v priznakax sostava prestupleniya. Barnaul, 2006.

Popov A. N. Ubijstva pri otyagchayushhix obstoyatel'stvax. SPb., 2003.

Popova N. P. Otvetstvennost' za prestupleniya, sovershennye s osoboj zhestokost'yu: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2005.

Prigovor Altajskogo kraevogo suda ot 26 sentyabrya 2016 g. № 2-18/2016 // URL: http://sudact.ru/regular/doc/ahwCLYduqsV4/?page=2®ular-doc_type=1008®ular-court=®ular-date_from=01.09.2016®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+105.+%D0%A3%D0%B1%D0%B8%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%28%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-workflow_stage=10®ular-date_to=01.11.2016®ular-area=®ular-txt=%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D1%8F+%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C&_1503576550301®ular-judge=&snippet_pos=604#snippet.

Prigovor Leninskogo rajonnogo suda g. Orska (Orenburgskaya oblast') ot 29 aprelya 2016 g. № 1-93/2016 // URL: http://sudact.ru/regular/doc/cpXJMxqqDvZl/?page=2®ular-doc_type=1008®ular-court=®ular-date_from=01.03.2016®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+105.+%D0%A3%D0%B1%D0%B8%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%28%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-workflow_stage=10®ular-date_to=15.08.2016®ular-area=®ular-txt=%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D1%8F+%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C&_1503570833069®ular-judge=&snippet_pos=232#snippet.

Prigovor Verhovnogo suda Respubliki Tatarstan ot 20 fevralya 2017 g. № 2-13/2017 // URL: http://sudact.ru/regular/doc/6DAX6ra5uR5d/?page=2®ular-doc_type=1008®ular-court=®ular-date_from=01.01.2017®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+105.+%D0%A3%D0%B1%D0%B8%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%28%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-workflow_stage=10®ular-date_to=01.05.2017®ular-area=®ular-txt=%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D1%8F+%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C&_1503574751044®ular-judge=&snippet_pos=274#snippet.

Prigovor Vologodskogo oblastnogo suda ot 30 aprelya 2015 g. № 2-9/2015 // URL: http://sudact.ru/regular/doc/FisWSGtASwoT/?regular-txt=%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D1%8F+%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+105.+%D0%A3%D0%B1%D0%B8%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%28%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-doc_type=1008®ular-date_from=01.04.2015®ular-date_to=01.05.2015®ular-workflow_stage=10®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_1503576798238&snippet_pos=1088#snippet.

Shajkenova D. T. Ubijstvo, sovershennoe s osoboj zhestokost'yu: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty (po materialam Respubliki Kazaxstan): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2011.

Sudy obshhej yurisdikcii Rossijskoj Federacii // Sudebnye i normativnye akty RF. URL: http://sudact.ru/regular/?utm_campaign=sudact&utm_source=google&utm_medium=cpc&utm_content=126104425.

Trishina Zh. V. Osobaya zhestokost' kak sposob soversheniya prestuplenij protiv lichnosti: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2009.

Ugolovnoe pravo. Chast' Osobennaya / otv. red. L. L. Kruglikov. M., 2005.

Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast' / otv. red. I. Ya. Kozachenko, G. P. Novoselov. M., 2008.

**НЕОТЛОЖНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ:
ПОНЯТИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ****Балакшин Виктор Степанович**

Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), e-mail: up@usla.ru

Григорьев Александр Игоревич

Аспирант кафедры уголовного процесса Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), e-mail: 230023@mail.ru

Рассматриваются понятие и значение неотложных следственных действий в российском уголовном процессе. Обращается внимание на то, что современное уголовно-процессуальное законодательство не учитывает всех ситуаций, когда можно и должно производить указанные действия. По результатам исследования вносятся предложения по совершенствованию некоторых норм УПК РФ.

Ключевые слова: уголовное дело, неотложные следственные действия, следователь, органы дознания, подследственность

**URGENT INVESTIGATIVE ACTIONS:
THE CONCEPT AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION****Balakshin Viktor**

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: up@usla.ru

Grigoryev Alexander

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: 230023@mail.ru

The concept and importance of urgent investigative actions in the Russian criminal proceedings are considered. The authors underline that the existing criminal procedural legislation doesn't account for all situations when these actions could and should be made. As a result, they make proposals for the improvement of some norms of the Russian Criminal Procedural Code.

Key words: criminal case, urgent investigative actions, investigator, bodies of inquiry, jurisdiction

Необходимость законодательно закрепить право органов дознания возбудить уголовное дело и произвести неотложные следственные действия с отступлением от правил подследственности по делам о преступлениях, по которым обязательно предварительное следствие, объясняется несколькими причинами. Одна из основных – то, что именно органы дознания способны в случаях, не терпящих отлагательства, возбудить уголовное дело и обеспечить производство следственных действий, главной целью которых является обнаружение и фиксация следов преступления, изъятие предметов и документов, утрата которых вследствие промедления может осложнить расследование уголовного дела. Не стоит забывать и о том, что органы дознания, осуществляя на первоначальном этапе расследования таких уголовных дел оперативное сопровождение, имеют больше возможностей раскрыть преступление, установить место нахождения подозреваемых, задержать и пресечь таким образом их

возможное противодействие органам предварительного расследования в дальнейшем. Как образно выразился по данному поводу А. П. Кругликов, действия органа дознания и следователя в таких случаях подобны действиям плотников, когда один из них начал строительство дома, а другой закончил, но дом они построили вместе¹.

В то же время есть и нерешенные проблемы. Анализ следственной практики свидетельствует о том, что в полномочиях по производству неотложных следственных действий следователь нуждается не только в случае изменения территориальной подследственности, но и в других. Например, в ситуации, когда в ходе расследования подследственного ему уголовного дела будет установлено, что обвиняемый совершил другое преступление, которое подследственно следователю другого ведомства; либо изменится персональная подследственность. Право следователя производить неотложные следственные действия при изменении территориальной подследственности предусмотрено в ч. 5 ст. 152 УПК. Однако приведенное положение лишь усложняет ситуацию. Во-первых, оно принято вопреки тому, что сам законодатель предлагает понимать под неотложными следственными действиями в п. 19 ст. 5 УПК РФ, а во-вторых, на основании положений ст. 152 УПК следователь может реализовать полномочия по производству неотложных следственных действий только при изменении территориальной подследственности. Между тем, как уже отмечено, это не решает проблему в принципе, так как необходимость производства неотложных следственных действий по делу, находящемуся в производстве следователя, может быть обусловлена изменением других видов подследственности.

С учетом изложенного предпримем попытку рассмотреть названные проблемы и сформулировать некоторые предложения.

Неотложные следственные действия – это действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих немедленного закрепления, изъятия и исследования (п. 19 ст. 5 УПК РФ).

Согласно ч. 1 ст. 157 УПК РФ орган дознания вправе возбудить уголовное дело и произвести по нему неотложные следственные действия в случае обнаружения признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно.

Исходя из системного толкования названных правовых норм производство неотложных следственных действий по таким уголовным делам относится к исключительной компетенции органов дознания.

В. Ю. Стельмах указывает, что неотложные следственные действия – это процессуальная деятельность органа дознания, заключающаяся в том, что при выявлении признаков преступления, по которому обязательно производство предварительного следствия, и при невозможности незамедлительного возбуждения дела тем следственным органом, который правомочен производить по нему расследование, орган дознания возбуждает уголовное дело, производит в срок, не превышающий 10 суток, следственные действия, направленные на фиксацию следов преступления, после

¹ Кругликов А. П. Орган дознания производит предварительное следствие // 50 лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы междунар. науч.-практ. конф. (27–28 января 2005 г.). Екатеринбург, 2005. Ч. I. С. 469.

чего передает уголовное дело следователю¹. Данной позиции придерживаются такие ученые, как А. Ю. Девятко, Г. И. Загорский и некоторые другие².

Как было отмечено, эти положения противоречат требованиям ч. 5 ст. 152 УПК РФ, которая наделяет правом производства неотложных следственных действий не только орган дознания, но и следователя. При этом следователь вправе производить неотложные следственные действия только в том случае, если в ходе расследования уже возбужденного уголовного дела будет установлено, что данное дело ему не подследственно. Раскрывая положения названной правовой нормы, С. В. Супрун пришел к выводу, что неотложные следственные действия следователь вправе проводить по расследуемому делу, если изменение квалификации совершенного преступления вызвало изменение подследственности. В этом случае следователь производит неотложные следственные действия с целью закрепления следов преступления, после чего направляет уголовное дело руководителю следственного органа для решения вопроса о его передаче по подследственности³. Развивая мысль упомянутого процессуалиста, отметим, что подследственность может измениться не только с точки зрения квалификации совершенного преступления, но и в связи с изменением места производства предварительного расследования, установлением точного статуса подозреваемого, обвиняемого, меняющего подследственность.

На противоречивость данных норм УПК РФ обращает внимание и Н. А. Гусейнов. «Казалось бы, – пишет автор, – прямое указание закона на управомоченного субъекта указанной деятельности – орган дознания (ч. 1 ст. 157 УПК РФ) – методологически точно расставляет акценты в этом вопросе: это еще одна форма дознания, ее самостоятельный вид. Однако нормы ч. 5 ст. 152 УПК РФ колеблют заявленную достоверность приведенного вывода, ибо в этой норме субъектом производства неотложных следственных действий (по делу, которое ему не подследственно) указан уже следователь. При этом отсылки к нормам ст. 157 УПК РФ указанное правомочие следователя не содержит»⁴.

Отчасти противоречие между ч. 5 ст. 152 и ч. 1 ст. 157 УПК РФ компенсируется формулировкой п. 2 ст. 149 УПК РФ, согласно которой после возбуждения подследственного ему уголовного дела следователь обязан приступить к производству предварительного следствия, при этом вправе производить любые следственные действия, в том числе отвечающие требованиям неотложности. Таким образом, при определенных условиях следователь также правомочен производить неотложные следственные действия. Однако этим проблемы, связанные с вопросом об основаниях и порядке производства неотложных следственных действий, полностью не решаются.

Как отмечает М. В. Кардашевская, анализ статей УПК РФ, посвященных неотложным следственным действиям, показывает, что их определение, данное в п. 19 ст. 5

¹ Стельмах В. Ю. Неотложные следственные действия: процессуальные проблемы назначения и производства // Академический юрид. журн. 2012. № 1. С. 15.

² См., например: Девятко А. Ю., Загорский Г. И., Загорский М. И. и др. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. Г. И. Загорского. М., 2016 // СПС «КонсультантПлюс»; Ведерникова О. М., Ворожцов С. А., Давыдов В. А. и др. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2014 // СПС «КонсультантПлюс»; Чукаева О. А. Полномочия органа дознания по производству неотложных следственных действий // Законодательство и экономика. 2014. № 12. С. 67.

³ Супрун С. В. Подследственность и полномочия по производству неотложных следственных действий // Уголовное право. 2009. № 6. С. 96.

⁴ Гусейнов Н. А. Латентная дифференциация дознания в уголовном судопроизводстве России по нормам УПК РФ // Рос. следователь. 2016. № 4. С. 18.

УПК России, не соответствует их порядку производства, указанному в других статьях закона¹.

В анализируемой ситуации можно предположить, что, предоставляя органу дознания право возбуждать уголовные дела о преступлениях, по которым производство предварительного следствия обязательно, и производить по ним неотложные следственные действия, законодатель исходил из того, что орган дознания ближе по времени и месту к совершенному общественно опасному деянию, может первым обнаружить признаки такого преступления и приступить к обнаружению и закреплению его следов.

Между тем в правоприменительной практике нередко признаки преступления, по которому обязательно производство предварительного следствия, обнаруживаются не органом дознания, а следователем. В связи с этим А. А. Арутюнян, Л. В. Васильев справедливо отмечают, что институт неотложных следственных действий в той же мере подлежит применению и в этом случае². Такой же точки зрения придерживаются А. В. Смирнов и К. Б. Калиновский, замечая при этом, что для следователей при производстве ими следствия в предусмотренных ст. 152 УПК РФ случаях институт производства неотложных следственных действий может применяться по аналогии³.

При этом нормы УПК РФ устанавливают иное: следователь, получив сообщение о признаках преступления, уголовное дело по которому ему не подследственно, не вправе возбудить уголовное дело, а значит, и произвести неотложные следственные действия. По смыслу ч. 1 ст. 157 УПК РФ в данной ситуации следователь должен только уведомить о наличии признаков такого преступления орган дознания, который и должен решить вопрос о возбуждении уголовного дела, после чего произвести неотложные следственные действия. Если орган дознания затянет с принятием решения, то это приведет к утрате ценных доказательств и затруднит дальнейшее расследование. Не случайно для производства неотложных следственных действий УПК РФ установлен достаточно короткий срок – 10 суток. Е. Р. Пудаков по данному поводу замечает, что в этом находит отражение основной смысл неотложных следственных действий, которые должны проводиться без промедления⁴.

В случае возбуждения уголовного дела и производства по нему неотложных следственных действий не органом дознания, а следователем, которому уголовное дело заведомо не подследственно, как предлагают А. В. Смирнов и К. Б. Калиновский, полученные по делу доказательства будут признаны недопустимыми, поскольку получены с нарушением требований УПК РФ, устанавливающих правила подследственности. Таким образом, применением закона по аналогии затронутую проблему разрешить невозможно.

Для ее решения необходимо расширить круг должностных лиц органов следствия, уполномоченных возбуждать уголовные дела и производить неотложные следственные действия по уголовным делам о преступлениях, по которым производство предварительного следствия обязательно, если даже данное дело подследственно следо-

¹ Кардашевская М. В. О внесении изменений в понятие «неотложные следственные действия» // Рос. следователь. 2012. № 13. С. 6.

² Арутюнян А. А., Брусницын Л. В., Васильев О. Л. и др. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2016 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ (постатейный) / под общ. ред. А. В. Смирнова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2009 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Пудаков Е. Р. Неотложные следственные действия в структуре предварительного расследования // Рос. следователь. 2007. № 1.

вателю другого ведомства. Такое изменение УПК РФ будет отвечать законодательно закреплённой цели производства неотложных следственных действий, устранив противоречие норм ч. 5 ст. 152 и ч. 1 ст. 157 УПК РФ, а также разрешит спор о возможности или невозможности применения положений ч. 1 ст. 157 УПК РФ по аналогии.

Говоря об основаниях производства неотложных следственных действий, следует отметить, что возбуждать уголовные дела и производить неотложные следственные действия органы дознания вправе также с учетом правил подследственности. Однако в рамках настоящей статьи затронем полномочия по производству неотложных следственных действий только органов внутренних дел, таможенных органов и органов ФСБ России.

Органы ФСБ России вправе производить неотложные следственные действия по всем уголовным делам о преступлениях, подследственных следователям органов ФСБ. Органы внутренних дел – по большинству уголовных дел о преступлениях, подследственных следователям органов внутренних дел, и почти по всем уголовным делам, подследственным следователям Следственного комитета РФ. Таможенные органы – по некоторым уголовным делам, подследственным следователям органов внутренних дел, Следственного комитета РФ и органов ФСБ, а также по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных чч. 1 и 2 ст. 194 и ст. 229¹ УК РФ, имеющим альтернативную подследственность.

В связи с этим представляется наиболее логичным возбуждение уголовного дела и производство по нему неотложных следственных действий органами дознания в соответствии с правилами, закреплёнными в ч. 2 ст. 151 УПК РФ.

Обобщая изложенное, можно предложить дополнения и изменения в УПК РФ, которые, на наш взгляд, позволили бы решить обозначенные проблемы.

1. Пункт 19 ст. 5 изложить в следующей редакции: «19) неотложные следственные действия – действия, осуществляемые органом дознания по возбужденному им уголовному делу, по которому производство предварительного следствия обязательно, а следователем в ходе расследования уголовного дела после установления обстоятельств, указывающих на подследственность данного дела другому следователю, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих немедленного закрепления, изъятия и исследования».

2. Пункт 2 ст. 149 изложить в следующей редакции: «2) следователь приступает к производству предварительного следствия, а по уголовным делам о преступлениях, по которым производство предварительного следствия обязательно, не подследственным ему, – производит неотложные следственные действия и направляет уголовное дело руководителю следственного органа».

3. Часть 1 ст. 157 изложить в следующей редакции: «1. При наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно, орган дознания, следователь в порядке, установленном статьей 146 настоящего Кодекса, возбуждает уголовное дело и производит неотложные следственные действия».

4. Часть 2 ст. 157 дополнить пунктами 7, 8 и 9:

«7) следователи Следственного комитета Российской Федерации – по уголовным делам о преступлениях, указанных в пункте 1 части второй статьи 151 настоящего Кодекса, а также о преступлениях, предусмотренных статьями 194 частями первой и второй, 229¹ Уголовного кодекса Российской Федерации;

8) следователи органов федеральной службы безопасности – по уголовным делам о преступлениях, указанных в пункте 2 части второй статьи 151 настоящего Кодекса, а также о преступлениях, предусмотренных статьями 194 частями первой и второй, 229¹ Уголовного кодекса Российской Федерации;

9) следователи органов внутренних дел – по уголовным делам о преступлениях, указанных в пункте 3 части второй статьи 151 настоящего Кодекса, а также о преступлениях, предусмотренных статьями 194 частями первой и второй, 229¹ Уголовного кодекса Российской Федерации».

5. Дополнить ст. 157 частью 2¹ следующего содержания: «2¹. При обнаружении следователем признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно, но не подследственного ему, в случае необходимости производства неотложных следственных действий он в порядке, установленном статьей 146 настоящего Кодекса, возбуждает уголовное дело и производит неотложные следственные действия».

6. Часть 3 ст. 157 изложить в следующей редакции: «3. После производства неотложных следственных действий и не позднее 10 суток со дня возбуждения уголовного дела орган дознания, следователь направляет уголовное дело руководителю следственного органа в соответствии со статьей 149 настоящего Кодекса».

Библиография

Арутюнян А. А., Брусницын Л. В., Васильев О. Л. и др. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2016 // СПС «КонсультантПлюс».

Ведерникова О. М., Ворожцов С. А., Давыдов В. А. и др. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2014 // СПС «КонсультантПлюс».

Гусейнов Н. А. Латентная дифференциация дознания в уголовном судопроизводстве России по нормам УПК РФ // Рос. следователь. 2016. № 4.

Девятко А. Ю., Загорский Г. И., Загорский М. И. и др. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. Г. И. Загорского. М., 2016 // СПС «КонсультантПлюс».

Кардашевская М. В. О внесении изменений в понятие «неотложные следственные действия» // Рос. следователь. 2012. № 13.

Кругликов А. П. Орган дознания производит предварительное следствие // 50 лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы междунар. науч.-практ. конф. (27–28 января 2005 г.). Екатеринбург, 2005. Ч. I.

Пудаков Е. Р. Неотложные следственные действия в структуре предварительного расследования // Рос. следователь. 2007. № 1.

Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ (постатейный) / под общ. ред. А. В. Смирнова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2009 // СПС «КонсультантПлюс».

Стельмах В. Ю. Неотложные следственные действия: процессуальные проблемы назначения и производства // Академический юрид. журн. 2012. № 1.

Супрун С. В. Подследственность и полномочия по производству неотложных следственных действий // Уголовное право. 2009. № 6.

Чукаева О. А. Полномочия органа дознания по производству неотложных следственных действий // Законодательство и экономика. 2014. № 12.

Bibliography

Arutyunyan A. A., Brusnicyn L. V., Vasil'ev O. L. i dr. Kurs ugolovnogo processa / pod red. L. V. Golovko. M., 2016 // SPS «Konsul'tantPlyus».

Chukaeva O. A. Polnomochiya organa doznaniya po proizvodstvu neotlozhnykh sledstvennykh dejstvij // Zakonodatel'stvo i ehkonomika. 2014. № 12.

Devyatko A. Yu., Zagorskij G. I., Zagorskij M. I. i dr. Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) / pod obshh. red. G. I. Zagorskogo. M., 2016 // SPS «Konsul'tantPlyus».

Gusejnov N. A. Latentnaya differenciaciya doznaniya v уголовном судопроизводстве Rossii po normam UPK RF // Ros. sledovatel'. 2016. № 4.

Kardashevskaya M. V. O vnesenii izmenenij v ponyatie «neotlozhnye sledstvennye dejstviya» // Ros. sledovatel'. 2012. № 13.

Kruglikov A. P. Organ doznaniya proizvodit predvaritel'noe sledstvie // 50 let kafedre ugovnogo processa UrGYuA (SYuI): materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (27–28 yanvarya 2005 g.). Ekaterinburg, 2005. Ch. I.

Pudakov E. R. Neotlozhnye sledstvennye dejstviya v strukture predvaritel'nogo rassledovaniya // Ros. sledovatel'. 2007. № 1.

Smirnov A. V., Kalinovskij K. B. Kommentarij k Uголовно-processual'nomu kodeksu RF (postatejnyj) / pod obshh. red. A. V. Smirnova. 5-e izd., pererab. i dop. M., 2009 // SPS «Konsul'tantPlyus».

Stel'max V. Yu. Neotlozhnye sledstvennye dejstviya: processual'nye problemy naznacheniya i proizvodstva // Akademicheskij jurid. zhurn. 2012. № 1.

Suprun S. V. Podsledstvennost' i polnomochiya po proizvodstvu neotlozhnyx sledstvennyx dejstvij // Uголовное право. 2009. № 6.

Vedernikova O. M., Vorozhcov S. A., Davydov V. A. i dr. Nauchno-prakticheskij kommentarij k Uголовно-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) / otv. red. V. M. Lebedev. M., 2014 // SPS «Konsul'tantPlyus».

О НЕДОПУСТИМОСТИ ПОВТОРНОГО УЧАСТИЯ СУДЬИ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Прошляков Алексей Дмитриевич

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса Уральского государственного юридического университета, Почетный адвокат России (Екатеринбург),
e-mail: up@usla.ru

Александрова Людмила Анатольевна

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), e-mail: ml1970@yandex.ru

Статья посвящена ограничениям повторного участия судьи в производстве по делу, установленным законодательством. Раскрываются понятие и признаки повторного участия; пределы действия ст. 63 УПК РФ во взаимосвязи с правовой аксиомой о недопустимости оценки судьей собственных решений. Приводится судебная практика обжалования повторного участия судей в производстве по уголовному делу, содержащая противоречивые решения. Критически оценивается ст. 63 УПК РФ как существенно ограничивающая содержание правила о недопустимости повторного участия судьи в производстве по делу. Отмечаются различные позиции Конституционного Суда и Пленума Верховного Суда РФ, а также их несовпадение с нормами законодательства. Проводится сравнительный анализ общих и специальных норм, ограничивающих участие судей при пересмотре судебных решений по кассационной или надзорной жалобам. Перечислены случаи, когда закон прямо допускает возможность повторного участия судьи в производстве по делу, несмотря на то что этим могут предприниматься вопросы оценки доказательств и виновности лица. Внимание также уделяется проекту, внесенному Пленумом Верховного Суда России, о создании окружных апелляционных и кассационных судов как попытке разрешить сложившиеся противоречия.

Ключевые слова: недопустимость повторного участия, правовая аксиома, судебное решение, кассационная инстанция, надзорная инстанция, окружной апелляционный суд, окружной кассационный суд

ON THE INADMISSIBILITY OF REPEATED PARTICIPATION OF A JUDGE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Proshlyakov Aleksey

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: up@usla.ru

Aleksandrova Lyudmila

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: ml1970@yandex.ru

The article is devoted to limitations of repeated participation of a judge in proceedings, established by law. The authors describe the concept and features of repeated participation and reveal the scope of art. 63 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation by taking into account the legal axiom stating that a judge could not evaluate his own decisions. There are some examples of contradictory court decisions on appealing against repeated participation of a judge in criminal proceedings. The authors critically assess art. 63 of the Criminal Procedural Code, which significantly limits the rule on the inadmissibility of repeated participation of a judge in proceedings. They reveal different positions of the Constitutional Court and the Plenum of the Supreme Court and say that they didn't correspond to the current legislation. There is also a comparative analysis of general

and specific rules restricting the participation of judges in revision of judicial decisions on cassation or supervising complaints. The authors give a list of cases when the law explicitly admits repeated participation of a judge in proceedings, despite the fact that it could prejudices the evaluation of evidence and guilt of a person. Besides that, a special attention is given to the draft law moved by the Plenum of the Supreme Court of Russia on the establishment of district courts of appeal and cassation as an attempt to resolve the current contradictions.

Key words: inadmissibility of repeated participation, legal axiom, judgment, cassation, supervisory authority, district court of appeals, district court of cassation

Как известно, с позиции формальной логики аксиома – это исходное положение, не нуждающееся в доказывании, но принимаемое за отправное при построении каких-либо теорий в науке¹. Ее появлению предшествует длительное историческое развитие, поэтому многие из правовых аксиом приписываются римскому праву: так было сформулировано утверждение «никто не может быть судьей в собственном деле»².

В уголовном процессе это правило согласуется с запретом повторного участия судьи в производстве по делу. Статья 63 УПК РФ связывает понятие повторности с непосредственным рассмотрением этого дела по существу. Такой запрет касается судьи, выносившего приговор по делу в суде первой инстанции и принимавшего окончательное решение в порядке кассации или надзора.

Очевидно, что запрет повторного участия связан с формированием позиции судьи относительно наличия или отсутствия события преступления, обоснованности вывода о виновности в его совершении обвиняемого, достаточности собранных доказательств, от которой ему сложно будет отказаться при пересмотре принятого им же решения. Именно так, представляется, ст. 63 УПК РФ должна действовать на практике.

Красноярским краевым судом 20 февраля 2007 г. было рассмотрено по существу уголовное дело по обвинению А. в совершении разбоя с применением предметов, используемых в качестве оружия, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего и убийства, сопряженного с разбоем. Преступление было совершено группой лиц по предварительному сговору, однако в отношении соучастника П. дело было выделено в отдельное производство и приостановлено. В связи с этим по существу оно рассматривалось только 26 апреля 2013 г.

По жалобе А. уголовное дело рассматривалось в кассационном порядке 19 июня 2007 г., приговор был оставлен без изменения. Судья, участвовавший в кассационном рассмотрении жалобы А., спустя некоторое время рассматривал апелляционную жалобу на приговор в отношении его соучастника П. Президиум Верховного Суда РФ увидел в этом нарушение требования ч. 2 ст. 63 УПК РФ и отменил решение с возвращением дела на новое апелляционное рассмотрение³.

Выводы Президиума Верховного Суда РФ свидетельствуют о расширительном толковании содержания ст. 63 УПК РФ, позволяющем связывать повторное участие судьи не просто с одним и тем же уголовным делом по формальному признаку, а прежде всего с событием преступления.

¹ Кабаченко В. Я. Мифы, символы, системы. Законы взаимодействия. М., 2010. С. 192.

² Давыдова М. Л. Правовые аксиомы как средство юридической техники // Вестн. ВолГУ. Сер. 9. Вып. 6. 2007. С. 93.

³ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 4 июня 2014 г. № 77-П14 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2014. № 10.

К тому же может быть и несколько уголовных дел, так или иначе касающихся одного и того же факта¹. Думается, что выделенные в отдельное производство материалы можно считать самостоятельным уголовным делом, поскольку исследуется вопрос о совершении преступления иным лицом, нежели в основном производстве. Если исходить из формулировки ст. 63 УПК РФ, то формально судья Красноярского краевого суда мог сначала рассмотреть в кассационном порядке дело по обвинению А. и затем в апелляционной инстанции – дело по обвинению П. в совершении того же преступления.

Тем не менее Президиум Верховного Суда, обосновывая свое решение, сослался на ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах², нормы которых не допускают оценку судьей ранее уже исследовавшихся с его участием обстоятельств по делу. Исходя из этих положений можно утверждать, что основной целью правила о недопустимости повторного участия судьи в производстве по делу является защита от повторной оценки этим же лицом доказательств, обстоятельств преступления и виновности лица, его совершившего.

Текст ст. 63 УПК РФ сформулирован таким образом, что подобная связь не прослеживается, хотя, возможно, подразумевается. В то же время формальные ограничения повторного участия судьи в производстве по уголовному делу, перечисленные в этой статье, гораздо уже указанных в международных актах:

судья не должен участвовать в производстве по одному и тому же уголовному делу (производству) в разных инстанциях;

участие считается повторным, если судья сам выносил окончательное решение по нему.

Такая коллизия не позволяет четко установить пределы действия запрета повторного участия судьи в процессе по уголовному делу, что приводит к неопределенности на практике.

Если Президиум Верховного Суда РФ счел нарушением уголовно-процессуального закона рассмотрение одним и тем же судьей кассационной, а затем апелляционной жалоб, поданных соучастниками преступления, производство по уголовным делам которых велось отдельно, то в другом аналогичном случае было вынесено противоположное решение.

Кировским районным судом Екатеринбурга было рассмотрено уголовное дело по обвинению девяти подсудимых в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, 28 июля 2012 г. вынесен приговор, который впоследствии обжалован ими в кассационную и надзорную инстанции. В производстве по жалобам осужденных Свердловским областным судом было отказано. В то же время, изучая жалобы осужденных по одному и тому же делу, судьи Свердловского областного суда участвовали в этом процессе по нескольким раз. Например, судья П. три раза выносил постановление об отказе в рассмотрении надзорной жалобы осужденных К. Ф., Б. Л. и К. И. за одной датой – 4 июля 2013 г.³ В данном случае Президиум Верховного

¹ Новикова Ю. Г. Особенности уголовного судопроизводства по делам о взаимосвязанных преступлениях: моногр. Екатеринбург, 2005. С. 62.

² Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

³ Уголовное дело № 44у14-276 // Архив Свердловского областного суда.

Суда не усмотрел нарушения уголовно-процессуального закона, хотя с точки зрения оценки единого факта преступления, законности производства по нему рассмотрение очередной надзорной жалобы в его рамках одним и тем же судьей недопустимо.

В то же время при формальном толковании ст. 63 УПК РФ нарушения закона не усматривается: судья не участвовал в рассмотрении уголовного дела и с его участием не выносилось окончательное решение по нему. Категоричное содержание норм не предполагает распространения запрета на случаи иного участия судей в производстве по уголовному делу. Не распространяется этот запрет и на повторное участие судьи в суде той же инстанции.

Однако ст. 401¹³ УПК РФ, непосредственно регулирующая порядок производства в суде кассационной инстанции, не допускает участие судьи в рассмотрении уголовного дела, если он выносил постановление о передаче кассационных жалобы, представления с этим делом для рассмотрения в судебном заседании. Это же правило распространяется и на суд надзорной инстанции (ст. 412¹⁰ УПК РФ).

В данном случае можно было бы говорить о конкретизации общих норм ст. 63 УПК РФ, однако положения статей, устанавливающих правила кассационного и надзорного производства, по смыслу больше соответствуют Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Международному пакту о гражданских и политических правах, поскольку они связывают повторное участие с вынесением не только окончательного, но и промежуточного решения, подразумевающего оценку судьей законности производства по уголовному делу.

Возможное влияние предварительной оценки доводов кассационной жалобы на ее последующее разрешение отметил и Пленум Верховного Суда в п. 19 постановления от 28 января 2014 г. «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции»¹. Согласно данному толкованию судья, принявший решение о передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании, вправе докладывать уголовное дело, если он не является членом президиума и в силу этого не принимает участия в заседании.

Тем не менее законодатель не предусмотрел всех возможных последствий участия судьи в процессе. Решение об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании может стать окончательным в силу ст. 401¹⁷ УПК РФ, которая не допускает внесения повторной жалобы по тем же правовым основаниям теми же лицами в тот же суд. В случае же кассационного обжалования приговора одним осужденным другой, признанный соучастником преступления, не лишается этого права. Обжалование приговора в надзорную инстанцию подобным образом не ограничивается. В результате судья может отказать в передаче для рассмотрения жалобы одного из осужденных по делу и в то же время участвовать в вынесении решения по жалобе другого осужденного по этому же делу, по сути, повторно оценивая одни и те же факты.

Этот вопрос неоднократно обсуждался Конституционным Судом РФ, что свидетельствует о нечеткости формулировок законодательства.

В своих решениях Конституционный Суд последовательно подтверждает позицию об ограничении участия судьи в производстве ранее данной им оценкой об-

¹ О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 2 (с изм. от 3 марта 2015 г.) // Рос. газ. 2014. 7 февр.

стоятельств по делу. Причем в некоторых случаях Конституционный Суд прямо допустил повторное участие судьи кассационной инстанции в производстве по уголовному делу, как было, например, по жалобе С. В. Мозгова¹. Первый раз приговор в отношении него был отменен кассационной инстанцией, поскольку дело рассматривалось незаконным составом суда – присяжными, не зарегистрированными в списках избирателей. Кассационную жалобу на новый приговор суда первой инстанции рассматривали судьи, отменившие первоначальный (двое из трех). Аналогичное решение было принято и по жалобе А. В. Самаева².

Конституционный Суд допустил повторное участие судей в производстве по уголовному делу, поскольку в новой кассационной жалобе были поставлены вопросы, которые не затрагивались ранее судьями этого уровня, а в первом случае кассационного рассмотрения выводы по существу приговора и поступивших жалоб не делались.

Неоднократно толкуя значение оспариваемой ст. 63 УПК РФ, Конституционный Суд ссылается на свои постановления от 2 июля 1998 г. № 20-П³ и от 23 марта 1999 г. № 5-П⁴, принятые до вступления в законную силу действующего уголовно-процессуального закона. В них рассматриваются вопросы обжалования действий и решений следователя, прокурора в суд, а также промежуточных судебных решений в вышестоящие инстанции.

В частности, в постановлении от 2 июля 1998 г. № 20-П отмечено, что целью норм УПК РСФСР, ограничивающих обжалование в кассационном порядке большинства промежуточных решений до окончания рассмотрения уголовного дела по существу, было обеспечение независимости и беспристрастности судов. Пытаясь отказаться от этой изначальной позиции законодателя, Конституционный Суд предпринял попытку разграничить процессуальные вопросы производства по уголовному делу на касающиеся и не касающиеся существа этого дела, не находящиеся в прямой связи с выводами, отражающимися в приговоре или ином итоговом решении. Однако представляется, что взаимосвязь исследуемых судом фактов с вопросами, разрешаемыми при постановлении приговора (ст. 299 УПК РФ) необходимо устанавливать по каждому уголовному делу. Это индивидуальные признаки производства, они не могут лежать в основе универсального правила.

Не прошло, например, проверки временем утверждение, что определение (постановление) об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу не может

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мозгова Станислава Викторовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 1 ноября 2007 г. № 799-О-О (документ не опубликован) // Законодательная база Российской Федерации. URL: <http://zakonbase.ru/content/base/130210> (дата обращения: 03.08.2017).

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Самаева Андрея Васильевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 1 ноября 2007 г. № 800-О-О (документ не опубликован) // Законодательная база Российской Федерации. URL: <http://zakonbase.ru/content/base/130210> (дата обращения: 03.08.2017).

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 1998 г. № 20-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан // Вестн. Конституционного Суда РФ. 1998. № 2.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П по делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В. К. Борисова, Б. А. Кехмана, В. И. Монастырцекого, Д. И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком» // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1749.

быть связано с вопросами приговора. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 19 декабря 2013 г. № 41 перечислил материалы, подтверждающие наличие оснований и условий для применения конкретной меры пресечения¹. Среди них есть и постановление о возбуждении уголовного дела, и копия постановления о привлечении в качестве обвиняемого, да и сам вопрос о причастности лица к совершению конкретного преступления, думается, нельзя признать совершенно не связанным с выводом о его виновности. Косвенно об этом свидетельствует попытка законодателя ввести запрет на рассмотрение уголовного дела по существу судьей, решавшим по данному делу вопрос о применении меры пресечения. Эта норма существовала в УПК РФ (ч. 2 ст. 63) с момента его принятия, но была отменена 29 мая 2002 г.², т. е. еще до вступления Уголовно-процессуального кодекса в действие с 1 июля 2002 г.³

Однако этот же подход (разделение вопросов) обнаруживается и при допуске повторного участия судьи в производстве по уголовному делу в кассационной и надзорной инстанциях. По мнению Конституционного Суда, кассационное определение, которым был отменен приговор в связи с нарушениями уголовно-процессуального закона, не может предопределять последующую оценку законности, обоснованности и справедливости приговора, вновь вынесенного по этому же делу и обжалованному в кассационном порядке. Это утверждение представляется не совсем верным, поскольку, как показывает практика, обжалуя приговор, заинтересованные лица указывают в жалобе не только все допущенные, по их мнению, нарушения уголовно-процессуального закона, но и другие спорные моменты содержания вынесенного решения. Да и сами по себе основания отмены приговора нередко бывают тесно взаимосвязаны между собой логически.

В 2008 г. в Конституционный Суд поступила жалоба Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина А. А. Торкова ч. 2 ст. 63 УПК РФ⁴. Решения по его кассационной и надзорной жалобам принимались судьями, выносившими ранее определения по делу. Причем рассматривались вопросы применения как уголовно-процессуального, так и материального закона. И снова Конституционный Суд рассматривал очередную жалобу на несоответствие Конституции РФ ч. 2 ст. 63 УПК РФ, ссылаясь на свои постановления 1998 и 1999 гг. Очевидно, что данное толкование не решает правоприменительной проблемы, поэтому приходится рассматривать применение спорных норм уголовно-процессуального законодательства в каждом конкретном случае, которые на практике повторяются с завидной регулярностью.

Как представляется, ценность упомянутых постановлений не в попытке оправдать повторное участие судей в производстве по делу, а в определении объективности, справедливости и беспристрастности судьи невозможностью оценки им своих же

¹ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (с изм. от 24 мая 2016 г.) // Рос. газ. 2013. 27 дек.

² О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ // Рос. газ. 2002. 1 июня.

³ О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ (с изм. от 23 июня 2016 г.) // Рос. газ. 2001. 22 дек.

⁴ По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина Торкова Андрея Авенировича частью второй статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 17 июня 2008 г. № 733-О-П (документ не опубликован) // Законодательная база Российской Федерации. URL: <http://zakonbase.ru/content/base/130210> (дата обращения: 03.08.2017).

выводов по делу. Очевидно, что это положение должно стать основным содержанием ст. 63 УПК РФ, поскольку все остальные признаки повторного участия в производстве по делу, которые указаны в ее действующей редакции, – лишь частные проявления, ограничивающие применение общего правила. Во взаимосвязи с этой общей статьей необходимо уточнить и содержание ст. 401¹² и 412¹⁰ УПК РФ. Нельзя ограничивать повторное участие судьи в процессе по делу только фактом направления им жалобы на рассмотрение в судебном заседании. Думается, что определенное мнение судьи складывается и в случае отказа в производстве по ней. Тем более что на практике это учитывается.

Так, судья Верховного суда Республики Башкортостан Ю. 3 июня 2010 г. рассмотрел надзорную жалобу Шаехова (в порядке ст. 407 УПК РФ), высказав при этом свое мнение о допустимости исследованных в судебном заседании доказательств, доказанности вины осужденного, правильности квалификации его действий и справедливости назначенного ему наказания, и отказал в дальнейшем производстве по ней. Впоследствии, 27 ноября 2013 г. этот же судья принял участие в заседании президиума Верховного суда Республики Башкортостан, предметом разбирательства которого были доводы осужденного Шаехова о недоказанности его вины, переквалификации его действий и суровости назначенного ему наказания.

Судебной коллегией по уголовным делам в порядке гл. 47¹ УПК РФ определение было отменено в связи с тем, что разрешение судьей Ю. надзорной жалобы осужденного Шаехова исключало его участие в последующем в составе президиума Верховного суда Республики Башкортостан при рассмотрении его же доводов по уголовному делу, вновь ставших предметом разбирательства суда надзорной инстанции¹.

Подобное применение норм ст. 401¹³ и 412¹⁰ УПК РФ свидетельствует о том, что их надо уточнять, как надо расширять и содержание ст. 63 УПК РФ, согласовывая его с общеизвестной правовой аксиомой о недопустимости быть судьей в своем деле. Действие этого правила можно было бы конкретизировать в специальных нормах, регулирующих осуществление функций судебного контроля и правосудия. Скорее всего, уточнение признаков повторного участия судьи в производстве по уголовному делу приведет к организационным проблемам судебной системы. Представляется, что стремление их избежать – одна из причин признания оспариваемой ч. 2 ст. 63 УПК РФ Конституционным Судом не противоречащей Конституции РФ. При этом, толкуя эту норму с довольно категоричным содержанием расширительно, Конституционный Суд не только выходит за рамки своих полномочий, но и формулирует правила, противоречащие положениям законодательства, усложняя правоприменение.

Пока эта проблема не разрешена, можно отметить случаи повторного участия судьи в уголовном деле, связанные как с решением вопроса о причастности лица к совершению преступления, так и с квалификацией деяния. Это может произойти:

при осуществлении судьей досудебного контроля по уголовному делу и последующем его рассмотрении по существу;

в суде первой инстанции при рассмотрении по существу основного и выделенного из него уголовных дел;

при поступлении нескольких жалоб в суд кассационной или надзорной инстанции по одному и тому же делу либо при повторном обжаловании в порядке надзора, если в рассмотрении предыдущей жалобы было отказано.

¹ Определение суда кассационной инстанции Верховного Суда РФ от 20 февраля 2015 г. по делу № 49-УД14-35 // Сайт Верховного Суда РФ. URL: http://www.vsr.ru/stor_pdf.php?id=1236342 (дата обращения: 03.08.2017).

Исключить такую возможность при обжаловании судебного решения могли бы изменения, предлагаемые проектом, внесенным постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 13 июля 2017 г. № 28¹, предусматривающим создание окружных апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, и только в том случае, если будет обеспечена территориальная автономия судей, рассматривающих соответствующие жалобы.

Библиография

Давыдова М. Л. Правовые аксиомы как средство юридической техники // Вестн. ВолГУ. Сер. 9. Вып. 6. 2007.

Кабаченко В. Я. Мифы, символы, системы. Законы взаимодействия. М., 2010.

Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

Новикова Ю. Г. Особенности уголовного судопроизводства по делам о взаимосвязанных преступлениях: моногр. Екатеринбург, 2005.

О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ (с изм. от 23 июня 2016 г.) // Рос. газ. 2001. 22 дек.

О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального конституционного закона «О внесении изменений в федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 июля 2017 г. № 28 (документ не опубликован) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/law/review/106958261.html>.

О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ // Рос. газ. 2002. 1 июня.

О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (с изм. от 24 мая 2016 г.) // Рос. газ. 2013. 27 дек.

О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 2 (с изм. от 3 марта 2015 г.) // Рос. газ. 2014. 7 февр.

Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мозгова Станислава Викторовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 1 ноября 2007 г. № 799-О-О (документ не опубликован) // Законодательная база Российской Федерации. URL: <http://zakonbase.ru/content/base/130210>.

Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Самаева Андрея Васильевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 1 ноября 2007 г. № 800-О-О (документ не опубликован) // Законодательная база Российской Федерации. URL: <http://zakonbase.ru/content/base/130210>.

Определение Конституционного Суда РФ от 17 июня 2008 г. № 733-О-П по жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина Торкова Андрея Авенировича частью второй статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (документ не опубликован) // Законодательная база Российской Федерации. URL: <http://zakonbase.ru/content/base/130210>.

Определение суда кассационной инстанции Верховного Суда РФ от 20 февраля 2015 г. по делу № 49-УД14-35 // Сайт Верховного Суда РФ. URL: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=1236342.

Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 1998 г. № 20-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан // Вестн. Конституционного Суда РФ. 1998. № 2.

¹ О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального конституционного закона «О внесении изменений в федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 июля 2017 г. № 28 (документ не опубликован) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/law/review/106958261.html> (дата обращения: 03.09.2017).

Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П по делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В. К. Борисова, Б. А. Кехмана, В. И. Монастырецкого, Д. И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком» // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1749.

Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 4 июня 2014 г. № 77-П14 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2014. № 10.

Уголовное дело № 44у14-276 // Архив Свердловского областного суда.

Bibliography

Davydova M. L. Pravovye aksiomy kak sredstvo yuridicheskoy tekhniki // Vestn. VolGU. Ser. 9. Vyp. 6. 2007.

Kabachenko V. Ya. Mify, simvol, sistemy. Zakony vzaimodejstviya. M., 2010.

Mezhdunarodnyy pakt o grazhdanskix i politicheskix pravax: prinyat 16 dekabrya 1966 g. Rezolyuciej 2200 (XXI) na 1496-m plenarnom zasedanii General'noj Assamblei OON // Vedomosti Verxovnogo Soveta SSSR. 1976. № 17. St. 291.

Novikova Yu. G. Osobennosti ugolovnogo sudoproizvodstva po delam o vzaimosvyazannyx prestupleniyax: monogr. Ekaterinburg, 2005.

O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva o merax presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu, domashnego aresta i zaloga: postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 19 dekabrya 2013 g. № 41 (s izm. ot 24 maya 2016 g.) // Ros. gaz. 2013. 27 dek.

O primenении norm glavy 47.1 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii, reguliruyushhix proizvodstvo v sude kassacionnoj instancii: postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 28 yanvarya 2014 g. № 2 (s izm. ot 3 marta 2015 g.) // Ros. gaz. 2014. 7 fevr.

O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 29 maya 2002 g. № 58-FZ // Ros. gaz. 2002. 1 iyunya.

O vnesenii v Gosudarstvennyy Dumu Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii proekta federal'nogo konstitucionnogo zakona «O vnesenii izmenenij v federal'nye konstitucionnye zakony v svyazi s sozdaniem kassacionnyx sudov obshhej yurisdikcii i apellyacionnyx sudov obshhej yurisdikcii»: postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 13 iyulya 2017 g. № 28 (dokument ne opublikovan) // SPS «Konsul'tantPlyus». URL: <http://www.consultant.ru/law/review/106958261.html>.

O vvedenii v dejstvie Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 18 dekabrya 2001 g. № 177-FZ (s izm. ot 23 iyunya 2016 g.) // Ros. gaz. 2001. 22 dek.

Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Mozgova Stanislava Viktorovicha na narushenie ego konstitucionnyx prav chast'yu vtoroj stat'i 63 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 1 noyabrya 2007 g. № 799-O-O (dokument ne opublikovan) // Zakonodatel'naya baza Rossijskoj Federacii. URL: <http://zakonbase.ru/content/base/130210>.

Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Samaeva Andrey Vasil'evicha na narushenie ego konstitucionnyx prav chast'yu vtoroj stat'i 63 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 1 noyabrya 2007 g. № 800-O-O (dokument ne opublikovan) // Zakonodatel'naya baza Rossijskoj Federacii. URL: <http://zakonbase.ru/content/base/130210>.

Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 17 iyunya 2008 g. № 733-O-P po zhalobe Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii na narushenie konstitucionnyx prav grazhdanina Torkova Andrey Avenirovicha chast'yu vtoroj stat'i 63 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii (dokument ne opublikovan) // Zakonodatel'naya baza Rossijskoj Federacii. URL: <http://zakonbase.ru/content/base/130210>.

Opredelenie suda kassacionnoj instancii Verxovnogo Suda RF ot 20 fevralya 2015 g. po delu № 49-UD14-35 // Sajt Verxovnogo Suda RF. URL: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=1236342.

Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 2 iyulya 1998 g. № 20-P po delu o provere konstitucionnosti otdel'nyx polozhenij statej 331 i 464 Ugolovno-processual'nogo kodeksa RSFSR v svyazi s zhalobami ryada grazhdan // Vestn. Konstitucionnogo Suda RF. 1998. № 2.

Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 23 marta 1999 g. № 5-P po delu o provere konstitucionnosti polozhenij stat'i 133, chasti pervoj stat'i 218 i stat'i 220 Ugolovno-processual'nogo kodeksa RSFSR v svyazi s zhalobami grazhdan V. K. Borisova, B. A. Kexmana, V. I. Monastyreckogo, D. I. Fuflygina i obshhestva s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Monokom» // SZ RF. 1999. № 14. St. 1749.

Postanovlenie Prezidiuma Verxovnogo Suda RF ot 4 iyunya 2014 g. № 77-P14 // Byul. Verxovnogo Suda RF. 2014. № 10.

Уголовное дело № 44у14-276 // Архив Свердловского областного суда.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОВТОРНОЙ ОЦЕНКИ ФАКТИЧЕСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ

Смахтин Евгений Владимирович

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Института государства и права Тюменского государственного университета (Тюмень), e-mail: smaxt@yandex.ru

Везденев Константин Евгеньевич

Федеральный судья Центрального районного суда г. Тюмени, аспирант кафедры уголовного права и процесса Института государства и права Тюменского государственного университета (Тюмень), e-mail: smaxt@yandex.ru

Статья посвящена анализу практики рассмотрения судами приговоров и иных обжалуемых решений в апелляционном порядке. Авторами сделан вывод о необходимости внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство, разрешающих не возбуждать апелляционное производство в случае обнаружения технических ошибок, не влияющих на суть принятого судом в первой инстанции решения.

Ключевые слова: приговор, обжалование, существенное нарушение, неправильное применение, техническая погрешность, апелляционная инстанция

SOME QUESTIONS OF RE-ASSESSMENT OF ACTUAL CIRCUMSTANCES OF THE CASE IN THE COURT OF APPEAL

Smakhtin Evgeny

Tyumen State University (Tyumen), e-mail: smaxt@yandex.ru

Vezdenev Konstantin

Central District Court of Tyumen, Tyumen State University (Tyumen), e-mail: smaxt@yandex.ru

The article analyzes the practice of courts' consideration of verdicts and other contested decisions on appeal. The authors conclude that it is necessary to amend the criminal procedural legislation. The changes should allow not to initiate appeal proceedings if there are technical errors that do not affect the essence of the decision taken by the court in the first instance.

Key words: verdict, appeal, significant breach, misapplication, technical error, court of appeal

С 1 января 2013 г. вступил в силу Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ, которым введена в действие гл. 45¹ Уголовно-процессуального кодекса РФ, посвященная апелляционному производству¹.

Нельзя сказать, что принятие этого Закона стало неожиданностью для теоретиков и практиков. Прежде всего потому, что право на проверку вышестоящим судом доводов участников уголовного судопроизводства давно предусмотрено п. 5 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 2 Протокола № 7

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ // Рос. газ. 2010. 31 дек.

к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, чч. 1, 2 ст. 46 и ч. 3 ст. 50 Конституции РФ. Не менее важно, что с завидной периодичностью Конституционный Суд РФ подтверждает приверженность этим важным постулатам современного уголовного судопроизводства¹.

Серьезное внимание исследованию упомянутых международно-правовых норм и Конституции РФ в контексте реформ уголовного судопроизводства уделялось ведущими учеными-процессуалистами как до вступления в действие анализируемого Федерального закона², так и после³. Со всей очевидностью констатировалось, что в апелляционной инстанции судебный акт может быть проверен относительно правильности установления фактических обстоятельств дела⁴.

Очевидно, суть апелляционного производства, основная идея, содержащаяся в нормах этой главы кодекса, заключается в возможности проверки законности, обоснованности и справедливости решения суда первой инстанции, не вступившего в законную силу. По смыслу закона апелляционное производство предполагает не формальную проверку, а возможность повторного исследования доказательств. Причем законом предусмотрена возможность не только проверки имеющихся доказательств, но и предоставления дополнительных материалов. Вместе с тем законодатель делает некоторые оговорки относительно порядка рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции (ст. 389¹³ УПК РФ), которые оставляют на усмотрение суда возможность вызова и допроса в суде апелляционной инстанции свидетелей. Необходимость исследования доказательств, в том числе тех, которые не были исследованы судом первой инстанции (новых доказательств), также определяется судом на основании ходатайств сторон.

Непосредственно после вступления в действие упомянутого Закона уже в традициях российского законодателя в него начали вноситься изменения и дополнения. В частности, Федеральным законом от 23 июля 2017 г. № 217-ФЗ была введена ч. 6¹ ст. 389¹³ УПК РФ. В этой новелле делалась еще одна «оговорка» по поводу новых доказательств. Она сводилась к тому, что новые доказательства принимаются судом только в том случае, если лицо, заявившее ходатайство об их исследовании, обосновало невозможность их представления в суд первой инстанции.

Таким образом, на наш взгляд, законодатель обозначил предмет апелляционного производства, фактически оставив установление его пределов на усмотрение суда.

Большое количество внутренних противоречий в гл. 45¹ Уголовно-процессуального кодекса потребовало исторического сравнительно-правового анализа апелляционного производства в России. Сравнение действующих норм, регламентирующих рассмотрение дела в суде апелляционной инстанции, с аналогичными нормами, содержащимися, например, в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., привело к пониманию того, что аргументы как противников, так и сторонников апелляции,

¹ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2017 г. № 21-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 260 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Савченко // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.07.2017).

² Муратова Н. Г. Проблемы новой (повторной) оценки фактических обстоятельств дела в суде кассационной и апелляционной инстанций // Вестн. Оренбургского гос. ун-та. 2004. № 3. С. 45–50; Воскобитова Л. А. Основания отмены или изменения приговора в апелляционной инстанции // Lex Russica. 2012. № 5. С. 988–989.

³ Воскобитова Л. А. Конституционные основы апелляции в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы рос. права. 2013. № 12. С. 1619–1624.

⁴ Там же.

приведенные более 150 лет назад, сохраняют актуальность и в настоящее время¹. Более глубокий сравнительно-правовой анализ касался нарушений уголовно-процессуального и уголовного законов, неустраняемых в суде апелляционной инстанции. Прежде всего речь шла о нарушении фундаментальных основ уголовного судопроизводства². Детальное рассмотрение предмета производства по уголовным делам в суде апелляционной инстанции осуществлялось и на уровне диссертационных исследований³. Большой интерес вызывают публикации, в которых содержатся конкретные примеры из практики работы апелляционной инстанции⁴.

Обобщение теории и практики производства в суде апелляционной инстанции показало, что процедура обжалования судебных решений, в том числе приговоров, не вступивших в законную силу, является в настоящее время одной из ключевых стадий уголовного судопроизводства, соответствующей демократическим международно-правовым стандартам.

Так, при несогласии с содержанием судебного решения каждая из сторон может воспользоваться своим правом апелляционного обжалования не вступившего в законную силу решения суда и передать уголовное дело на рассмотрение вышестоящей судебной инстанции. Данное право гарантирует, что судебные решения, которые стороны сочтут незаконными, необоснованными и несправедливыми, будут проверены судьями вышестоящей инстанции, а в случае подтверждения доводов сторон о наличии в решении нарушений уголовного или уголовно-процессуального закона они будут устранены путем внесения изменений в обжалуемое решение либо путем его отмены. При наличии грубых нарушений закона в адрес судьи, постановившего незаконный или необоснованный приговор, может быть вынесено частное постановление или определение.

Анализируемая стадия уголовного судопроизводства способствует повышению качества работы судов первой инстанции, приводит к улучшению контроля за содержанием подготавливаемых и подписываемых судьями уголовно-процессуальных документов, а в итоге ведет к реализации назначения уголовного судопроизводства.

Следует отметить, что законодатель достаточно детально подходит к установлению возможности изменения или отмены судебного решения, не вступившего в законную силу. Так, важными основаниями для его отмены или изменения согласно пп. 2 и 3 ст. 389¹⁵ УПК РФ являются существенные нарушения уголовно-процессуального закона и неправильное применение уголовного закона.

¹ Матейчук В. И. Апелляционное производство в системе уголовного судопроизводства // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2015. № 4. Право. Вып. 41. С. 133–138.

² Борисевич Г. Я. Нарушения уголовно-процессуального и (или) уголовного законов, неустраняемые в суде апелляционной инстанции // Актуальные проблемы рос. права. 2014. № 11. С. 2436–2442.

³ Ринчинов Б. А. Производство по уголовным делам в суде апелляционной инстанции в период судебной реформы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013; Комогорцева К. А. Рассмотрение уголовных дел в апелляционном порядке по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

⁴ Качалов В. И. Уголовно-процессуальные особенности апелляционного пересмотра судебных решений, принятых в ходе исполнения приговора // Вестн. Томского гос. ун-та. 2017. № 417. С. 195–202; Кудрявцева А. В., Смирнов В. П. Решения, принимаемые судом апелляционной инстанции // Уголовный процесс. 2013. № 7. С. 28; Османов Т. С. Основания отмены или изменения судебных решений по уголовным делам в порядке надзора // Рос. судья. 2010. № 12. С. 12–26; Шулинина Н. Ю. О некоторых проблемах апелляционного пересмотра промежуточных судебных решений по уголовным делам // Сибирский юрид. вестн. 2013. № 1. С. 109–117.

Не вдаваясь в детали, вернемся к тезису о том, что законодатель достаточно расплывчато установил пределы апелляционного производства, оставив решение этого вопроса на усмотрение суда. Это привело к научной дискуссии по вопросу о самой возможности определения существенности либо несущественности нарушения, а также о том, что следует понимать под проверкой судебного решения, а что – под пересмотром. В анализируемой главе законодатель использует термины «проверка» и «рассмотрение». Очевидно, что даже этимологически эти слова различны. По мнению практиков, проверка каких-либо обстоятельств, указанных в апелляционной жалобе (представлении), вовсе не предполагает исследования доказательств. Напротив, рассмотрение уголовного дела в апелляционном производстве по правилам, предусмотренным гл. 35–39 УПК РФ, регламентирующими общие условия судебного разбирательства, предполагает полную ревизию состоявшегося судебного решения, так называемую полную апелляцию. Соответственно в первом случае можно вести речь о «неполной апелляции»¹.

Нетрудно догадаться, по какому пути пошел правоприменитель. В большинстве случаев заявленные ходатайства сторон о вызове свидетелей, исследовании доказательств, в том числе новых, судом отклоняются, решения, принятые судом первой инстанции, остаются без изменения, а апелляционные жалобы – без удовлетворения. Кстати, с апелляционными представлениями прокурора дело обстоит несколько лучше. Но фактически рассмотрение дел в апелляционной инстанции сегодня поставлено «на поток», т. е. рассмотрение осуществляется в виде так называемой неполной апелляции. Происходит это именно потому, что решение данного вопроса является исключительной прерогативой суда. Сложившуюся ситуацию практические работники объясняют загруженностью апелляционной инстанции из-за большого количества обжалуемых судебных решений.

Вместе с тем нередки случаи, когда основаниями для применения положений ст. 389¹⁵ УПК РФ становились технические ошибки, выразившиеся, например, в неправильном написании фамилии, имени, отчества или инициалов подсудимого, при условии что его личность в судебном заседании была установлена. Порой встречаются и трагикомичные ситуации, когда фамилия подсудимого, личность которого была установлена в судебном заседании, в приговоре изменялась несколько раз или склонялась поочередно в мужском и женском роде. Безусловно, упомянутые случаи являются нарушениями закона, которым не может быть места в таком важном и значимом документе уголовного судопроизводства, как приговор суда.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре»² определяет значение судебного приговора как важнейшего акта правосудия и обязывает суды неукоснительно соблюдать требования законодательства, предъявляемые к приговору. В п. 1 постановления указано, что приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым и признается таковым, если он соответствует требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к его содержанию, процессуальной форме и порядку постановления, а также основан на правильном применении уголовного закона.

Судья, определяя в своем решении меру и степень наказания виновного, в том числе отправляя осужденных лиц на длительный срок лишения свободы в исправи-

¹ См., например: Мазина Н. Н. Апелляционное производство в уголовном процессе России: коллизии предмета и пределов проверки // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 4. С. 267–271.

² Рос. газ. 2016. 7 дек.

тельные колонии, должен сам быть примером добросовестного отношения к служебным обязанностям и выверять каждое слово в решении.

В то же время, как уже отмечалось, в практической деятельности нередко возникают ситуации, когда допущенные нарушения носят незначительный характер, являясь технической ошибкой, не влияющей на выводы суда о доказанности вины, квалификации действий, наказании виновного и т. п. Полагаем, что исправление подобных ошибок возможно в более простой и удобной для сторон форме, чем апелляционное судопроизводство. Вряд ли для участвующих в уголовном деле лиц имеет принципиальное значение, какой именно суд, первой или апелляционной инстанции, исправит допущенную ошибку, которая не изменит по существу принятого решения.

При этом значительно большее значение имеют сроки устранения допущенных ошибок, что влияет на вступление в законную силу и исполнение приговора суда.

Так, по одному из уголовных дел в резолютивной части приговора ошибочно не было сказано о возвращении суммы залога как меры пресечения лицу, внесшему данные денежные средства на депозитный счет. Решение суда апелляционной инстанции было очевидным и указывало на необходимость возврата залога залогодателя, но установленная уголовно-процессуальным законодательством процедура апелляционного обжалования и последующего исполнения приговора привела к тому, что фактически сумма залога была возвращена спустя длительное время.

В законодательстве Российской Федерации есть примеры рационального подхода к обжалованию судебных решений в подобных ситуациях. Так, ст. 29.12.1 КоАП РФ позволяет суду, вынесшему постановление, определение по делу об административном правонарушении, по заявлению лиц, указанных в ст. 25.1–25.5.1, 25.11, или по своей инициативе исправить допущенные в постановлении, определении опiski, опечатки и арифметические ошибки без изменения содержания постановления, определения. Статьей 202 ГПК РФ суду предоставлено право в случае неясности решения по заявлению лиц разъяснить его, не изменяя содержания. Таким образом, суд вправе исправлять допущенные ошибки, не влияющие на суть принятого решения.

Нормы уголовно-процессуального законодательства не содержат подобного аналога, что является одной из дискуссионных тем. Мы полагаем возможным внесение соответствующих изменений в УПК РФ в целях совершенствования как производства в суде первой инстанции, так и апелляционного судопроизводства. Подчеркнем, речь идет только о тех изменениях, которые не влияют на суть решения. Например, судья в приговоре неправильно указал дату составления протокола следственного действия, заключения судебной экспертизы на досудебной стадии. В случае обжалования сначала стороны в соответствии с требованиями УПК РФ будут извещены о поступивших жалобах и представлениях, затем будет определен срок на внесение возражений сторон, в дальнейшем возможно внесение дополнений к ранее поступившим жалобам и представлениям, по каждому из которых, в свою очередь, необходимо также предоставлять сторонам время для ознакомления и внесения возражений. Только после этого уголовное дело будет направлено на рассмотрение суда апелляционной инстанции, который в установленный срок примет по нему решение, направив уголовное дело для исполнения в соответствующий районный суд, ранее принявший решение по существу. Подобная процедура, как правило, занимает два-три месяца (с момента оглашения приговора до его вступления в законную силу после вынесения апелляционного определения или постановления), а иногда и больше.

Необходимо отметить, что в период апелляционного обжалования вплоть до момента исполнения приговора, т. е. в течение довольно длительного времени, некоторые участники уголовного процесса либо ущемлены в своих правах, либо не могут их реализовать:

подсудимые, находящиеся в следственных изоляторах, не могут быть отправлены для отбывания наказания в исправительную колонию или колонию-поселение, что явно ухудшает их положение, так как условия содержания в следственном изоляторе, как правило, являются более тяжелыми, чем в исправительной колонии или тем более в колонии-поселении;

потерпевшие, заявившие гражданские иски, не имеют возможности получить исполнительные листы и реализовать свое право на возмещение нанесенного им вреда.

При этом в рассматриваемом примере не затрагивается сама суть судебного решения, так как стороны не касаются таких принципиально важных вопросов, о которых упоминалось ранее: доказанность вины, квалификация действий подсудимого, справедливость назначенного ему наказания.

В ряде случаев аналогичные жалобы и представления вносятся по таким вопросам, как судьба вещественных доказательств, зачет в срок отбытого наказания времени содержания подсудимого под стражей по настоящему уголовному делу или по другим приговорам, правильность взыскания процессуальных издержек и т. п.

Полагаем, что и в этих случаях, и в ряде других, исчерпывающий перечень которых может быть в последующем разработан, возможно законодательно предоставить право судье, вынесшему приговор, по письменному заявлению одной из сторон рассмотреть вопрос о внесении в приговор изменений, не влияющих на его содержание по существу.

Механизм рассмотрения подобных заявлений о внесении изменений в приговор может быть аналогичным алгоритму обжалования сторонами содержания протокола судебного заседания, возможность которого предусмотрена ст. 260 УПК РФ. Подобные замечания на протокол рассматриваются председательствующим незамедлительно. В необходимых случаях председательствующий вправе вызвать лиц, подавших замечания, для уточнения их содержания. По результатам рассмотрения замечаний председательствующий выносит постановление об удостоверении их правильности либо об их отклонении. Замечания на протокол и постановление председательствующего приобщаются к протоколу судебного заседания.

Естественно, в этом случае за сторонами сохраняется право обжалования в апелляционном порядке постановления суда об исправлении допущенных в приговоре описок и опечаток, что также потребует незначительных изменений в УПК РФ.

Бесспорно, необходима строгая и детальная регламентация вопросов, которые можно рассматривать в указанном порядке. В противном случае неизбежно будет происходить злоупотребление правом и фактическая подмена суда апелляционной инстанции, когда судья, рассматривавший дело по существу, будет проверять и исправлять собственное решение, что исказит саму суть правосудия и будет противоречить принципам уголовного судопроизводства.

Целью введения данной новеллы должно быть:

упрощение процедуры обжалования судебных решений, имеющих технические погрешности, что соответствует требованиям ст. 6¹ УПК РФ и будет способствовать сокращению сроков уголовного судопроизводства по делам;

снижение нагрузки на апелляционную инстанцию, куда в настоящее время поступают все жалобы и представления на решения (приговоры, постановления) судов первой инстанции;

устранение формального подхода к внесению жалоб и возражений, когда стороны, обжалуя незначительное нарушение в приговоре, рассчитывают на то, что суд, удовлетворив их доводы, руководствуясь ч. 1 ст. 389¹⁹ УПК РФ, при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке не будет связан доводами апелляционной жалобы, представления, проверит производство по уголовному делу в полном объеме и найдет другие основания для изменения приговора.

Не секрет, что порой по многотомным делам с большим количеством подсудимых поступают апелляционные жалобы и представления государственных обвинителей, содержащие доводы, не затрагивающие квалификацию и наказание, но позволяющие, если апелляционная инстанция отменит или изменит приговор по другим основаниям, считать приговор соответственно отмененным или измененным, в том числе по доводам своей жалобы или представления. Такие случаи не редкость и легко объяснимы желанием формирования благоприятных статистических показателей о количестве рассмотренных уголовных дел в апелляционном порядке. Вряд ли подобные случаи можно считать соответствующими «букве и духу» уголовного судопроизводства.

Внесение предлагаемых изменений предопределил рассмотрение апелляционной инстанцией только тех жалоб и представлений, в которых ставятся вопросы об отмене либо изменении приговора вследствие допущенных существенных нарушений уголовно-процессуального закона, неправильного применения уголовного закона или несправедливости приговора.

Библиография

Борисевич Г. Я. Нарушения уголовно-процессуального и (или) уголовного законов, неустранимые в суде апелляционной инстанции // Актуальные проблемы рос. права. 2014. № 11.

Воскобитова Л. А. Конституционные основы апелляции в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы рос. права. 2013. № 12.

Воскобитова Л. А. Основания отмены или изменения приговора в апелляционной инстанции // Lex Russica. 2012. № 5.

Качалов В. И. Уголовно-процессуальные особенности апелляционного пересмотра судебных решений, принятых в ходе исполнения приговора // Вестн. Томского гос. ун-та. 2017. № 417.

Комогорцева К. А. Рассмотрение уголовных дел в апелляционном порядке по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

Кудрявцева А. В., Смирнов В. П. Решения, принимаемые судом апелляционной инстанции // Уголовный процесс. 2013. № 3.

Мазина Н. Н. Апелляционное производство в уголовном процессе России: коллизии предмета и пределов проверки // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 4.

Матейчук В. И. Апелляционное производство в системе уголовного судопроизводства // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2015. № 4. Право. Вып. 41.

Муратова Н. Г. Проблемы новой (повторной) оценки фактических обстоятельств дела в суде кассационной и апелляционной инстанций // Вестн. Оренбургского гос. ун-та. 2004. № 3.

О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ // Рос. газ. 2010. 31 дек.

О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 // Рос. газ. 2016. 7 дек.

Османов Т. С. Основания отмены или изменения судебных решений по уголовным делам в порядке надзора // Рос. судья. 2010. № 12.

Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2017 г. № 21-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 260 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Савченко // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

Ринчинов Б. А. Производство по уголовным делам в суде апелляционной инстанции в период судебно-правовой реформы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

Шулинина Н. Ю. О некоторых проблемах апелляционного пересмотра промежуточных судебных решений по уголовным делам // Сибирский юрид. вестн. 2013. № 1.

Bibliography

Borisevich G. Ya. Narusheniya ugodovno-processual'nogo i (ili) ugodovnogo zakonov, neustranimye v sude apellyacionnoj instancii // Aktual'nye problemy ros. prava. 2014. № 11.

Kachalov V. I. Ugodovno-processual'nye osobennosti apellyacionnogo peresmotra sudebnykh reshenij, prinyatykh v xode ispolneniya prigovora // Vestn. Tomskogo gos. un-ta. 2017. № 417.

Komogorceva K. A. Rassmotrenie ugodovnykh del v apellyacionnom poryadke po ugodovno-processual'nomu zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2013.

Kudryavceva A. V., Smirnov V. P. Resheniya, primimaemye sudom apellyacionnoj instancii // Ugodovnyj process. 2013. № 7.

Mateychuk V. I. Apellyacionnoe proizvodstvo v sisteme ugodovnogo sudoproizvodstva // Vestn. Chelyabinskogo gos. un-ta. 2015. № 4. Pravo. Vyp. 41.

Mazina N. N. Apellyacionnoe proizvodstvo v ugodovnom processe Rossii: kollizii predmeta i predelov proverki // Aktual'nye problemy ehkonomiki i prava. 2013. № 4.

Muratova N. G. Problemy novoj (povtornoj) ocenki fakticheskix obstoitel'stv dela v sude kassacionnoj i apellyacionnoj instancij // Vestn. Orenburgskogo gos. un-ta. 2004. № 3.

O sudebnom prigovore: postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 29 noyabrya 2016 g. № 55 // Ros. gaz. 2016. 7 dek.

O vnesenii izmenenij v Ugodovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii i priznanii utrativshimi silu otdel'nykh zakonodatel'nykh aktov (polozhenij zakonodatel'nykh aktov) Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 29 dekabrya 2010 g. № 433-FZ // Ros. gaz. 2010. 31 dek.

Osmanov T. S. Osnovaniya otmeny ili izmeneniya sudebnykh reshenij po ugodovnym delam v poryadke nadzora // Ros. sud'ya. 2010. № 12.

Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 14 iyulya 2017 g. № 21-P po delu o proverke konstitucionnosti chasti pervoj stat'i 260 Ugodovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanina E. V. Savchenko // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

Rinchinov B. A. Proizvodstvo po ugodovnym delam v sude apellyacionnoj instancii v period sudebno-pravovoj reformy: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2013.

Shulinina N. Yu. O nekotoryx problemax apellyacionnogo peresmotra promezhutochnyx sudebnykh reshenij po ugodovnym delam // Sibirskij yurid. vestn. 2013. № 1.

Voskobitova L. A. Konstitucionnye osnovy apellyacii v ugodovnom sudoproizvodstve // Aktual'nye problemy ros. prava. 2013. № 12.

Voskobitova L. A. Osnovaniya otmeny ili izmeneniya prigovora v apellyacionnoj instancii // Lex Russica. 2012. № 5.

**ИДЕИ ЧАСТНОГО ПРАВА
В НЕОКАНТИАНСКИХ ФИЛОСОФСКИХ ТЕЧЕНИЯХ
(А. ШОПЕНГАУЭР, Р. ШТАММЛЕР)****Семякин Михаил Николаевич**

Доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), e-mail: misha2008@uralweb.ru

В статье анализируется развитие идей И. Канта, в особенности в сфере частного права, в неокантианских учениях постклассического периода А. Шопенгауэра и известного представителя знаменитой Марбургской школы Р. Штаммлера, а также их философско-правовые выводы о закономерностях развития права, его соотношении с феноменами духовного и материального.

Ключевые слова: идеи, право, частное право, собственность, свобода личности, воля, неокантианство, течения, человек, познанная необходимость, причинность, общественные отношения, социальное регулирование, духовное, материальное

**THE CONCEPTS OF PRIVATE LAW IN NEO-KANTIAN PHILOSOPHY
(A. SCHOPENHAUER, R. STAMMLER)****Semyakin Michail**

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: misha2008@uralweb.ru

The author traces the development of I. Kant's concepts, particularly in private law sphere, in Neo-Kantian post-classical doctrines by A. Schopenhauer and R. Stammler, a well-known representative of the Marburg School. He also considers their philosophical and legal findings concerning the regularities in development of law and its correlation with spiritual and material realms.

Key words: ideas, law, private law, property, personal freedom, will, Neo-Kantianism, trend, human, known necessity, causality, public relations, social regulation, spiritual realm, material realm

Идеи Канта, в том числе в сфере частного права, получили неоднозначное отражение в трудах ряда немецких мыслителей XIX – начала XX в. Поскольку в основе частной собственности и соответственно частного права лежит свобода личности, свободное проявление ее воли, то именно эти начала имеют исходное значение для развития постклассических философских идей частного права в неокантианских учениях. Неокантианство в известной степени обязано своим успехом трудам известного немецкого философа А. Шопенгауэра (1788–1860).

Как полагал философ, «человек отличается от всех остальных проявлений воли тем, что свобода присуща только воле как вещи в себе...». Однако она «все-таки может присутствовать в человеке...». «В этом смысле, – подчеркивал мыслитель, – свободна не только воля в себе, но даже человек может быть назван свободным и этим признаваться отличающимся от всех других существ»¹.

Нет ли противоречия в приведенном суждении философа, когда он, с одной стороны, говорил о том, что свобода присуща только воле «как вещи в себе», т. е. суще-

¹ Шопенгауэр А. О четвертом корне закона достаточного основания. Мир как воля и представление. Т. 1: Критика кантовской философии. М., 1993. С. 171.

ству неразвитому, примитивному, а с другой – она (свобода) «все-таки может присутствовать в человеке», в этом смысле «человек может быть назван свободным» и тем самым отличаться «от всех других существ»?

Это кажущееся противоречие получило разрешение в последующих рассуждениях мыслителя. «Однако, – пояснял далее А. Шопенгауэр, – свобода воли как вещи в себе... никогда не переходит непосредственно на ее проявление... следовательно, не переходит... на личность. Личность никогда не свободна, хотя она – проявление свободной воли, поскольку она есть уже детерминированное проявление свободного воления этой воли...» Иначе говоря, это «свободное воление» уже само по себе не свободно в том смысле, что оно детерминировано (предопределено) иными причинно-следственными связями. Вот почему «личность никогда не свободна», хотя она и есть проявление «свободной воли».

Но можно ли в связи с этим говорить о проявлении «свободной воли» хотя бы в отдельных действиях личности? И здесь виден дуализм метода мышления, используемого А. Шопенгауэром. «Однако, – замечал философ, – так как все-таки это свободное воление есть то, что мы видим в личности и во всем ее поведении... то и каждое отдельное действие личности следует приписывать свободной воле...»; «поэтом... каждый считает себя а priori свободным и в отдельных действиях, в том смысле, будто он в каждом данном случае может совершить любой поступок...» Но на основе практики и эмпирического мышления, как считал А. Шопенгауэр, это не так, ибо «только а posteriori, исходя из опыта и размышления об опыте, он познает, что его поступки совершенно неизбежно проистекают из сочетания характера и мотивов». «Этим объясняется, что каждый примитивный человек, следуя своему чувству, горячо отстаивает свою полную свободу в отдельных поступках, тогда как великие мыслители всех времен, даже наиболее глубокие вероучения, отрицали ее»¹.

Из приведенных рассуждений А. Шопенгауэра следует, что представление о «полной свободе» – удел «примитивного человека», который воспринимает окружающее на уровне своих чувств, руководствуясь которыми он ратует за безграничную свободу собственных действий, прежде всего в частноправовой сфере, что противоречит истинному пониманию свободы человека, его поступков как познанной необходимости.

Однако наиболее тесная связь с исследованием права, в особенности частного права, наблюдается в трудах другого представителя неокантианского течения – одного из корифеев знаменитой Марбургской школы Р. Штаммлера, известного немецкого теоретика права и философа. Его перу принадлежит ряд работ, посвященных праву, в том числе частному праву, а также философии права: «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории» (1896), «Учение о правильном праве» (1902), «Сущность и задачи права и правоведения» (1906), «Теория правоведения» (1911), «Учебник философии права» (1922) и др.

Вслед за И. Кантом Р. Штаммлер полагал, что понятие нельзя вывести из разрозненных фактов правовой действительности методом индукции: «Понятие права не может быть установлено на основании наблюдения над отдельными случаями права». Право следует понимать как логическую данность, т. е. «общезначимые условия» общественной жизни людей². Р. Штаммлер использовал телеологический под-

¹ Шопенгауэр А. Указ. соч. С. 392.

² Марченко М. Н., Мачин И. Ф. История политических и правовых учений: учеб. М., 2005. С. 423.

ход (рассматривал социальные и правовые явления с позиции их целесообразности) к пониманию права.

В основополагающем труде «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории» с позиций так называемого юридического мировоззрения ученый, соглашаясь с рядом положений и выводов, содержащихся в марксистской концепции, вместе с тем критиковал ее за идеи, обосновывающие «экономический детерминизм» по отношению к праву, жесткую обусловленность права системой производственных отношений.

Находясь на материалистических позициях понимания исторического развития, Р. Штаммлер наряду с этим подчеркивал, что право занимает зависимое положение по отношению к социальному хозяйству. «Оно (право. – М. С.) занимает зависимое, служебное, подчиненное положение, иначе оно теряет всякий смысл. Общественное хозяйство обуславливает его и руководит им. Хозяйство, будучи материей социальной жизни, есть истинно реальное, действительная субстанция права. От особенностей хозяйственных условий зависят особенности обуславливаемого ими правового строя»¹. Существующий правовой строй «должен сообразовываться с человеческим духом».

Вместе с тем, как полагал ученый, «юриспруденция, преследуя свою особую и самостоятельную задачу, не имеет нужды принимать в соображение действительное конкретное приложение, которое получает данный правовой строй в социальной жизни. Сила ее доказательств при изложении содержания права и при конструкции его в его отдельных выражениях не зависит от того, какое употребление мы делаем из этого права в действительности и какие формы принимает в данном случае общественная жизнь»².

Иначе говоря, здесь Р. Штаммлер выразил мысль о том, что основные теоретические понятия (конструкции) права сохраняют свое постоянство и не зависят от конкретных случаев их применения на практике. «Постановления о частной собственности и о вытекающих из нее правах и обязанностях, о защите владения или ответственности продавца, учение о правах наследников... не нуждаются для доказательства своего конкретного существования (здесь и далее курсив автора. – М. С.) в указаниях на известные конкретные случаи, регулируемые ими. Изложение этих постановлений не предполагает известного способа их действительного приложения. Понятие собственности остается при неизменившемся праве то же самое, независимо от того, находятся ли объекты собственности в руках многих или нескольких. А доказательство того, что владелец может требовать в своем интересе охраны своего владения на основании действующего общего права, совершенно не зависит от числа случаев, в которых действительно возникает этот вопрос»³.

Говоря о зависимости права от социальной жизни, Р. Штаммлер в то же время обращал внимание на «независимость формального изучения права от действительного социального хозяйства». Так, «противоположность вещного и обязательственного права, надлежащая логическая концепция юридических личностей... залога по уставу гражданского судопроизводства... не зависят от вопроса о действительном ха-

¹ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории: Социально-философское исследование / пер. с нем. 2-е изд. М., 2010. С. 24.

² Там же. С. 149.

³ Там же.

рактуре социальной жизни» и фактического осуществления данного юридического регулирования¹.

Вместе с тем Р. Штаммлер предостерегал, что подобное представление «легко может привести исследователя права к попытке выйти по отношению к содержанию права за дозволенную границу и внушить исследователю иллюзию, что он может отделить содержание юридических определений от лежащей в основе и подлежащей регулированию материи». Именно это обстоятельство Р. Штаммлер рассматривал как причину «всех попыток найти в общеприложимой форме такие юридические теоремы, которые были бы независимы от сменяющегося исторического опыта». К такого рода теоретическим положениям Р. Штаммлер относил «теорему» исторической школы права, что законодатель не может воспрепятствовать образованию «обычного права», что возможность создавать посредством обычая «новое право» следует *a priori*. Сюда же относятся, по мнению ученого, «все рассуждения о связующей силе договоров, как и о безусловной необходимости частной собственности и несогласимости коммунистического общественного устройства с человеческой природой»².

Подобные попытки отыскания универсальных («вечных») юридических категорий и конструкций, которые не зависят от конкретных исторических периодов, Р. Штаммлер связывал с идеями Ульпиана о *ius natural*, естественном праве, «одинаковом для всех живых существ», которое римляне признавали равнозначным с *ius gentium*, правом народов. Р. Штаммлер вполне допускал параллельное существование двух систем права: естественного и «положительного» (действующего), – рассматривая первое в качестве «идеальной величины»; оно имеет значение для лиц, подчиняющихся праву, не как внешняя принудительная норма и не как руководство для органов исполнительной власти, а обращается к законодателю. Основное положение естественного права применительно к своему времени Р. Штаммлер характеризовал как «реставрированное обоснование принципа частной собственности, как она развивалась исторически»³.

Р. Штаммлер пришел к выводу о невозможности существования социальных отношений, изначально не урегулированных социальными нормами, в отличие «от простой механической причинности физиологических инстинктов». Как полагал ученый, «совершенно ошибочно думать, что во многих случаях существуют прежде всего известные „жизненные условия“, которые затем захватываются правом и превращаются во внешне-урегулированные отношения». По мысли Р. Штаммлера, основные принципы частного права (свобода передвижения, частная собственность, свобода договоров и наследования) выступают важнейшими регуляторами социальных отношений. «Отношения, которые завязывает индивидуум в принципиально свободном частном хозяйстве с другими, существуют именно в силу определенной правовой санкции и, как социальные отношения, находятся в полной зависимости от конкретного правового строя»⁴.

Здесь представляется необходимым обратить внимание также на то, что указанные социальные отношения, складывающиеся между конкретными субъектами в «принципиально свободном частном хозяйстве» и другими лицами, носят, по мнению Р. Штаммлера, зависимый (подчиненный) характер от права. Развивая эти мыс-

¹ Штаммлер Р. Указ. соч. С. 150–151.

² Там же. С. 151–152.

³ Там же. С. 156–157.

⁴ Там же. С. 175.

ли далее, ученый обосновывал положение о том, что человеческое общество не имеет особой *хозяйственной* жизни и отличного от нее *правового* существования: правовой и хозяйственный строй – «суть одно и то же». Всякая общественная хозяйственная жизнь необходимо есть *внешним образом урегулированное* сотрудничество индивидов. Регулирующая правовая форма в известном смысле может быть рассматриваема и сама по себе; регулируемая же материя (социальные хозяйственные отношения) не может подвергаться изучению в отрыве от ее правового регулирования «как основного условия».

Обсуждая проблему, касающуюся определения эквивалента (ценности) в меновых отношениях, Р. Штаммлер обращал внимание на то, что это связано с необходимостью уяснения отношений между людьми и с анализом их гармоничного образа действий, что возможно лишь в том случае, если мы будем исходить из определенного внешнего регулирования. «Попробуйте уничтожить частную собственность нашего современного правового строя и удалить мысленно возможность юридически-связующей меновой сделки, к выполнению которой договаривающийся обязуется существующими принудительными нормами, – и *ценность* в искомом смысле тоже потеряет всякое значение»¹.

По мнению Р. Штаммлера, методологически значимо обосновываемое им положение о том, что всякое социальное исследование имеет смысл, если оно рассматривается в необходимой зависимости «от *определенного внешнего регулирования* хозяйственной совместной деятельности». Так, понятие *капитала* и учение о нем предполагают с указанных позиций существование частной собственности отдельных лиц на средства производства. С устранением этого правового института утрачивает значение все, что было сказано о капиталистической форме социального хозяйства. В системе общественных отношений, основанных на *общей собственности* (коммунистическом обществе), должны быть выработаны «*по существу* совершенно иные основные понятия и правила, чем это может иметь место по отношению к обществу с принципиально свободной частной собственностью». Например, необходимо учитывать, что «*товаром* вещь становится только благодаря частной собственности и свободному обращению вещи в обмене»².

Развивая эти мысли далее, Р. Штаммлер обращал внимание на то, что вещь не может быть объектом потребления в социальном хозяйстве и, следовательно, объектом урегулированной совместной человеческой деятельности, не поступая в юридическое распоряжение какого-либо лица. Поэтому политико-экономическое исследование, стремящееся к познанию социального хозяйства известного круга людей, «возможно только при том условии, если оно исходит из особого социального регулирования» отношений, связанных с приобретением благ.

Поддерживая позицию К. Маркса в определении сущности «капитала», Р. Штаммлер полагал, что «нужен был только еще один шаг для того, чтобы привести в ясность основное условие *социального* познания вообще и признать таким необходимым условием *определенное внешнее регулирование* совместной человеческой жизни, при котором понятие капитала получает прочную основу и становится возможным объясняющее учение о нем»³. Исходя из этого, Р. Штаммлер критиковал известное положение, сформулированное К. Марксом, где он разделял, с одной стороны, сово-

¹ Штаммлер Р. Указ. соч. С. 182.

² Там же. С. 184–185.

³ Там же. С. 190.

купность производственных отношений как экономическую структуру общества, его экономический базис, а с другой – зиждящуюся на нем «юридическую надстройку». По мысли Р. Штаммлера, «это совершенно неверно, так как общественные производственные отношения вообще существуют не вне определенного правового регулирования. Они суть не что иное, как определенным образом рассматриваемое *правоотношение*, как *юридически-упорядоченные* отношения людей друг к другу»¹.

Опираясь на высказывание К. Маркса в его полемике с Прудоном о том, что производственные отношения – суть *отношения собственности* в известном реальном осуществлении, Штаммлер писал: «...представление об юридической надстройке, будто бы высящейся „над отношениями собственности“, падает само собой, так как всякое понятие о собственности предполагает создающую его правовую норму»².

Р. Штаммлер выступал против рассмотрения «хозяйства» и права как явлений, существующих параллельно, независимо друг от друга. В их логическом взаимоотношении речь, по мысли ученого, «может идти только о разграничении правила и регулируемой материи, формы и материи социальной жизни, для специального исследования форма и материя представляют «одно целое, регулируемую совместную деятельность»³.

«Правовой базис», полагал Р. Штаммлер, социально-экономически необходим не только для сношений между отдельными частными хозяйствами, но и для понимания их как социального явления «под условием определенного внешнего (правового. – М. С.) регулирования». В обоснование данной мысли Р. Штаммлер указывал на то, что уже «древнее меновое хозяйство вовсе не было, само по себе, естественным продуктом, а представлялось точно так же *урегулированным людьми* сотрудничеством. Оно опиралось на определенные правовые установления, в конечном счете на частную собственность и договор, и не может быть логически понято помимо этого регулирования хозяйственного совместного труда»⁴.

Рассуждая далее, Р. Штаммлер эмоционально замечал: «Допустите, что на место правовых установлений явились принципиально другие, и все теоремы, которые были вполне правильны при правовом строе с частной собственностью на средства производства, при противоположной социалистической системе теряют всякий смысл; они рушатся вместе с условием их права на существование, их истинности – определенным правовым регулированием социальной жизни»⁵.

Ученый доказывал, что нельзя установить отдельные «политико-экономические теоремы», которые были бы необходимы, «общеприложимы» и независимы от сменяющегося содержания особых правовых укладов. Так, «при правовом строе собственности на капитал, частного кредита, свободного договора о займе юридическое законодательство для того, чтобы достигнуть предусмотренного воздействия на подчиняющихся ему, должно разрешать и проценты, и притом, в возможно свободном размере». Резюмируя свои мысли по этому поводу, Р. Штаммлер заключал: «*Социальная закономерность и законосообразность регулирующей формы общественного существования людей, следовательно, одно и то же*»⁶.

¹ Штаммлер Р. Указ. соч. С. 190.

² Там же.

³ Там же. С. 193.

⁴ Там же. С. 197 (сноска 104).

⁵ Там же. С. 201.

⁶ Там же. С. 203.

Здесь, как представляется, автор вряд ли обоснованно отождествил «социальную закономерность» и правовую «законосообразность», их нельзя рассматривать как «одно и то же». Другое дело, что используемая в конкретных исторических условиях правовая форма должна соответствовать существующей «социальной закономерности», адекватно отражать ее (сообразовываться с ней) и в этом смысле быть «законосообразной».

Рассматривая «материю социальной жизни» в соотношении с ее правовым регулированием, Р. Штаммлер ставил методологически важный вопрос о том, какое из указанных явлений имеет определяющее значение. «Не обуславливает ли она (материя социальной жизни. – М. С.) особой формы социальной жизни, так что право, может быть, является подчиненным и послушным, более слабым и фактически-зависимым моментом, тогда как экономический элемент, материя социальной жизни, предъявляет притязание на власть?»¹

Ответ на поставленный вопрос ученый предварял рядом замечаний, обращая внимание, в частности, на то, что «было бы грубым непониманием нашего учения и излишней поспешностью предполагать, что учение это приводит к выводу... что ход всемирной истории сообразуется с „юридическими идеями“, а не с „хозяйственными отношениями“. Вовсе нет». Уточняя эту мысль, автор подчеркивал: «Мы только удостоверяем, что хозяйственные условия, как отношения людей в социальной жизни, вообще могут быть поняты лишь как *внешним образом урегулированные* отношения. Но как эти... хозяйственные отношения могут быть научно поняты, какое влияние может затем оказать их изменение и развитие на изменение обуславливающего их, в свою очередь, правового строя, и, наконец, *в каких закономерных формах* изменения права обуславливаются предшествующими превращениями... социального хозяйства – это должно выяснить дальнейшее исследование»².

Необходимой «предварительной ступенью» к такому исследованию, по мнению ученого, является положение о том, что поскольку социальная жизнь «*есть определенным образом урегулированное сотрудничество людей*» и представляется объектом социального познания «лишь в связи с условием исторически возникающего внешнего нормирования, то проблема *закономерности социальной жизни* людей совпадает с вопросом о *закономерной подчиненности* существующей регулирующей формы человеческого общества»³, т. е. права.

В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что вряд ли корректным можно считать приведенное положение о «закономерной подчиненности» права по отношению к «закономерностям социальной жизни людей», что объективно обуславливает лишь пассивную (подчиненную) роль права, его «обреченное» следование за социальной жизнью, против чего достаточно убедительно выступал сам же Р. Штаммлер.

Говоря об отношении между правом и «хозяйством», ученый не усматривал между ними жесткой (механической) причинно-следственной связи и подчеркивал, что «речь идет здесь об обуславливающей форме и регулируемой материи»⁴, а также что названные явления для социального анализа «представляются лишь двумя необходимо соединенными элементами одного и того же предмета». Право, подчеркивал

¹ Штаммлер Р. Указ. соч. С. 204–205.

² Там же. С. 205.

³ Там же. С. 206.

⁴ Там же.

автор, «не есть существующая сама по себе вещь, имеющая самостоятельное значение в социальной жизни»; «в каждом правовом нормировании заключается всегда и необходимо регулирование данного социального хозяйства»¹.

Однако и социальное хозяйство, по мнению Р. Штаммлера, «не есть самостоятельное и особо-существующее явление, на которое могло бы воздействовать правовое регулирование»².

Сотрудничество индивидов как материя социальной жизни, по мнению Р. Штаммлера, «есть урегулированное и потому *социальное* бытие людей». Правовое регулирование совершается посредством нормирования поведения отдельных лиц с целью побудить их к определенной деятельности, благодаря чему «становится возможным частное хозяйство, как социальное явление, как исполнение индивидуумом роли, выпавшей ему в процессе социальной жизни». Отсюда ученый делал вывод: «Определяющее воздействие социального строя ограничивается, следовательно, индивидуумом. Совместная же деятельность, в ее целом, причинно не обуславливается регулированием, а существует *в социальном смысле* только в качестве урегулированной»³.

Развивая эти мысли далее, Р. Штаммлер сформулировал положение, имеющее методологическое и гносеологическое (познавательное) значение, касающееся свободы индивида и правового регулирования общественных отношений. При самой широкой свободе, какую общество может предоставить индивиду, социальное регулирование затрагивает социальную жизнь «в ее целом», стремясь направить ее к намеченной цели, для чего используются различные средства. И даже «свободная конкуренция» здесь выступает таким средством, которое опирается «на совершенно определенные правовые установления, какими являются собственность и свобода договора». Поэтому правильным исходным пунктом социально-научного исследования должна служить «не естественная свобода отдельных людей, которую *ограничивал бы* социальный строй, а наоборот, регулирующее нормирование есть первое и высшее условие всякого *социального* рассмотрения человеческого бытия». И только предварительно имея в виду это условие, «можно говорить о *социальной* свободе индивидуума»⁴.

Аксиологическое значение имеют сформулированные ученым идеи, касающиеся необходимости выбора адекватных правовых форм нормирования «социальной жизни». Р. Штаммлер обосновывал мысль о том, что правовое регулирование деятельности людей не должно выступать в форме «прямых приказаний», жесткого регламентирования «образа действий» индивидов. «Можно даже утверждать, – подчеркивал ученый, – что хозяйство, урегулированное прямыми приказаниями, стремящееся организовать человечество наподобие кучки рабов без личного собственника, при своем осуществлении испытывало бы судьбу чрезмерно напряженного лука»⁵.

Ученый высказывался за необходимость установления косвенного регулирования «социальной жизни», при котором «индивидууму предоставляется избрать тот или другой образ действий, ту или другую деятельность и то или иное поведение *в пределах правового строя*». При таком выборе индивид «формально не противоречит велениям социальных норм, хотя правовой строй... желает определенного образа

¹ Штаммлер Р. Указ. соч. С. 207.

² Там же.

³ Там же. С. 214.

⁴ Там же. С. 215.

⁵ Там же. С. 216.

действий со стороны индивидуума и косвенным образом стремится воздействовать на него»¹.

Здесь Р. Штаммлер, по существу, вел речь о частнопрововом методе регулирования общественных отношений, которому свойствен правонаделительный характер как исходное начало в процессе упорядочения отношений субъектов гражданского права, а также такие черты, как равенство, инициатива, диспозитивность и другие особенности участников соответствующих правовых отношений.

Интересными представляются высказанные Р. Штаммлером мысли, касающиеся тесной связи, зависимости того или иного способа производства от существующего правового регулирования, в особенности от важнейших институтов частного права. Ученый обосновывал мысль о том, что существование способа производства, в частности капиталистического, возможно лишь при условии «совершенно определенно-го социального регулирования, в особенности – частной собственности на средства производства и свободного договора о найме, и может получить дальнейшее развитие лишь на этой основе»². Однако, замечал ученый, все исторически известные системы права хотя и в более или менее выраженной форме, но принципиально одинаково осуществляли социальное регулирование, «доставляя отдельным сочленам *возможность* вступать между собою в частные союзы, при посредстве которых совершается затем весь процесс социальной совместной деятельности»³, при охране и гарантии со стороны общества частной собственности и инициативы субъектов. Семейная жизнь и производство благ, меновые отношения и передача вещей в пользование другим совершаются здесь по усмотрению индивидуумов, а не на основании безусловного, прямого приказа определяющего центральный пункт.

Социальную жизнь с этих позиций Р. Штаммлер определял как «совокупность урегулированных взаимоотношений между людьми»⁴.

Исходя из этого определения, автор затрагивал глубинную проблему, касающуюся, по существу, социальных истоков (корней) частного права и его предназначения в жизни людей. По мысли ученого, содержание социальной жизни «составляют бесчисленные отдельные союзы частных лиц, направленные к удовлетворению потребностей согласно с установленными правилами». Представляя собой отдельные явления, «эти урегулированные отношения частных лиц друг к другу сочетаются в понятие социальной жизни». «И из таких союзов частных лиц вырастает социальное сотрудничество правового союза»⁵, т. е. возникают институты частного права, формируется согласованное частнопрововое регулирование в указанной сфере.

С субъективной стороны названное сотрудничество, как полагал ученый, обуславливается и облегчается тем, что юридическая власть над пригодными для удовлетворения потребностей благами «*в конечном счете* принадлежит исторически индивидууму, что, следовательно, каждому индивидууму гарантируется правовым строем эта его частная собственность и что по отношению к этим „своим“ благам он находится *в правовом отношении* к совокупности юридически связанных с ним лиц»⁶. Поскольку для социального удовлетворения потребностей необходимо «приводить эти

¹ Штаммлер Р. Указ. соч. С. 217.

² Там же. С. 221.

³ Там же. С. 234–235.

⁴ Там же. С. 235.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

блага в движение» (пользоваться ими, передавать в аренду и т. д. – М. С.), «то отсюда возникают для индивидуумов настоятельные поводы вступать между собою в определенные частные союзы... к чему правовой строй дает формальную возможность»¹.

Лица, «соединившиеся таким образом», в соответствии с действующими правилами возлагают на себя взаимные обязательства «поступать определенным образом, обязательства к известной деятельности, известным уступкам».

Резюмируя сказанное, ученый заключал: «Следовательно, социальная жизнь... осуществляется при помощи постоянного установления и осуществления правовых отношений, содержание которых... в течение истории постоянно меняется и разнообразится...»²

Приведенная мысль, по существу верная, получила у Р. Штаммлера в дальнейшем несколько неожиданное развитие. «Этому, – замечал ученый, – по-видимому, противоречат обычные представления, устоявшиеся в науке частного права, так как конечным основным понятием частнопровового оборота она признает обыкновенно *субъективное право* и называет иногда его „устоем всего правового здания“»³.

Однако указанное «противоречие» представляется в значительной мере искусственным, что признавал далее и сам Р. Штаммлер. Действительно, субъективное частное право есть внутренний элемент (часть) содержания гражданского правоотношения и может существовать лишь в данной правовой форме. Поэтому, по сути, не столько важно, будут ли называться субъективные права «устоем всего правового здания» или как-то иначе, сущность явления (субъективных частных прав) от этого не меняется. К тому же если уж говорить в обозначенном смысле о «правовых устоях», то к последним, как представляется, должны быть отнесены нормы права о частной собственности и соответствующие правоотношения собственности как глубокие, конституирующие правовые явления, на которых основываются все иные элементы частнопрововой системы.

Развивая далее указанные мысли, Р. Штаммлер рассуждал о «причинности» возникновения частнопрововых отношений. Несомненно, замечал ученый, «что всякое установление частного правоотношения, как историческое событие, должно быть рассматриваемо с точки зрения принудительно действующей причинности». Причем автор обращал внимание на то, что «установление точного определения причинного отношения, по примеру механики», решение данной проблемы не допускает⁴.

Для уяснения «одинаковых правоотношений» как массового явления, когда речь идет о единстве, «господствующем над сутолокой производства товаров, их сбыта и неутомимых меновых сделок», необходимо, по мысли Р. Штаммлера, «исходить из того факта, что в обоюдных соглашениях людей (договорах. – М. С.), подчиняющихся правилам, постоянно *высказываются суждения*, в которых определенные товары *приравняются друг к другу*»⁵. Иначе, в договорных (меновых) правоотношениях проявляется действие закона стоимости, подвергнутого глубокому исследованию в марксистской теории. В связи с этим Р. Штаммлер замечал: «При таких условиях марксовский закон ценности (стоимости. – М. С.) оказывается вполне правильным»⁶.

¹ Штаммлер Р. Указ. соч. С. 235–236.

² Там же. С. 236.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 238.

⁵ Там же. С. 240–241.

⁶ Там же. С. 240.

Вместе с тем, по мнению Р. Штаммлера, в частных правоотношениях (меновых сделках) проявляется не только объективная закономерность (закон стоимости), применительно к данной проблеме «речь идет о суждениях, воле и намерениях индивидуумов, следовательно, о психических явлениях»¹, т. е. о моментах субъективного характера. Хотя право в этом случае и является «необходимым условием всех социально-хозяйственных явлений, но оно вовсе не представляет непосредственной причины возникновения их». Основой названных явлений, полагал Р. Штаммлер, «является скорее инициатива лиц, подчиненных праву, и их фактический образ действий в сфере урегулированного общественного бытия»². Правовой же строй, подчеркивал ученый, «пользуется, следовательно, людьми и их эмпирическими задатками и влечениями в интересах регулируемой им совместной деятельности» индивидуумов «и стремится выполнить задачу осуществления *правильной* социальной жизни при помощи надлежащего воздействия на них»³.

Право, по Р. Штаммлеру, обычно «есть лишь форма социального сотрудничества», значение которой может «быть познано только при наблюдении конкретного вида этого социального хозяйства, за которое оно отвечает». Поэтому действительные или предстоящие социальные феномены по существу есть «необходимые обуславливающие моменты правовых изменений»⁴. Вместе с тем ученый подчеркивал, что «право может быть признано окончательной инстанцией, несущей ответственность за социальное хозяйство, потому, что оно образует, в качестве регулирующей формы социальной жизни, обуславливающую основу всех возможных социальных явлений»⁵.

Резюмируя изложенное, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, право, по мысли Р. Штаммлера, не есть «законченный объект, имеющий особое существование», а правовой строй не представляет собой «ничего самостоятельного и изолированного»; это форма, в которой «обдумывается и определяется сотрудничество людей». Более того, право и хозяйство – это «не два отдельных объекта», противостоящих друг другу, а явления взаимно влияющие и «обыкновенно» находящиеся в «замечательной гармонии друг с другом», «элементы одного и того же объекта познания» (социальной жизни). Ни правовое регулирование, ни конкретный вид «урегулированной совместной деятельности» не существуют «в действительности отдельно от другого»; их в какой-то степени возможно исследовать отдельно лишь «в теоретической абстракции».

Во-вторых, Р. Штаммлер рассматривал как «непонятное и ошибочное» мнение ученых о том, что возможно «вывести развитие права одновременно из духовного и из материального движения». Изменения права, по мнению ученого, вытекают не из «этого технического хозяйства», имея в виду сугубо технические моменты «материального движения», а из «движения *социального хозяйства*». Не технология как возможность к известному удовлетворению потребностей вызывает непосредственно изменения права, а «введение движений созданного хозяйства в установившийся строй и вытекающий отсюда своеобразный вид урегулированного сотрудничества» индивидуумов.

В-третьих, право и хозяйство взаимно влияют и обуславливают друг друга. Вместе с тем, по мысли Р. Штаммлера, правовая форма в известном смысле может рас-

¹ Штаммлер Р. Указ. соч. С. 241.

² Там же. С. 258.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 281.

⁵ Там же.

смагиваться и относительно самостоятельно; регулируемая же правом «социальная материя» не может подвергаться изучению в отрыве от него. Более того, право, в свою очередь, оказывает достаточно активное воздействие на «социальное хозяйство», подвергая его необходимым изменениям, придавая ему нужное направление развития.

В-четвертых, Р. Штаммлер рассматривал как «ошибочный и не выдерживающий критики» дуализм права, признающий, что хозяйство «определяется физическими потребностями» людей и «данными условиями внешней природы», а право объясняется в своем генезисе «при помощи парящей выше этих условий цепи психических факторов».

В-пятых, общественная жизнь во всех ее проявлениях ученому представлялась как упорядоченная совместная деятельность людей, важнейшей формой которой выступает право. Поэтому экономическое и политическое развитие должно идти путем частичных изменений права, критерием которых является создаваемое человеческим разумом «правильное право».

В-шестых, Р. Штаммлер придавал важнейшее значение частному праву как «правовому базису» в регулировании «меновых отношений», которые он рассматривал как «урегулированное людьми сотрудничество», опирающееся «на частную собственность и договор».

В-седьмых, социальную свободу индивидуума ученый связывал не с абсолютной, «естественной», свободой отдельных людей, а с «регулирующим нормированием» их бытия, т. е. правом как мерой свободы человека (подчинением праву).

Библиография

Марченко М. Н., Мачин И. Ф. История политических и правовых учений: учеб. М., 2005.

Шопенгауэр А. О четвертом корне закона достаточного основания. Мир как воля и представление. Т. 1: Критика кантовской философии. М., 1993.

Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории: Социально-философское исследование / пер. с нем. 2-е изд. М., 2010.

Bibliography

Marchenko M. N., Machin I. F. Istoriya politicheskix i pravovyx uchenij: ucheb. M., 2005.

Shopenhauer A. O chetvertom korne zakona dostatochnogo osnovaniya. Mir kak volya i predstavlenie. T. 1: Kritika kantovskoj filosofii. M., 1993.

Shtammler R. Hozyajstvo i pravo s tochki zreniya materialisticheskogo ponimaniya istorii: Social'no-filosofskoe issledovanie / per. s nem. 2-e izd. M., 2010.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНДИВИДУАЛЬНЫХ АКТОВ РАБОТОДАТЕЛЯ

Жильцов Мирон Александрович

Доктор юридических наук, профессор кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), e-mail: miron7626@rambler.ru

Исходя из традиционного понимания работодателя как правоприменителя, суды в первой половине 2000-х гг. отказывали в иске о восстановлении на работе в том случае, если работодатель отменял свой приказ об увольнении работника во время рассмотрения судом спора о восстановлении на работе. Обычно признавалось, что работодатель имеет право как расторгнуть трудовой договор, так и восстановить работника в прежней должности своим волеизъявлением.

Практика начала меняться после того, как в 2006 г. Верховный Суд РФ высказал правовую позицию, согласно которой работодатель не может односторонним актом восстановить трудовые отношения с уволенным работником. В настоящее время суды исходят из того, что, расторгнув трудовой договор, работодатель не может своим волеизъявлением восстановить работника на работе, отменив приказ об увольнении. В ряде судебных решений говорится о том, что только суд может восстановить трудовые отношения в данном случае.

Проблема полномочий работодателя как правоприменителя требует глубокого осмысления на теоретическом уровне, так как сегодня в условиях изменения законодательства (появления главы, регуливающей дистанционный труд, норм, устанавливающих возможность предоставления персонала другим лицам) прежняя парадигма представляется несколько устаревшей.

Ключевые слова: природа, индивидуальные акты, работодатель

THE LEGAL NATURE OF INDIVIDUAL ACTS OF THE EMPLOYER

Zhiltsov Miron

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: miron@cardio-burg.ru

Proceeding from the traditional understanding of the employer as a law enforcer, the courts in the first half of the 2000s refused a claim for reinstatement at work in the event that the employer canceled his order to dismiss the employee while the court considered the dispute on reinstatement at work. Traditionally, it was recognized that the employer had the right both to dissolve the employment contract and to restore the employee in the previous position by his will.

Practice began to change in 2006 – after the Supreme Court of the Russian Federation had expressed a legal position according to which the employer couldn't restore his labour relations with the dismissed employee by his unilateral act. Currently the courts proceed from the fact that having terminated the employment contract the employer can't unilaterally restore the employee at work, canceling the dismissal order. In a number of judicial decisions it is said that only the court can restore labour relations in this case.

The problem of the powers of the employer as a law enforcer requires a deep theoretical understanding, as today the former paradigm seems somewhat outdated in the context of amendments to legislation – the emergence of a chapter regulating distance work, norms that establish the possibility of providing personnel to others.

Key words: nature, individual acts, employer

Работодатель как субъект трудового права занимает одно из ключевых мест в механизме правового регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений.

С. С. Алексеев в соответствии с тремя стадиями правового воздействия выделял три основных звена (элемента) механизма правового регулирования:

юридические нормы (нормативная основа);
субъективные права и обязанности (правоотношение);
акты реализации прав и обязанностей.

Кроме того, к числу основных элементов ученый относил *акты применения*, выражающие государственно-принудительное, индивидуализированное действие механизма правового регулирования¹.

При этом существуют узкий и широкий подходы к субъектам правоприменения.

Так, С. С. Алексеев исходил из того, что применение осуществляется компетентным органом, наделенным государственно-властными полномочиями². По его мнению, организации, выступающие в качестве субъектов оперативно-хозяйственной и социально-культурной деятельности, не применяют юридические нормы³.

Согласно другому подходу работодатель признается правоприменителем. Так, И. Я. Дюрягин полагал, что руководители местных органов отраслевой и специальной компетенции (трестов, комбинатов, предприятий, учреждений и организаций), осуществляя оперативное управление разнообразной деятельностью подчиненных им предприятий и организаций, издают приказы и распоряжения. Данные акты принимаются на основании и во исполнение законодательства, а также указаний вышестоящих органов. Они имеют силу в основном внутри соответствующих предприятий и организаций и обязательны для работников этих предприятий и организаций. Посредством правоприменительных актов руководители производственных и других объединений организуют работу трудовых коллективов, направляют их усилия на выполнение планов хозяйственного и социально-культурного строительства⁴.

Указанный подход был обоснован в период действия социалистического способа хозяйствования, когда все предприятия и учреждения были государственными и выполняли, по сути дела, роль низшего звена государственного управления экономикой.

Н. Г. Александров отмечал, что «выступающие в советском гражданском обороте от имени государственного социалистического юридического лица органы данного юридического лица отнюдь не являются органами коллектива работающих в данном предприятии (учреждении, хозяйстве) рабочих и служащих. Они являются органами Советского государства, органами советского народа»⁵.

Л. Я. Гинцбург указывал, что «осуществление государственной функции характеризует государственное предприятие как госорган, точнее, как государственный хозяйственный орган. Другой его важнейший признак как госоргана – исполнение воли государства»⁶.

Данная дискуссия имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Более того, в настоящее время решение вопроса о том, является ли работодатель пра-

¹ Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 156.

² Там же. С. 166.

³ Алексеев С. С. Общая теория социалистического права. Вып. 4. Свердловск, 1966. С. 16.

⁴ Дюрягин И. Я. Применение норм советского права. Свердловск, 1973. С. 168.

⁵ Александров Н. Г. Трудовое правоотношение: моногр. М., 2008. С. 202.

⁶ Гинцбург Л. Я. Социалистическое трудовое правоотношение. М., 1977. С. 234.

воприменителем и, следовательно, выступают ли его акты правоприменительными актами, важно для разрешения ряда трудовых споров.

Традиционным полномочием работодателя считается право привлекать работника к дисциплинарной ответственности, в том числе увольнять за нарушение дисциплины труда, взыскивать с работника материальный ущерб в одностороннем порядке (в случаях, предусмотренных законом). Указанные действия работодателя оформляются его индивидуальными правовыми актами.

Исходя из традиционного понимания работодателя как правоприменителя, раньше суды, как правило, отказывали в иске о восстановлении на работе в том случае, если работодатель отменял приказ об увольнении работника во время рассмотрения судом спора о восстановлении на работе. Обычно признавалось, что работодатель имеет право как расторгнуть трудовой договор, так и восстановить работника в прежней должности своим волеизъявлением.

При этом суд разъяснял работнику, что с момента восстановления на работе он находится в трудовых отношениях с работодателем и должен немедленно по окончании судебного заседания появиться на рабочем месте. В противном случае работник может быть подвергнут дисциплинарному взысканию. В приказе также говорилось о выплате работнику заработной платы за весь период вынужденного прогула.

Суд в таком случае, как правило, выносил решение об отказе в восстановлении на работе в силу отсутствия на момент вынесения решения предмета спора. Кроме того, суд мог взыскать минимальную компенсацию морального вреда, указывая, что права работника хотя и нарушены работодателем, но восстановлены им же в полном объеме.

В качестве примера можно привести трудовой спор, рассмотренный Ленинским районным судом Екатеринбурга в 2005 г. Истица обратилась в суд с иском о восстановлении на работе, взыскании заработной платы, компенсации морального вреда, внесении записи в трудовую книжку. В качестве основания иска указала, что год проработала у работодателя без оформления трудовых отношений, после чего была уволена по устному распоряжению работодателя. Работодатель в судебное заседание представил приказ о восстановлении работника на работе, внесении записи в трудовую книжку обо всем периоде работы, уплате за истицу налогов и иных сборов. Суд в иске отказал, указав, что отсутствует предмет спора, так как работодателем все требования работника фактически удовлетворены¹.

Подобная практика повсеместно существовала в первой половине 2000-х гг. Однако в 2006 г. Верховный Суд РФ высказал правовую позицию, согласно которой работодатель не может самостоятельно без участия работника исправить допущенное им при увольнении нарушение трудового законодательства, издав, например, приказ об отмене приказа об увольнении работника. Верховный Суд РФ при этом указал, что Трудовой кодекс РФ не предоставляет работодателю права совершать какие-либо юридически значимые действия, затрагивающие права и интересы работника, без его предварительного согласия и после того, как трудовые отношения между работодателем и работником уже прекращены по инициативе самого работодателя (*определение Верховного Суда РФ от 13 января 2006 г. № 46-В05-44²*).

Таким образом, в настоящее время суды, как правило, исходят из того, что, расторгнув трудовой договор, работодатель не может односторонним волеизъявлением

¹ Дело № 33-546/2005 // Архив Ленинского районного суда.

² СПС «КонсультантПлюс».

восстановить работника на работе, отменив приказ об увольнении. В ряде судебных решений говорится о том, что в подобных случаях только суд может восстановить трудовые отношения (*определение Сургутского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 6 апреля 2017 г. по гражданскому делу № 2-3953/2016, решение Черногорского городского суда Республики Хакасия от 8 мая 2015 г. по гражданскому делу № 2-896/2015*).

Проблема полномочий работодателя, реализуемых им в своих правовых актах, требует глубокого осмысления на теоретическом уровне, так как сегодня в условиях изменения судебной практики прежняя парадигма (когда работодатель воспринимался как правоприменитель) представляется несколько устаревшей.

В первую очередь необходимо решить вопрос о возможностях работодателя по одностороннему расторжению трудового договора и возврату после этого сторон в первоначальное состояние (существовавшее до прекращения трудового договора).

Трудовое законодательство России исходит из принципа свободы труда, включая право на труд, который каждый свободно выбирает или на который свободно соглашается, право распоряжаться своими способностями к труду, выбирать профессию и род деятельности (ст. 2 Трудового кодекса РФ, далее – ТК РФ).

Статьи 21 и 22 ТК РФ признают как за работниками, так и за работодателями право на заключение, изменение и расторжение трудового договора в порядке и на условиях, которые установлены ТК РФ, иными федеральными законами.

Как разъяснено в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (ред. от 28 сентября 2010 г.)¹, заключение трудового договора с конкретным лицом, ищущим работу, является правом, а не обязанностью работодателя и ТК РФ не содержит норм, обязывающих работодателя заполнять вакантные должности или работы немедленно по мере их возникновения.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что, по существу, ТК РФ закрепляет (и Верховный Суд РФ так это и понимает) принцип свободы заключения трудового договора, который, тем не менее, именно таким образом в кодексе не сформулирован.

ТК РФ исходит также из того, что работник вправе свободно расторгнуть трудовой договор, предупредив работодателя не менее, чем за две недели (ст. 80 ТК РФ).

В то же время работодатель подобной свободой расторжения трудового договора не обладает. В ТК РФ реализован подход казуистического перечисления оснований расторжения трудового договора.

Предмет трудового права и метод правового регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с трудовыми отношений диктует особые правила соотношения абстрактного и казуистического изложения трудового права. В том случае, когда речь идет о возложении дополнительной ответственности на работников, об ограничении их прав по каким-либо основаниям, необходимо казуистическое перечисление таких оснований. При этом правоприменителем, т. е. субъектом применения мер ответственности, либо лицом, ограничивающим права работника, выступает работодатель (расторжение трудового договора по инициативе работодателя, случаи полной материальной ответственности работника и т. п.).

Думается, подход российского законодателя к установлению перечня оснований увольнения через их казуистическое перечисление в виде закрытого перечня является достижением юридической техники, учитывающим особенности предмета, мето-

¹ Бюл. Верховного Суда РФ. 2004. № 6.

да трудового права, а также конкретные социально-экономические условия развития российского общества; отказ от данного достижения был бы нарушением принципа преемственности в развитии науки трудового права и трудового законодательства.

Если увольнение работника по инициативе работодателя – это одностороннее расторжение трудового договора, может ли работодатель в одностороннем порядке отменить такое одностороннее расторжение? Для ответа на данный вопрос необходимо определить правовой статус работодателя. Если исходить из того, что трудовые отношения прекращены полностью и все права и обязанности между работником и работодателем прекратились, едва ли работодатель может совершать юридически значимые действия в отношении работника. Метод трудового права исходит из того, что на стадии заключения трудового договора работник и работодатель равны, а на стадии исполнения между работником и работодателем появляются отношения власти-подчинения. В то же время если между сторонами прекращены трудовые отношения, то они становятся юридически равными и работодатель на данной стадии уже не обладает дисциплинарной или хозяйской властью в отношении работника.

Вправе ли работодатель в этом случае издать правоприменительный акт, т. е. приказ, который должен быть обязателен для работника? С. С. Алексеев выделял следующие особенности правоприменительной деятельности:

- 1) деятельность, специально направленная на претворение норм права в жизнь;
- 2) деятельность, имеющая государственно-властный характер;
- 3) деятельность, осуществляемая специальными компетентными органами¹.

Анализ указанных признаков позволяет сделать вывод о том, что приказ работодателя о восстановлении на работе не будет обладать двумя последними признаками правоприменительного акта, а работник не обязан подчиняться данному приказу.

Таким образом, можно констатировать, что после прекращения трудовых отношений по любым основаниям между бывшими работником и работодателем могут существовать только непосредственно связанные с трудовыми отношения (по разрешению трудовых споров, по материальной ответственности, по государственному контролю (надзору), профсоюзному контролю за соблюдением трудового законодательства (включая законодательство об охране труда) и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права).

Если проанализировать правовую сущность индивидуальных правовых актов работодателя, то можно сделать вывод, что сегодня указанные акты носят скорее правореализационный характер, а не правоприменительный.

Необходимо признать, что в современных экономических и правовых условиях, когда большое количество работодателей уже не являются государственными предприятиями и учреждениями и не выполняют функции по государственному управлению, говорить о государственно-властном характере приказов работодателя нельзя.

Несомненно, в рамках организации (индивидуального предпринимателя) приказ работодателя будет носить властный характер в отношении работника, но это будет проявление директивной, дисциплинарной власти работодателя.

Необходимо отметить, что такие ученые, как А. К. Безина, А. А. Бикеев, Д. А. Сафина, ограничивали индивидуально-договорное регулирование, осуществляемое в рамках трудовых отношений, и правоприменительное регулирование, реализуемое

¹ Алексеев С. С. Общая теория социалистического права. С. 8.

управомоченными на то государством соответствующими государственными и общественными органами¹.

Изложенное позволяет также сделать очень важный вывод о том, что в настоящее время публичность метода трудового права выражается прежде всего в государственных гарантиях, которые предоставляются работникам, но не в дисциплинарной власти работодателя.

Таким образом, можно говорить о работодателе не как о правоприменителе, а как о лице, реализующем свои работодательские полномочия и издающем с этой целью односторонние акты – приказы.

С. С. Алексеев, анализируя акты реализации прав и обязанностей, понимал под ними действия субъектов, в которых осуществляются выраженные в правах и обязанностях возможности и требования. При этом реализация прав и обязанностей нередко состоит в чисто фактической деятельности, но может воплощаться и в обособленных актах. По мысли ученого, «именно здесь происходит „перевод“ предписаний юридических норм (сначала выраженных в правах и обязанностях) в то фактическое, реальное поведение участников общественных отношений, на которое было направлено правовое регулирование»².

Анализ приказов, издаваемых работодателем, позволяет сделать вывод о том, что правовая природа указанных актов неоднородна. Одни действительно носят право-реализационный характер и влекут возникновение или прекращение прав и обязанностей субъектов трудовых отношений. Другие выполняют функции учетно-распорядительных документов и, по сути дела, дублируют иные акты или соглашения, принимаемые работодателем или заключаемые работодателями с работниками.

К первой группе приказов можно отнести приказы о расторжении трудового договора, которые издаются работодателем в соответствии со ст. 77, 81, 83, рядом других статей ТК РФ, а также в соответствии с федеральными законами. В данную группу входят также приказы о привлечении работника к материальной ответственности (ч. 1 ст. 248 ТК РФ). Указанные акты являются документальным выражением односторонней воли работодателя; издавая их, работодатель реализует свои работодательские полномочия.

К группе правореализационных приказов также относятся приказы о предоставлении ежегодного оплачиваемого отпуска работнику и вообще любого отпуска, период предоставления (или предоставление само по себе) которого зависит от воли работодателя. Издавая приказ о направлении работника в ежегодный оплачиваемый отпуск, работодатель исполняет обязанность по реализации конституционного права работника на отпуск.

Что касается второй группы приказов, то, как отмечалось ранее, указанные акты не являются правореализационными, кроме того, они не правоприменительные, так как работодатель в настоящее время не выполняет функции правоприменителя.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что сегодня работодатель не признается правоприменителем, приказы и распоряжения, влекущие возникновение, изменение или прекращение трудовых прав и обязанностей работников, носят не правоприменительный, а правореализационный характер.

¹ Безина А. К., Бикеев А. А., Сафина Д. А. Индивидуально-договорное регулирование труда рабочих и служащих. Казань, 1984. С. 26.

² Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций. Т. 2. С. 160.

Библиография

Александров Н. Г. Трудовое правоотношение: моногр. М., 2008.

Алексеев С. С. Общая теория социалистического права. Вып. 4. Свердловск, 1966.

Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1.

Безина А. К., Бикеев А. А., Сафина Д. А. Индивидуально-договорное регулирование труда рабочих и служащих. Казань, 1984.

Гинцбург Л. Я. Социалистическое трудовое правоотношение. М., 1977.

Дело № 33-546/2005 // Архив Ленинского районного суда.

Дюрягин И. Я. Применение норм советского права. Свердловск, 1973.

О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 (ред. от 28 сентября 2010 г.) // Бюл. Верховного Суда РФ. 2004. № 6.

Определение Верховного Суда РФ от 13 января 2006 г. № 46-В05-44 // СПС «КонсультантПлюс».

Bibliography

Aleksandrov N. G. Trudovoe pravootnoshenie: monogr. M., 2008.

Alekseev S. S. Obshhaya teoriya socialisticheskogo prava. Vyp. 4. Sverdlovsk, 1966.

Alekseev S. S. Problemy teorii prava: kurs lekcij: v 2 t. Sverdlovsk, 1972. T. 1.

Bezina A. K., Bikeev A. A., Safina D. A. Individual'no-dogovornoe regulirovanie truda rabochix i sluzhashhix. Kazan', 1984.

Delo № 33-546/2005 // Arxiv Leninskogo rajonnogo suda.

Dyuryagin I. Ya. Primenenie norm sovetskogo prava. Sverdlovsk, 1973.

Gincburg L. Ya. Socialisticheskoe trudovoe pravootnoshenie. M., 1977.

О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 (ред. от 28 сентября 2010 г.) // Byul. Verhovnogo Suda RF. 2004. № 6.

Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 13 yanvarya 2006 g. № 46-V05-44 // SPS «Konsul'tantPlyus».

**РАЗВИТИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
ПО ДЕЛАМ О НЕДОСТАТОЧНОЙ КАПИТАЛИЗАЦИИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2011–2016 гг.*****Винницкий Данил Владимирович**

Доктор юридических наук, профессор, директор Института права БРИКС, заведующий кафедрой
финансового права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: vinnitskydv@soeka.ru

Статья посвящена анализу решения Верховного Суда РФ от 18 марта 2016 г. по делу № 305-RU15-14263 / № А40-87775/14 (ООО «Новая табачная компания»). Автор пытается выявить основные тенденции в развитии практики российских судов, связанной с доктриной «тонкой капитализации» (ст. 269 НК РФ), переквалификацией процентов в дивиденды (ст. 11 и 10 соглашений об избежании двойного налогообложения) и применением принципа недискриминации (ст. 24 соглашений об избежании двойного налогообложения).

Ключевые слова: международное налогообложение, «тонкая капитализация», трансграничное налогообложение дивидендов, трансграничное налогообложение процентов, толкование ст. 10, 11 и 24 Модельных налоговых конвенций ОЭСР и ООН, принцип недискриминации

**THE DEVELOPMENT OF COURT PRACTICE IN CASES
OF INADEQUATE CAPITALIZATION IN THE RUSSIAN FEDERATION
IN 2011–2016****Vinnitsky Danil**

Ural State Law University, BRICS Law Institute (Yekaterinburg), e-mail: vinnitskydv@soeka.ru

The article is devoted to the analysis of the RF Supreme Court Decision of 18 March 2016, Case № 305-KG15-14263 / № А40-87775/14 (LLC «Novaya Tabachnaya Kompaniya»). The author tries to identify the main trends in developing the Russian court practice concerning the «thin capitalization» doctrine (art. 269 of the RF Tax Code), re-qualification of interests into dividends (art. 11 and 10 of agreements for avoidance of double taxation) and application of non-discrimination clause (art. 24 of agreements for avoidance of double taxation).

Key words: international taxation, «thin capitalization», cross-border taxation of dividends, cross-border taxation of interests, interpretation of art. 10, 11 and 24 of the OECD / UN Model Tax Convention, non-discrimination clause

Постановка проблемы

Период 2011–2017 гг. ознаменовался бурным развитием в России практики судов по делам трансграничного налогообложения, причем в фокусе внимания российских судов были дела, связанные с применением правил недостаточной капитализации («thin capitalization»). Данная практика в определенной степени стала в России символом нового подхода государства в лице налоговых органов к интерпретации налоговых соглашений, которая во многих случаях оказывается неблагоприятной для

* Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания Минобрнауки России, шифр проекта: 29.7551.2017/8.9.

налогоплательщика¹. Отметим при этом, что эта практика (исходя из аргументации многих судебных решений, к ней относящихся) претендует на то, что она развивается в полной мере в русле общих мировых трендов, характерных для интерпретации налоговых соглашений, т. е. в первую очередь на основе применения положений, отраженных в Комментариях к Модельной налоговой конвенции ОЭСР. Впрочем, как мы покажем в дальнейшем, *de facto* отождествлять правовые позиции судов России и правовые позиции Комментариев во многих случаях было бы неправильно, а иногда это как минимум вело бы к неточному пониманию ситуации.

Обращает на себя внимание однозначность (можно даже сказать «монолитность») практики о недостаточной капитализации: налогоплательщик, получивший налоговые претензии, основанные на правилах недостаточной капитализации, фактически не имел шанса² в российских судах в 2012–2016 гг. (а точнее – с 15 ноября 2011 г.³) разрешить дело в свою пользу. Отметим, что столь единообразная практика складывается в российской налоговой сфере нечасто, поскольку в большинстве случаев при интерпретации налоговых норм и типичных спорных ситуаций остается некоторое пространство для формирования правовых позиций судов по конкретным делам, а также обозначаются факты, доказательства, условия, которые могут приводить к исключениям или отступлениям от общей правовой позиции, существующей по определенной категории дел.

По делам о недостаточной капитализации за 2011–2016 гг. мы вряд ли можем говорить о подобном, поскольку аргументация судов, как правило, была весьма строго выдержана в соответствии со стандартом, заданным решением Высшего Арбитражного Суда РФ⁴ от 15 ноября 2011 г. по делу компании «Северный Кузбасс»⁵.

Столь категоричный подход к разрешению дел данной категории обусловлен несколькими факторами.

Во-первых, он может быть объяснен первоначально достаточно упрощенным восприятием российскими судами дел в сфере недостаточной капитализации. Аргументация обычно строилась по весьма простому алгоритму.

Прежде всего следовал тезис о том, что налоговое соглашение не имеет своей целью способствовать уклонению от налогообложения и не препятствует применению правил недостаточной капитализации.

¹ Так, из 74 дел по вопросам недостаточной капитализации, рассмотренных Верховным Судом РФ и судами федеральных округов в 2015–2016 гг., 54 спора были решены в пользу налоговых органов, лишь по 20 делам позиция налогоплательщиков хотя бы в некоторой части была поддержана судами. В целом в этот период практически не было решений, когда претензии налоговых органов, связанные с вопросами недостаточной капитализации, были полностью отклонены судами на уровне федерального округа или Верховного Суда РФ (исключение – постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 октября 2015 г. № Ф05-14396/2015 по делу № А40-3177/15).

² Решения различались лишь тем, что в одних случаях налоговые органы ограничивались требованием исключить вычет расходов по уплате процентов из налоговой базы налогоплательщика (на основе правил п. 2 ст. 269 НК РФ) – 48 дел в 2015–2016 гг. на уровне Верховного Суда РФ и федеральных округов, а в других – требовали и перекалфикации процентов в дивиденды с дополнительным налогообложением и их у источника (*at-source*) (на основании п. 4 ст. 269 НК РФ) – 16 дел в 2015–2016 гг.

³ Постановление Президиума ВАС РФ от 15 ноября 2011 г. № 8654/11 по делу № А27-7455/2010, постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 11 марта 2011 г. по делу № А27-7455/2010, постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 1 ноября 2010 г. № 07АП-8831/10 по делу № А27-7455/2010, решение Арбитражного суда Кемеровской области от 12 августа 2010 г. по делу № А27-7455/2010.

⁴ Объединен с Верховным Судом РФ в 2014 г. на основании Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации».

⁵ Постановление Президиума ВАС РФ от 15 ноября 2011 г. № 8654/11 по делу № А27-7455/2010.

Затем говорилось, что ситуация налогоплательщика попадает в сферу действия российских правил недостаточной капитализации и отменяются все доказательства обратного (в частности, не принимались аргументы налогоплательщика, основанные на оценке любых фактов, связанные с его попытками по формальным критериям обойти правила недостаточной капитализации исходя из буквального понимания текста применяемой ст. 269 НК РФ, в том числе через использование сестринских компаний или иных подобных инструментов – см. дела «Нарьянмарнефтегаза»¹ и «Псков коллег групп»²).

Наконец суды ссылались на те или иные выжимки из Комментариев к Модельной конвенции ОЭСР (к ст. 9 и (или) 24) и утверждали, что предлагаемый соответствующим судом подход к интерпретации международного налогового договора в полной мере соответствует мировой практике, выраженной в Комментарий к Модельной налоговой конвенции ОЭСР, которым необходимо руководствоваться при разрешении дел данной категории; одновременно отменялись аргументы налогоплательщика о противоположном (которые, заметим, также во многих случаях были весьма слабы с точки зрения альтернативных предложений по интерпретации и пониманию Комментариев к Модельной конвенции ОЭСР, ссылок на конкретные источники международной доктрины, практику иностранных судов и пр.). Хотя по отдельным делам российские суды поднимались до впечатляющего детального анализа материалов дела, доказательств сторон и нюансов их оценки (см., например, решение апелляционного суда по делу «Нарьянмарнефтегаза»³), с точки зрения самого рассмотрения применяемой нормы логика решения оставалась весьма упрощенной.

Во-вторых, анализируемый подход российских судов к проблеме недостаточной капитализации долгое время оставался столь категоричным и «монолитным» исходя из ситуации, сложившейся со специфической дифференциацией в российском праве режима налогообложения процентов и дивидендов как двух различных категорий пассивного дохода.

В частности, этот подход может быть понят в контексте специфики международной договорно-правовой политики Российской Федерации, которая по существу позволила сформироваться двум различным режимам налогообложения у источника трансграничных процентов с одной стороны и трансграничных дивидендов – с другой. Так, примерно в 25 % российских налоговых договоров (в том числе со многими государствами-членами ОЭСР)⁴ предусматривается полное освобождение процентов от налогообложения у источника. Вместе с тем нет ни одного договора (за исключением норм крайне ограниченного действия в договоре Российской Федерации с ОАЭ), где бы предусматривалось полное освобождение от налогообложения у источника дивидендов (как правило, применяются ставки 5 %, 10 % или даже 15 % – например, в договорах с некоторыми азиатскими странами, основанных на Модельной конвенции ООН). В сочетании с возможностью фактически неограниченного вычета процентов из налоговой базы по налогу на прибыль должника или заемщика (правила трансфертного ценообразования в этой сфере почти не применялись, несмотря на формальное наличие соответствующего пункта (п. 1) в ст. 269 НК РФ) и отсутстви-

¹ Определение ВАС РФ от 21 июня 2012 г. № ВАС-7104/12 по делу № А40-1164/11-99-7.

² Постановление ФАС Северо-Западного округа от 18 сентября 2013 г. по делу № А52-4072/2012.

³ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28 октября 2011 г. № 09АП-23751/2011-АК, 09АП-25741/2011-АК по делу № А40-1164/11-99-7.

⁴ 22 соглашения: с Австрией, Великобританией, Венгрией, Германией, Гонконгом, Данией, Ирландией, Исландией, Кипром, КНДР, Кореей, Кувейтом, Люксембургом, Молдовой, Нидерландами, Оманом, Словакией, США, Финляндией, Францией, Чехией, Швецией.

ем импутационной системы при налогообложении прибыли компании (т. е. факт выплаты дивидендов не учитывается при дальнейшем налогообложении прибыли компании¹) все это создавало линию разграничения между режимами трансграничного налогообложения процентов и дивидендов по принципу «крайне выгодно – крайне невыгодно». И если бы таким образом суды не проявили определенную жесткость и последовательность в формировании своих позиций, то по мере развития налоговой консультационной практики и инструментов налогового планирования редкий налогоплательщик (при отсутствии иных корпоративных ограничений и подверженности его влиянию налоговых стимулов) продолжал бы выплачивать дивиденды в трансграничных ситуациях; практика, выражающаяся в финансировании своих российских дочерних компаний через вложения в уставный капитал, была бы в еще больших масштабах заменена заемным финансированием даже в тех случаях, когда для подобных отношений тех или иных ассоциированных компаний не было бы реальных экономических предпосылок.

Двух обозначенных факторов было уже достаточно для того, чтобы в течение 2012–2016 гг. практика по делам о недостаточной капитализации в России оставалась ключевой категорией трансграничных налоговых споров². При этом ежегодно не только пополнялся новым сетом прецедентов банк дел, но и расширялся перечень оснований для применения правил недостаточной капитализации. Так, к первоначальной позиции по делу компании «Северный Кузбасс», во-первых, добавилась категория споров, включающая противодействие попыткам обхода области применения ст. 269 (пп. 2–4) НК РФ, в том числе через сестринские компании (дело «Нарьянмарнефтегаза»); во-вторых, попытки обхода сферы действия ст. 269 НК РФ стали пресекаться (отвергаться судами) путем не только толкования самой применяемой внутригосударственной нормы права, но и использования ссылок на общие правила ст. 9 Модельной конвенции ОЭСР или ст. 9 того или иного налогового договора об ассоциированных предприятиях. Суды в некоторых случаях полагали, что правила данной статьи якобы могут указывать новые более отдаленные пределы для применения ст. 269 НК РФ, т. е. не только при финансировании займом материнской компанией своей дочерней компании или когда это делается через сестринскую компанию, но фактически во всех случаях, когда трансграничный заем имеет место между ассоциированными предприятиями в смысле ст. 9 Модельной конвенции ОЭСР (хотя подобное ни прямо, ни косвенно не вытекает из текста п. 2 ст. 269 НК РФ – см. анализ по делу «Псков коллег групп»³).

В связи с этим дело налогоплательщика «Новая табачная компания» представляет особый интерес в плане анализа практики российских судов по делам данной категории в 2016 г. Это определяется, в частности, тем, что в этом деле «экспансия» сферы применения правил недостаточной капитализации через практику российских судов достигла апогея. Данные правила были применены в отношении выплат про-

¹ В 2001–2002 гг. имела место попытка введения данной системы, она непродолжительный период времени существовала в одной из редакций гл. 25 НК РФ, однако в дальнейшем была отменена. В настоящее время, напротив, п. 1 ст. 270 НК РФ прямо указывает, что «...при определении налоговой базы не учитываются расходы в виде сумм начисленных налогоплательщиком дивидендов и других сумм прибыли после налогообложения».

² На уровне Верховного Суда РФ и федеральных арбитражных судов было рассмотрено 60 дел данной категории в 2012 г., 62 дела – в 2013 г., 63 дела – в 2014 г., 65 дел – в 2015 г., 62 дела – в 2016 г.

³ Vinnitskiy D. V. Thin Capitalization Rules and Non-Discrimination Clause in the light of the «NaryanmarNefteGaz» // Conference «Tax Treaty Case Law around the Globe», Tilburg University – Vienna University, 23–24 May 2013. IBFD (ISBN 978-90-8722-215-4) / LIND (ISBN 978-3-7073-2655-0), 2014. P. 325–339.

центов по займу от одной российской компании в пользу другой российской компании, контролируемой иностранным лицом-резидентом Кипра (как правило, ранее ст. 269 (пп. 2–4) НК РФ применялась лишь в отношении чисто трансграничных операций, когда проценты по займу получал нерезидент). Вместе с тем эта чрезмерная «атака» на интересы налогоплательщиков исчерпала себя сама, поскольку подобная интерпретация нормы и ее столь широкое и одностороннее применение показали ее (нормы) логические дефекты, а также логическую уязвимость и неполноту ранее сформированных категоричных подходов российских судов по делам о недостаточной капитализации.

Однако прежде чем анализировать юридические проблемы, поднятые упомянутым судебным решением, опишем более детально факты дела, положенные в его основу, а также существо состоявшихся решений судов различных инстанций.

Российское общество – заемщик (ООО «Новая табачная компания») выплачивало проценты по займам другому российскому обществу – заимодавцу (ЗАО «Торговая компания „МЕГАПОЛИС“»). Заимодавец владел 90 % уставного капитала заемщика и, в свою очередь, на 99,9 % принадлежал кипрской компании (Megapolis Holdings (Overseas) Limited). При этом у заемщика величина чистых активов была отрицательной и все начисленные по займам проценты включались в состав налоговых расходов.

Условия подлежащих применению правил недостаточной капитализации в период возникновения спора были определены в российском законодательстве (п. 2 ст. 269 НК РФ).

В ходе налоговой проверки ООО «Новая табачная компания» налоговая инспекция квалифицировала задолженность общества по заемным средствам как контролируемую и установила, что сумма этой задолженности более чем в три раза превышает величину собственного капитала налогоплательщика. Применив нормы п. 2 ст. 269 НК РФ, инспекция рассчитала предельные проценты, которые можно принять в расходы для целей налогообложения.

Поскольку чистые активы общества были отрицательными, инспекция полностью исключила начисленные проценты из расходов, приравнивала эти проценты к дивидендам и начислила на них налог на прибыль по налоговой ставке, предусмотренной для дивидендов.

Решение о применении налоговых санкций также было обосновано тем, что компания нарушила требования п. 4 ст. 269 НК РФ, возлагающие на налогового агента обязанности по исчислению, удержанию и перечислению налога с доходов кипрской компании, полученных в виде дивидендов, сочтя в качестве таковых проценты по контролируемой задолженности, выплаченные заимодавцу.

Относительно международного соглашения налоговый орган полагал, что положения Соглашения от 5 декабря 1998 г. не препятствуют установлению специальных правил налогообложения на уровне национального законодательства договаривающихся государств как средства борьбы с минимизацией налогообложения. К числу этих правил относится в том числе п. 2 ст. 269 НК РФ, вводящий ограничения для налогоплательщиков – российских организаций на учет ими в качестве расходов, вычитаемых из налоговой базы по налогу на прибыль, процентов по займам перед компаниями, контролирующими в различных формах деятельность налогоплательщика – российской организации.

Налогоплательщик не согласился с позицией налогового органа и обратился в суд. По мнению налогоплательщика, отсутствовали основания для применения п. 2 ст. 269 НК РФ к спорной ситуации; применению подлежат нормы соглашения об избежании двойного налогообложения, которые имеют приоритет перед нормами национального законодательства (имеются в виду положения ст. 11 («Проценты») и 24 («Недискриминация») налогового договора между Россией и Кипром). Нормами НК РФ не установлена обязанность заемщика удерживать налог с суммы избыточных процентов, приравненных к дивидендам, рассчитанным в соответствии с п. 4 ст. 269 НК РФ, если в качестве заимодавца выступает российская организация. Кроме того, налогоплательщиком были заявлены иные аргументы, характерные для данной категории в целом.

Суд первой инстанции признал решение инспекции незаконным исходя из того, что применение налоговым органом п. 2 ст. 269 НК РФ привело к нарушению международного соглашения об избежании двойного налогообложения, заключенного между Россией и Республикой Кипр:

«основаниями для применения неограниченного вычета процентов являются положения статей 9 и 11 Соглашения, действие которых превалирует над нормами российского налогового законодательства»;

«ссылаясь на установленный Соглашением принцип недискриминации, налоговый орган одновременно нарушает его суть. Именно невозможность отнесения процентов на затраты в целях исчисления налога на прибыль с соответствующим доначислением налога в отсутствие доказательств о негативном влиянии аффилированности на сумму процентов, является дискриминацией предприятия, зарегистрированного на территории Российской Федерации и имеющего иностранного участника (Заявителя), и соответственно нарушением условий международного договора».

Также суд указал, что положения п. 4 ст. 269 являются недостаточно определенными и не возлагают однозначно обязанности налогового агента на российскую организацию, выплачивающую проценты другой российской организации.

Таким образом, суд первой инстанции полностью поддержал позицию налогоплательщика и достаточно лаконично выразил ее суть в обосновании решения Суда.

Суд апелляционной инстанции признал решение инспекции правомерным и отменил решение суда первой инстанции:

«статьи 9 соглашений не только позволяют, но и указывают на необходимость применения норм национального законодательства о контролируемой задолженности, в связи с чем пункты 3 статей 24 соглашений, устанавливающие определенные гарантии резидентам договаривающихся государств по применению вычетов при определении налогооблагаемой прибыли, не распространяются на резидентов, обладающих признаками ассоциированного предприятия, о чем прямо говорится в данной норме»;

«поскольку статья 269 НК РФ (контролируемая задолженность) построена в российском налоговом законодательстве на основе метода фиксированной ставки процента, Российская Федерация относится к той группе стран, которые не рассматривают положения статьи 9 Модельного соглашения как препятствующие применению правил тонкой капитализации на основе данного метода не запрещает налогообложение превышающего размера при наличии соответствующих условий»;

«положения статьи 11 соглашения фактически подлежат применению в случае наличия финансовых взаимоотношений между резидентом Республики Кипр и резидентом Российской Федерации по вопросам обложения доходов в виде процентов

по долговым обязательствам. Положения статьи 11 соглашения, в частности, позволяют в определенных случаях не применять российским организациям положения подпункта 3 пункта 1 статьи 309 и пункта 1 статьи 310 Кодекса, снимая с них обязанность исполнения функций налогового агента».

Между тем судом первой инстанции не учтено, что займы, полученные ООО «Новая табачная компания» от ЗАО «ТК „Мегаполис“» по договорам от 26 сентября 2007 г. и от 24 декабря 2007 г., являются займами, полученными (предоставленными) одной российской организацией в адрес другой российской организации.

Таким образом, к процентам, начисленным и уплаченным одной российской организацией в адрес другой российской организации, ст. 11 соглашения неприменима в силу прямого указания п. 1 указанной статьи. Итак, суд апелляционной инстанции в полной мере поддержал позицию налогового органа.

Суд кассационной инстанции согласился с мнением апелляционного суда. Общество обратилось в Верховный Суд.

Верховный Суд РФ изменил решения судов апелляционной и кассационной инстанций в части (при этом налогоплательщиком в Верховный Суд РФ оспаривался только вывод судов, касающийся неисполнения обществом обязанности налогового агента).

Верховный Суд РФ пришел к выводу о том, что при наличии контролируемой задолженности в результате выдачи займа российской организацией у заемщика могут возникнуть только последствия в виде ограничения вычета процентов при исчислении налога на прибыль.

Возложение на российскую организацию-заемщика обязанности налогового агента при выплате процентов по такому займу в пользу другой российской организации не основано на положениях законодательства по следующим причинам:

«возникновение обязанности по исчислению, удержанию и перечислению в бюджет налога с доходов иностранной организации, включая налог с дивидендов, обусловлено их реальной выплатой в пользу иностранной организации – получателя дохода. Положения, которые бы относили к объекту налогообложения иностранных организаций не полученные ими дивиденды (включая приравненные к дивидендам платежи), в главе 25 „Налог на прибыль организаций“ Налогового кодекса отсутствуют»;

«предложенное налоговым органом и поддержанное судами апелляционной и кассационной инстанций толкование положений пункта 4 статьи 269 Налогового кодекса не может быть признано приемлемым, поскольку не отвечает требованиям определенности законно установленного налога и способно привести к двойному налогообложению выплаченных сумм как доходов иностранной организации и одновременно доходов российской организации – заимодавца»;

«пункт 4 статьи 269 Налогового кодекса РФ применяется в целях пресечения ухода иностранных организаций от налогообложения в Российской Федерации в тех случаях, когда под видом процентов им выплачиваются дивиденды и, как следствие, налог у источника выплаты не удерживается (в силу установленных международными соглашениями об избежании двойного налогообложения пониженных ставок налога при выплате процентов или полного освобождения данных выплат от налогообложения)... Само же по себе перечисление денежных средств между российскими организациями, в капитале которых участвует одна иностранная организация, не свидетельствует о скрытом поступлении в ее пользу дивидендов».

Анализ правовых позиций судов

Состоявшиеся решения по данному делу подняли ряд интересных проблем, однако в первую очередь внимание необходимо обратить на следующее.

Во-первых, во всех предыдущих делах суды отвергали попытки налогоплательщиков блокировать действие правил недостаточной капитализации ссылками на ст. 24 (non-discrimination clause) соответствующего налогового договора аргументом о том, что п. 2 ст. 269 НК РФ не нарушает режим недискриминации, поскольку может применяться как к национальным российским компаниям, так и к иностранным, как к российским резидентам, так и нерезидентам. Однако по существу суды не шли дальше в анализе этого тезиса, не переходили к детальному рассмотрению различных последствий применения на практике подобной интерпретации ст. 269 НК РФ. В рамках рассматриваемого дела избежать такого детального анализа было уже невозможно, поскольку норма применялась в отношении компании – российского резидента, выплатившего проценты по контролируемой задолженности в пользу другого российского резидента. В этой ситуации было необходимо более детально рассмотреть основания и последствия применения ст. 269 НК РФ именно в обстоятельствах, когда иностранный элемент в отношениях проявляется лишь косвенно через 90 %-е участие в уставном капитале компании-займодавца иностранной (кипрской) компании. Итак, анализ, проведенный судами по делу, показал, что для применимости п. 2 ст. 269 НК РФ было необходимо прежде всего определить критерии, по которым устанавливался факт контролируемости российского резидента кипрской компанией. Иначе говоря, если бы речь шла о займодавце – российском резиденте без иностранного участия и не контролируемого иностранным капиталом, то основания для применения российских правил недостаточной капитализации отпали бы. Таким образом, данное дело вновь обнажило проблему соответствия российской практики применения правил недостаточной капитализации гарантиям, вытекающим из ст. 24 Модельной конвенции ОЭСР и ст. 24 соответствующих двусторонних налоговых договоров, построенных по модели ОЭСР или ООН. Эта проблема очевидно имеет место, поскольку в чисто внутригосударственных ситуациях п. 2 ст. 269 применению не подлежит. Следовательно, возникает вопрос о соответствии подхода российских судов пп. 76–79 Комментария к ст. 24 Модельной конвенции ОЭСР (2010 г.).

При этом следует учитывать, что, хотя Россия не является членом ОЭСР, практически во всех основных решениях по делам о недостаточной капитализации российские суды утверждали, что Модельная конвенция ОЭСР и Комментарии к ней – это крайне важные источники для толкования двусторонних налоговых соглашений (в ряде случаев утверждалось даже, что это обязательные для применения источники в силу Венской конвенции о праве международных договоров¹), и отмечали, что соответствующий суд руководствуется именно подходом ОЭСР при формировании своей практики².

Во-вторых, дело «Новой табачной компании» вновь актуализировало проблему формальности подхода к определению налоговых последствий, что заложено в са-

¹ См., в частности, аргументацию Суда апелляционной инстанции по делу «Нарьянмарнефтегаза» (постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28 октября 2011 г. № 09АП-23751/2011-АК, 09АП-25741/2011-АК по делу № А40-1164/11-99-7).

² См., в частности, аргументацию судов в следующих решениях: постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 7 июля 2014 г. по делу № А81-4077/2013, постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 13 апреля 2016 г. № Ф06-7059/2016 по делу № А55-9504/2015, постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 24 февраля 2014 г. № 08АП-12338/2013 по делу № А81-4077/2013.

мой концепции российских правил недостаточной капитализации. Напомним, что начиная с первого дела подобной категории – дела компании «Северный Кузбасс» (решение от 15 ноября 2011 г.) – важным аргументом, принимаемым российскими судами, был аргумент о том, что российские правила недостаточной капитализации не противоречат ст. 24 того или иного двустороннего налогового договора еще и по той причине, что выражают собой отступление от общего режима налогообложения трансграничных процентов, основанное на критериях ст. 9 Модельной налоговой конвенции ОЭСР (arms' length approach). Детальный разбор судами дела «Новой табачной компании» показал, что этот аргумент остается весьма дискуссионным. Фактически налоговые органы и суды не анализируют, насколько условия займа соответствуют условиям рынка, а лишь формально применяют правовые последствия, вытекающие из ст. 269 НК РФ. При этом парадокс этого дела состоял в том, что такие последствия должны были быть применены на стадии выплат процентов одной российской компанией другой российской компании (контролируемой кипрским резидентом). Следовательно, возникал вопрос о том, что, когда денежные средства последуют от российской контролируемой компании кипрскому резиденту, правила недостаточной капитализации могли быть применены повторно. При этом п. 2 ст. 269 не предусматривает никаких правил «обратных корректировок», подобных тем, что закреплены в п. 2 ст. 9 Модельной конвенции ОЭСР применительно к вопросам трансфертного ценообразования. Соответственно, последовательное и неоднократное применение правил недостаточной капитализации при движении денежных средств в рамках вертикально интегрированной группы компаний от дочерних компаний (нижестоящих в цепочке) в пользу материнских компаний (вышестоящих в цепочке) может вызвать каскадный эффект налогообложения и многократное применение ст. 269 НК РФ к одной и той же цепочке взаимосвязанных заемных обязательств.

Другой аспект этой же проблемы состоит в том, что российские правила недостаточной капитализации очевидно выходят за рамки ст. 9 Модельной конвенции ОЭСР, поскольку предусматривают не просто корректировку процентов в целях налогообложения (исходя из соотношения величины тела займа и собственного капитала заемщика), но и их переквалификацию в дивиденды. При этом исходя из существа российской нормы (п. 4 ст. 269 НК РФ) и содержания практики российских судов не вполне ясно, должно ли совпадать лицо, которое в силу договора займа считается кредитором и получателем процентов с тем лицом, которое в результате применения ст. 269 НК РФ будет считаться получателем дивидендов. Этот аспект проблемы явно обнажился в деле «Новая табачная компания». В силу договора займа кредитором и получателем процентов считалась российская компания, контролируемая кипрским резидентом. В результате применения правил недостаточной капитализации в рамках данного дела проценты, полученные российским резидентом, контролируемым кипрским резидентом, стали считаться дивидендами непосредственно кипрского резидента. Эта ситуация далеко отстоит от традиционных правовых последствий, вытекающих из ст. 9 Модельной конвенции ОЭСР, а самое главное, создает серьезные сложности, поскольку *не предполагает полной реконструкции системы экономических связей в рамках группы взаимозависимых компаний* исходя из их экономического содержания, а ограничивается установлением неблагоприятных налоговых последствий для одного конкретного налогоплательщика в рамках одной конкретной операции (от налогоплательщика в рамках спора требовалось исключить проценты из числа вычетов из налоговой базы по прибыли, а также произвести удержание суммы

налога на дивиденды у источника; однако в последнем требовании Верховный Суд РФ в заключительном решении налоговым органам отказал). Ни ст. 269 НК РФ (правила недостаточной капитализации), ни правовые позиции судов, существовавшие до времени рассмотрения данного дела, не отвечают исчерпывающе на вопрос, какие правовые последствия должны породить правила недостаточной капитализации для иных вовлеченных компаний. В частности, должна ли российская компания, контролируемая кипрским резидентом, исключить из своей налоговой базы (в части дохода) фактически полученные проценты, поскольку соответствующие средства по займу считаются относимыми теперь непосредственно к кипрской компании (а если бы не корректирующая позиция Верховного Суда РФ, они считались бы и дивидендами, уже полученными кипрской компанией).

Вопрос возникает и относительно самого иностранного участника операций, т. е. в данном случае кипрской компании. Предположим, что при каких-то обстоятельствах применялась бы позиция судов апелляционной и кассационной инстанций (т. е. без учета последующей корректировки решением Верховного Суда РФ). В этом случае появляется следующая цепочка противоречий: реально несмотря на применение п. 4 ст. 269 НК РФ иностранный резидент никакие дивиденды еще не получал (это обусловлено и разными механизмами учета процентов и дивидендов в системе налогового учета, когда проценты, как мы отмечали ранее, учитываются по методу начисления, т. е. когда возникает обязанность по их уплате, а не тогда, когда они фактически выплачены). Однако данная компания-нерезидент может получить впоследствии от контролируемой компании данные дивиденды (в таком случае в рамках рассматриваемого дела выплата дивидендов имела бы место от контролируемой компании, которая выступала в рамках спора в качестве кредитора по займу и получила проценты от своего контрагента, ставшие предметом спора и переквалификации).

Таким образом, если выплата дивидендов состоится, должны ли эти дивиденды вновь быть обложены налогом? Верховный Суд РФ в упомянутом решении признал наличие такого риска, что послужило одной из отправных точек для отмены решений нижестоящих судов.

Однако даже решение Верховного Суда РФ во многом выносит эту проблему за скобки спора, освобождая налогоплательщика от обязанности удержания налога на дивиденды благодаря процедурным требованиям, устанавливающим статус налогового агента при удержании, неясности нормы о недостаточной капитализации, риску двойного внутригосударственного налогообложения и т. п. Действительно, по российскому законодательству удержание налога у источника производится компанией при выплате пассивного дохода другой компании, если речь о контрагенте-нерезиденте, не имеющем постоянного представительства в России (в данном случае проценты начислялись по займу перед российским резидентом). Однако все эти важные сами по себе доводы не отвечают на вопрос о логической конструкции российских правил недостаточной капитализации и предметной сфере их действия.

Выводы

Проведенный анализ показывает, что в рамках рассмотренного Верховным Судом РФ дела «Новой табачной компании» практика по применению правил недостаточной капитализации достигла логических пределов. Первоначально обозначенная правовая позиция вступила в конфронтацию с экономической реальностью и стала

создавать сложноустраняемые противоречия не только с иными подходами к интерпретации налоговых соглашений (tax treaties), но и с налогово-правовыми нормами внутригосударственного уровня (domestic rules). Это объясняет, почему данное дело продемонстрировало в некоторых элементах разворот на 180 ° в развитии правоприменительной практики по делам указанной категории. С 2017 г. соответствующая практика Верховного Суда РФ в определенной степени повернулась лицом к налогоплательщику и потребностям экономических отношений, что проявляется в ряде последующих разъяснений, дополнивших правовую позицию Суда по делу «Новой табачной компании».

Отметим также наиболее значимые разъяснения 2017 г.

В рамках принятого 2 июля 2017 г. Обзора по вопросам трансфертного ценообразования и делам о недостаточной капитализации Верховный Суд РФ указал на значимость и *обязательность последовательности правовых позиций судов и налоговых органов в рамках дел о недостаточной капитализации* вне зависимости от того, идет ли речь о факторах неблагоприятных или благоприятных в плане финансовых последствий для налогоплательщика¹.

Так, в рамках одного из дел налоговый орган применил правила недостаточной капитализации и переквалифицировал проценты в дивиденды. В связи с этим суд разъяснил, что исходя из последовательной интерпретации и полной реконструкции экономических отношений (с учетом переквалификации) сумму займа следует считать вложением в уставный капитал дочерней компании. Следовательно, с учетом этого вложения можно считать выполненным нормативное условие налогового договора об инвестициях в размере не менее 100 000 евро в уставный капитал дочерней компании для применения впоследствии пониженной ставки для налогообложения дивидендов у источника в соответствии с налоговым договором, т. е. можно считать выполненным условие для применения ставки 10 %, а не 15 %².

Как видно из специального обзора Верховного Суда РФ 2017 г. по делам о «тонкой капитализации», позиция судов по делам данной категории стала более гибкой в плане принятия контрдоказательств налогоплательщика по возникшему спору³.

В частности, ст. 269 НК РФ в указанном Обзоре рассматривается уже не как норма, устанавливающая неопровержимую презумпцию незаконности операций налогоплательщика и необходимости обязательной переквалификации «излишних» процентов в дивиденды уже при формальном наступлении тех или иных оснований для применения ст. 269 (пп. 1–4) НК РФ. Налогоплательщик оказывается исходя из уточненной позиции судов не лишенным возможности доказывать, что хотя формально его операции попадают в область действия ст. 269 НК РФ, однако речь идет о реальных экономических операциях, осуществленных в соответствии с критериями ст. 9 налогового договора, т. е. на рыночных условиях, характерных для независимых предприятий. Если такая практика получит продолжение, то можно будет говорить о том, что она в значительной степени приблизится к международным стандартам разрешения споров данной категории.

¹ Пункт 14 Обзора практики рассмотрения судами дел, связанных с применением отдельных положений раздела V.1 и статьи 269 Налогового кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 февраля 2017 г.).

² Определение ВАС РФ от 12 декабря 2013 г. № ВАС-18021/13 по делу № А33-7550/2012.

³ Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с применением отдельных положений раздела V.1 и статьи 269 Налогового кодекса Российской Федерации.

Первый упомянутый прецедент в сочетании с новым подходом судов к оценке контрдоказательств налогоплательщика порождает интересный вопрос о границах действия правил недостаточной капитализации и порядке «реконструкции» экономических отношений при последовательном осуществлении переквалификации. Если считать, что каждый факт предоставления займа, попадающий в область ст. 269 НК РФ, превращает соответствующий заем во вклад в уставный капитал, то это действительно может изменить сферу действия данного правила. Возьмем простейший пример. Предположим, собственный капитал налогоплательщика – 10 000 евро. В 2014 г. он получил контролируемый заем от материнской компании в размере 1 000 000 евро, в 2015 г. – вновь в размере 1 000 000 евро, в 2016 г. – снова в размере 1 000 000 евро. Исходя из требований ст. 269 НК РФ коэффициент между телом займа и собственным капиталом налогоплательщика не может быть менее, чем 3 к 1 (т. е. сумма займа не должна более чем в три раза превышать размер собственного капитала). В свете этого, если первый заем в 1 000 000 евро считать вкладом в уставный капитал (коэффициент, очевидно, подлежит пересчету), то в 2015–2016 гг. оснований для применения правил недостаточной капитализации уже не будет, так как пропорция 1010 (10 000 собственного капитала + 1 000 000 в виде займа 2014 г., переквалифицированного в инвестиции в уставный капитал) к 2000 (1 000 000 в виде займа 2015 г. + 1 000 000 в виде займа 2016 г.) не будет образовывать превышения коэффициента 3 к 1. Подобное понимание способно существенно изменить правовые позиции российских судов 2012–2015 гг., в плане не только характера аргументации, но и практических последствий для налогоплательщиков. Важно также в дальнейшем в рамках совершенствования содержательной аргументации судов рассмотреть данный вопрос исходя из понятия процентов и дивидендов, закрепленных не столько в национальном праве, сколько в применяемом налоговом соглашении.

Библиография

Vinnitskiy D. V. Thin Capitalization Rules and Non-Discrimination Clause in the light of the «NaryanmarNefteGaz» // Tax Treaty Case Law around the Globe 2013. IBFD, 2014.

О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 548.

Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с применением отдельных положений раздела V.1 и статьи 269 Налогового кодекса Российской Федерации: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 февраля 2017 г. // Бюл. Верховного Суда РФ. 2017. № 9.

Определение ВАС РФ от 12 декабря 2013 г. № ВАС-18021/13 по делу № А33-7550/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

Определение ВАС РФ от 21 июня 2012 г. № ВАС-7104/12 по делу № А40-1164/11-99-7 // СПС «КонсультантПлюс».

Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 октября 2015 г. № Ф05-14396/2015 по делу № А40-3177/15 // СПС «КонсультантПлюс».

Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 13 апреля 2016 г. № Ф06-7059/2016 по делу № А55-9504/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 24 февраля 2014 г. № 08АП-12338/2013 по делу № А81-4077/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28 октября 2011 г. № 09АП-23751/2011-АК, 09АП-25741/2011-АК по делу № А40-1164/11-99-7 // СПС «КонсультантПлюс».

Постановление Президиума ВАС РФ от 15 ноября 2011 г. № 8654/11 по делу № А27-7455/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 1 ноября 2010 г. № 07АП-8831/10 по делу № А27-7455/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 11 марта 2011 г. по делу № А27-7455/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 7 июля 2014 г. по делу № А81-4077/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

Постановление ФАС Северо-Западного округа от 18 сентября 2013 г. по делу № А52-4072/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

Решение Арбитражного суда Кемеровской области от 12 августа 2010 г. по делу № А27-7455/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

Bibliography

О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ // SZ RF. 2014. № 6. Ст. 548.

Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с применением отдельных положений раздела V.1 и ст. 269 Налогового кодекса Российской Федерации: отвл. Президиумом Верховного Суда РФ 16 февраля 2017 г. // Бул. Верховного Суда РФ. 2017. № 9.

Определение ВАС РФ от 12 декабря 2013 г. № ВАС-18021/13 по делу № А33-7550/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

Определение ВАС РФ от 21 июня 2012 г. № ВАС-7104/12 по делу № А40-1164/11-99-7 // СПС «КонсультантПлюс».

Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 октября 2015 г. № F05-14396/2015 по делу № А40-3177/15 // СПС «КонсультантПлюс».

Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 13 апреля 2016 г. № F06-7059/2016 по делу № А55-9504/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

Постановление Деятого арбитражного апелляционного суда от 28 октября 2011 г. № 09АП-23751/2011-АК, 09АП-25741/2011-АК по делу № А40-1164/11-99-7 // СПС «КонсультантПлюс».

Постановление ФАС Северо-Западного округа от 18 сентября 2013 г. по делу № А52-4072/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 11 марта 2011 г. по делу № А27-7455/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 7 июля 2014 г. по делу № А81-4077/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

Постановление Президиума ВАС РФ от 15 ноября 2011 г. № 8654/11 по делу № А27-7455/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 1 ноября 2010 г. № 07АП-8831/10 по делу № А27-7455/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

Постановление Восемьмого арбитражного апелляционного суда от 24 февраля 2014 г. № 08АП-12338/2013 по делу № А81-4077/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

Решение Арбитражного суда Кемеровской области от 12 августа 2010 г. по делу № А27-7455/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

Vinnitskiy D. V. Thin Capitalization Rules and Non-Discrimination Clause in the light of the «Naryan-marNefteGaz» // Tax Treaty Case Law around the Globe 2013. IBFD, 2014.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ДОЛГОВ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА КАК УСЛОВИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Майфат Аркадий Викторович

Доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), e-mail: am@urallaw.ru

Нормы ст. 79 «Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания» УК РФ неоднократно были предметом уголовно-правовых исследований, имеется обширная судебная практика применения этих норм. В то же время определенный интерес представляет вопрос о взаимодействии положений УК РФ и ФЗ «О банкротстве». В статье рассматривается возможность освобождения от долгов должников в процедуре банкротства, долг которых возник в результате преступления. Также анализируется возможность условно-досрочного освобождения лиц указанной категории.

Ключевые слова: освобождение от долгов, банкротство, возмещение вреда, физическое лицо, условно-досрочное освобождение

DEBT RELIEF RESULTED FROM THE BANKRUPTCY PROCEEDINGS AS A CONDITION FOR RELEASE FROM PUNISHMENT: TO DEFINE THE PROBLEM

Mayfat Arkadiy

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: am@urallaw.ru

The norms of art. 79 «Conditional Early Release from Punishment» of the RF Criminal Code have been studied a number of times, and there is an extensive court practice concerning the application of them. Meanwhile, the relationship between the rules of the Criminal Code and the Federal law on bankruptcy is also a matter of interest. The author wants to know whether it is possible to release from debts those persons who are in bankruptcy proceedings and whose debts were the result of committing a crime. Besides that, he explores the possible conditional early release from punishment of these debtors.

Key words: debt relief, bankruptcy, compensation for damages, individual, conditional early release from punishment

Согласно положениям ст. 79 УК РФ лицо, отбывающее содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы, подлежит условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, а также возместило вред (полностью или частично), иным образом загладило вред, причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда. Насколько реализуемы в современных экономических условиях указанные возможности освобождения от наказания, прежде всего для лиц, находящихся в местах лишения свободы? Такой вопрос не случаен, поскольку сегодня в местах лишения свободы находится значительное количество людей, отбывающих наказание за так называемые хозяйствен-

ные, предпринимательские преступления, иные преступления, результатом которых являются в том числе обязательства имущественного характера в форме возмещения причиненного вреда. При этом размер долга перед потерпевшими зачастую составляет десятки, а то и сотни миллионов рублей, возместить которые в условиях лишения свободы в полном или значительном объеме, как правило, невозможно¹. Применимо ли освобождение от наказания для лиц, прошедших процедуру банкротства и тем самым освобожденных от долгов? Иными словами, можно ли говорить о том, что вред, причиненный преступлением, в этом случае возмещен, поскольку произошло освобождение от долгов? При анализе норм ст. 79 УК РФ обращают на себя внимание два обстоятельства.

Во-первых, уголовный закон говорит именно о возмещении вреда, что по своему смыслу указывает на такой способ прекращения обязательства, установленный ГК РФ, как надлежащее исполнение (ст. 408 ГК РФ), не упоминая при этом иные способы прекращения обязательства из причинения вреда. В свою очередь согласно ст. 1082 ГК РФ возмещение вреда возможно через возмещение в натуре путем предоставления вещи того же рода и качества, исправления поврежденной вещи и т. п. или посредством возмещения причиненных убытков, т. е. через выплату в пользу потерпевшего определенной денежной суммы.

Во-вторых, из нормы ст. 79 УК РФ ясно, что действия по исполнению обязательства (возмещению вреда) должен выполнить сам осужденный и тем самым продемонстрировать волю и желание загладить вред, причиненный преступлением². Таким образом, осужденный должен своими действиями прекратить обязательственное правоотношение посредством исполнения обязанности через выплату в пользу потерпевшего определенной судом денежной суммы либо возмещения в натуре.

В свою очередь в ст. 213²⁸ ФЗ «О банкротстве» установлено, что после завершения расчетов с кредиторами граждан, признанный банкротом, освобождается от дальнейшего исполнения требований кредиторов. Термин «освобождение» также упот-

¹ В литературе справедливо отмечается, что «суд не вправе отказать в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания или замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания в тех случаях, когда вред, причиненный преступлением (материальный ущерб и моральный вред), по гражданскому иску не возмещен в силу таких объективных причин, как инвалидность осужденного или наличие у него заболеваний, препятствующих трудоустройству, невозможность трудоустройства из-за ограниченного количества рабочих мест в колонии и т. д.» (Комментарий к статье 79 УК РФ // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: постатейный / под ред. А. В. Бриллиантова: в 2 т. 2-е изд. Т. 1. М., 2015. СПС «КонсультантПлюс»). В то же время решение вопроса остается на усмотрении суда и осужденному может быть отказано по совокупности с иными обстоятельствами, в том числе такими, которые сами по себе не явились бы основанием для отказа в условно-досрочном освобождении.

² В литературе отмечается: «Осужденный сам должен возместить причиненный им вред, однако источником средств, за счет которых этот вред возмещается, могут выступать деньги и другое имущество, переданное осужденному третьим лицом» (Карабанова Е. Н. Возмещение вреда, причиненного преступлением, как одно из оснований условно-досрочного освобождения: проблемы и возможные пути их решения // Уголовное право. 2015. № 3. С. 124). Однако, на наш взгляд, возмещение вреда третьими лицами не должно выступать препятствием. В силу ст. 313 ГК РФ кредитор обязан принять исполнение, предложенное за должника третьим лицом, если исполнение обязательства возложено должником на указанное третье лицо. Кредитор не обязан принимать исполнение, предложенное за должника третьим лицом, если из закона, иных правовых актов, условий обязательства или его существа вытекает обязанность должника исполнить обязательство лично. Представляется, что обязательство по возмещению вреда, возникшее из уголовно наказуемого деяния, не относится к личным обязательствам (обязанности исполнить лично) в отличие от обязанности лично претерпевать собственно уголовное наказание.

ребляется в постановлении Пленума ВАС РФ от 30 июня 2011 г. № 51¹. Идет ли в данном случае речь о прекращении обязательства, как это определено в ст. 407 ГК РФ?

Согласно указанной норме обязательство прекращается полностью или частично по основаниям, предусмотренным ГК РФ, другими законами, иными правовыми актами или договором. Освобождение как основание прекращения обязательства упоминается в ряде статей ГК РФ². Таким образом, не только происходит *освобождение* гражданина, признанного банкротом, *от дальнейшего исполнения* обязательств перед кредиторами, но и прекращается обязательство как правоотношение. При этом важно обратить внимание, что в силу ст. 142 ФЗ «О банкротстве» требования кредиторов, не удовлетворенные по причине недостаточности имущества должника, также *считаются погашенными*. Однако при этом очевидно, что такое основание прекращения обязательства между лицом, причинившим вред преступлением, и его кредитором-потерпевшим, как освобождение от дальнейшего исполнения требований кредитора, когда обязательства считаются погашенными по причине недостаточности имущества должника, не может служить основанием для условно-досрочного освобождения последнего от наказания³. Происходит так потому, что в данном случае нет факта возмещения вреда, отсутствует исполнение как таковое.

Обращают на себя внимание и те нормативные установления, которые не позволяют лицам, совершавшим преступления, получить освобождение от обязательств посредством процедуры банкротства. Дело в том, что в п. 4 ст. 213²⁸ ФЗ «О банкротстве» установлено, что освобождение гражданина от обязательств не допускается в случае, если доказано, что *при возникновении или исполнении обязательства*, на котором конкурсный кредитор или уполномоченный орган основывал свое требование в деле о банкротстве гражданина, гражданин действовал *незаконно*, в том числе совершил мошенничество, злостно уклонился от погашения кредиторской задолженности, уклонился от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица, предоставил кредитору заведомо ложные сведения при получении кредита, скрыл или умышленно уничтожил имущество⁴. В п. 45 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» разъяснено, что соответствующие обстоятельства могут быть установлены в рамках любого судебного процесса (обособленного спора) по делу о банкротстве должника, а также в иных делах.

¹ О рассмотрении дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей: постановление Пленума ВАС РФ от 30 июня 2011 г. № 51 (ред. от 6 июня 2014 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

² Так, согласно ст. 415 ГК РФ обязательство прекращается освобождением кредитором должника от лежащих на нем обязанностей, если это не нарушает прав других лиц в отношении имущества кредитора. Также ст. 325 ГК РФ определяет, что исполнение солидарной обязанности полностью одним из должников освобождает остальных должников от исполнения кредитором.

³ Конечно, нельзя исключать случаи, когда в результате процедуры банкротства все требования кредиторов, в том числе из причинения вреда, или их значительная часть будут удовлетворены. Но это, скорее, исключение из общего правила, во всяком случае на современном этапе.

⁴ В этих случаях арбитражный суд в определении о завершении реализации имущества гражданина указывает на неприменение в отношении гражданина правила об освобождении от исполнения обязательств либо выносит определение о неприменении в отношении гражданина правила об освобождении от исполнения обязательств, если эти случаи выявлены после завершения реализации имущества гражданина. Очевидно, что любое неисполнение, ненадлежащее исполнение обязанности само по себе незаконно, поскольку нарушает как требование норм права, так и право кредитора на должное исполнение (ст. 309 ГК РФ).

Формально к уголовно-правовой тематике относится только указание на то, что гражданин¹ совершил мошенничество. Мошенничество согласно ст. 159 УК РФ – хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Означает ли это, что лица, осужденные за иные преступные деяния, могут рассчитывать на освобождение от обязательств? Ответ очевиден: в рамках действующего закона не могут, поскольку лицо, совершившее преступление, всегда действует *незаконно*. Значит, обязательство, на котором конкурсный кредитор или уполномоченный орган основывал свое требование в деле о банкротстве гражданина, основано в этом случае на незаконном действии, что находит подтверждение в решениях судебных органов: «У кредиторов должна быть возможность удовлетворения их интересов, препятствуя стимулированию недобросовестного поведения граждан, направленного на получение излишних кредитов без цели их погашения в надежде на предоставление возможности полного освобождения от задолженности посредством банкротства. Приговором суда города установлены неправомерные действия гражданина, послужившие основанием для возникновения спорной задолженности. Довод заявителя о погашении судимости не имеет правового значения для рассмотрения настоящего спора. По смыслу части 6 статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации погашение или снятие судимости аннулирует только уголовно-правовые последствия, связанные с судимостью, но не освобождает физическое лицо от исполнения гражданско-правовой обязанности по возмещению взысканного ущерба»². Таким образом, освобождение физического лица от обязательств, возникших на основании преступного деяния (деликта), невозможно, поскольку любое действие, оцененное судом как преступление, является незаконным, в том числе преступление, совершенное по неосторожности.

В то же время логично поставить вопрос: должен ли закон допускать в принципе возможность освобождаться от обязательств на основании процедуры банкротства, если они возникли в результате преступления? Полагаем, что да, и вот почему.

Лицо, совершившее преступление и причинившее этим преступлением вред, с точки зрения гражданского права является таким же должником, как и лицо, не исполнившее обязательство, например, по возврату кредита, значит, в принципе должно иметь право на освобождение от долгов. При этом гражданское право считает такое основание прекращения обязательств, как освобождение от обязательства, приемлемым, снимая с гражданина бремя гражданско-правовой обязанности. Возникает вопрос: насколько справедлив закон, не допускающий возможность банкротства физических лиц, обязательства которых возникли вследствие совершенного преступления? Нормы п. 6 ст. 213²⁸ ФЗ «О банкротстве» определяют перечень обязательств, которые не могут быть погашены в процедуре банкротства:

о привлечении гражданина как контролирующего лица к субсидиарной ответственности;

о возмещении гражданином убытков, причиненных им юридическому лицу, участником которого был или членом коллегиальных органов которого являлся гражданин, *умышленно или по грубой неосторожности*;

¹ Интересно, что в главе ФЗ «О банкротстве», посвященной банкротству физических лиц, законодатель использует термин «гражданин», тогда как в остальном тексте Закона – «физическое лицо».

² Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 12 сентября 2017 г. № Ф01-3478/2017 по делу № А43-17621/2016. См. также: постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18 апреля 2017 г. № Ф06-19745/2017 по делу № А55-32057/2015.

о возмещении гражданином убытков, которые причинены *умышленно или по грубой неосторожности* в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения им как арбитражным управляющим возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве;

о возмещении вреда имуществу, причиненного гражданином *умышленно или по грубой неосторожности*;

о применении последствий недействительности сделки, признанной недействительной на основании ст. 61² или 61³ ФЗ «О банкротстве».

При этом критерий, по которому был сформирован указанный перечень обязательств, очевиден, в основании возникновения обязательств лежат деликты, как можно заметить, речь идет прежде всего об умышленных действиях, совершенных в отношении кредиторов. Представляется, что указанные ограничения в полной мере учитывают все те случаи, когда погашение долгов невозможно в силу порочности, противоправности оснований возникновения обязательства.

Необходимо посмотреть и на цели проведения процедуры банкротства. Как справедливо отмечается в литературе, «банкротство – необходимый инструмент права, целями которого являются укрепление экономической стабильности в обществе, предоставление легальных способов освобождения от долгов, а не ликвидация предприятия с долгами, как часто думают. Институт банкротства отвечает интересам должника, кредиторов и общества. Это означает, что в рамках соответствующей процедуры должен соблюдаться баланс частных и публичных интересов»¹. В другой работе акцентируется внимание на социальных целях именно банкротства физических лиц: «Особенности субъектного состава при банкротстве граждан диктуют также появление иных целей, которые не могут ставиться при банкротстве юридического лица: целей, связанных со статусом личности, с обеспечением права на достойную жизнь человека и защиту его основных прав и свобод»². Поскольку «невозможность освободиться от непосильного бремени долгов влияет на физическое здоровье человека, подталкивает к недобросовестному поведению, стимулирует „серые“ рынки труда»³, очевидно, что уголовный закон должен допускать возможность условно-досрочного освобождения от дальнейшего отбывания наказания, если должник освобождается от обязательств на основании процедуры банкротства, даже если его обязанность всего лишь считается погашенной.

Отвечая на возможный упрек в том, что преступление тем и отличается от гражданско-правового деликта, что оно (преступление) есть общественно опасное явление⁴ и к нему не следует подходить просто как к деликту, можно заметить, что закон и правоприменитель уже применили к «уголовному» должнику более строгое, нежели к «гражданскому», наказание, должник претерпевает соответствующее уголовное наказание.

¹ Извеков С. С. Вопросы исполнения организациями обязанностей по уплате налога на доходы физических лиц в делах о банкротстве // Рос. юрид. журн. 2016. № 5. С. 194.

² Банкротство хозяйствующих субъектов: учеб. для бакалавров / Я. О. Алимова, Н. Н. Викторова, С. С. Галкин и др.; отв. ред. И. В. Ершова, Е. Е. Енькова. М., 2016. С. 266.

³ Там же.

⁴ Как отмечается в литературе, понятие общественной опасности позволяет делимитировать уголовно-правовое пространство и должно служить критерием разграничения уголовной и иных видов ответственности, в частности административной (Головкин Л. В. Разграничение административной и уголовной ответственности по российскому праву // Lex russica. 2016. № 1. С. 143).

Кроме того, лишая осужденных, имеющих гражданско-правовые обязательства, права на освобождение от долгов в процедуре банкротства во всех без исключения случаях, закон ставит их в неравное положение по сравнению с лицами, которые также отбывают наказание, но не являются должниками и при этом совершили не менее, а часто и более тяжкие деяния, например против личности и др. Следует отметить, что в уголовно-исполнительном праве известна такая мера взыскания, как лишение привилегий¹. Получается, что, поскольку сегодня в условиях лишения свободы осужденный, как правило, фактически лишен возможности исполнить обязательства и возместить вред, причиненный преступлением, в полном объеме или в большей его части, закон фактически лишает осужденного права на условно-досрочное освобождение, тем самым наказывает такое лицо дважды.

Представляется, что в Законе «О банкротстве» следует уточнить перечень оснований, при наличии которых освобождение гражданина от обязательств не допускается, указав прежде всего на умышленный характер преступного деяния, когда умысел был направлен именно на причинение имущественного вреда потерпевшим. Может быть, стоит предусмотреть возможность частичного прощения долга. При этом из Закона должно быть устранено общее указание на незаконность действий при возникновении обязательств как препятствие для освобождения от обязательства. Соответственно, нужно закрепить и возможность условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и в том случае, когда лицо, отбывающее наказание (причинитель вреда), освобожден от долгов посредством процедуры банкротства физического лица полностью или в значительной части.

Библиография

Банкротство хозяйствующих субъектов: учеб. для бакалавров / Я. О. Алимова, Н. Н. Викторова, С. С. Галкин и др.; отв. ред. И. В. Ершова, Е. Е. Енькова. М., 2016.

Головко Л. В. Разграничение административной и уголовной ответственности по российскому праву // Lex russica. 2016. № 1.

Извеков С. С. Вопросы исполнения организациями обязанностей по уплате налога на доходы физических лиц в делах о банкротстве // Рос. юрид. журн. 2016. № 5.

Карабанова Е. Н. Возмещение вреда, причиненного преступлением, как одно из оснований условно-досрочного освобождения: проблемы и возможные пути их решения // Уголовное право. 2015. № 3.

Комментарий к статье 79 УК РФ // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: постатейный / под ред. А. В. Бриллиантова: в 2 т. 2-е изд. Т. 1. М., 2015. СПС «КонсультантПлюс».

О рассмотрении дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей: постановление Пленума ВАС РФ от 30 июня 2011 г. № 51 (ред. от 6 июня 2014 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 12 сентября 2017 г. № Ф01-3478/2017 по делу № А43-17621/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18 апреля 2017 г. № Ф06-19745/2017 по делу № А55-32057/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

Bibliography

Bankrotstvo xozyajstvuyushhix sub"ektov: ucheb. dlya bakalavrov / Ya. O. Alimova, N. N. Viktorova, S. S. Galkin i dr.; отв. red. I. V. Ershova, E. E. En'kova. M., 2016.

Golovko L. V. Razgranichenie administrativnoj i ugolovnoj otvetstvennosti po rossijskomu pravu // Lex russica. 2016. № 1.

¹ Так, к осужденным, отбывающим лишение свободы в колониях-поселениях, могут применяться взыскания в виде отмены права проживания вне общежития и запрещения выхода за пределы общежития в свободное от работы время на срок до 30 дней (ст. 115 УИК РФ).

Izvekov S. S. Voprosy ispolneniya organizatsiyami obyazannostej po uplate naloga na doxody fizicheskix lic v delax o bankrotstve // Ros. jurid. zhurn. 2016. № 5.

Karabanova E. N. Vozmeshhenie vreda, prichinennogo prestupleniem, kak jedno iz osnovanij uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya: problemy i vozmozhnye puti ix resheniya // Ugolovnoe pravo. 2015. № 3.

Kommentarij k stat'e 79 UK RF // Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii: postatejnyj / pod red. A. V. Brilliantova: v 2 t. 2-e izd. T. 1. M., 2015. SPS «Konsul'tantPlyus».

O rassmotrenii del o bankrotstve individual'nyx predprinimatelej: postanovlenie Plenuma VAS RF ot 30 iyunya 2011 g. № 51 (red. ot 6 iyunya 2014 g.) // SPS «Konsul'tantPlyus».

Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Povolzhskogo okruga ot 18 aprelya 2017 g. № F06-19745/2017 po delu № A55-32057/2015 // SPS «Konsul'tantPlyus».

Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Volgo-Vyatskogo okruga ot 12 sentyabrya 2017 g. № F01-3478/2017 po delu № A43-17621/2016 // SPS «Konsul'tantPlyus».

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

Редактор *О. Ю. Петрова*
Дизайн обложки *И. М. Митрофанова*
Компьютерная вёрстка *О. Ю. Петрова*

Подписано к использованию 29.12.17.
Уч.-изд. л. 15,16.
Объем 1,25 МВ

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, п. 1 ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит